

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2025

№ 25

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА
УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
РЕЦЕНЗИИ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Ведерников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голик Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головкин Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Дерябин Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Николюк В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолякова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формированию и применению законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистов – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редакторы: К.Г. Шилько, А.А. Цыганкова; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелююр; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 23.06.2025 г. Формат 60х80^{1/8}. Печ. л. 16,5. Усл.-печ. л. 15,3. Тираж 500 экз. Заказ № 6360. Цена свободная.

Дата выхода в свет 10.07.2025 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Валеев М.Т. Необходимость и достаточность системы уголовных наказаний	5
Мосс Ф.А. Эффективность освобождения от уголовной ответственности по общим нереабилитирующим основаниям: постановка проблемы	11
Уваров О.Н., Ольховик Д.Н. К вопросу о свойствах уголовного наказания	17
Шеслер А.В., Шеслер С.С. Уголовно-правовая оценка общественной опасности лица, совершившего преступление	21

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бешкок А.А. Некоторые вопросы соблюдения прав несовершеннолетних, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, на стадии досудебного производства	26
Боровцова Е.В. Рассмотрение дел о замене наказания по приговору в случае злостного уклонения от его отбывания мировым судьей	31
Габдуллин Р.Р., Носкова Е.В. Соблюдение сроков предварительного расследования как необходимое условие обеспечения права на защиту	39
Грищенко А.В. Непосредственность в уголовном процессе России по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года: пределы ограничения и гарантии реализации	44
Жилинский Д.А. Свойства процессуального решения в уголовном судопроизводстве как процессуального акта	53
Комаров Р.П. К вопросу о моменте заявления защитником ходатайств об исключении недопустимых доказательств	57
Михайлова Т.Н., Вастьянова О.Д. Следственное усмотрение при решении вопроса о выборе меры пресечения в отношении несовершеннолетнего	62
Мезинов Д.А. К вопросу о доказывании элементов субъективной стороны преступлений экстремистской направленности	70
Ясельская В.В. Об использовании защитником мобильного телефона как средства фиксации при участии в производстве следственных действий	75

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Долматов А.О. Особенности личности преступника, имеющие правовое значение при применении в отношении него мер пенитенциарной probation	79
Павленко А.А. Специфика элементов правового статуса осужденных к наказанию в виде принудительных работ	84
Уткин А.В. Системные аспекты межотраслевого взаимодействия в сфере исполнения уголовных наказаний	92

КРИМИНОЛОГИЯ

Стародубцева М.А. Социально-правовые и психологические критерии определения «групп риска» из числа учащихся образовательных организаций профессионального и высшего образования, при прочих равных условиях склонных к совершению преступлений, предусмотренных ст. 205 ² УК РФ	98
Трофимова Г.А. Типология личности преступника в зависимости от основополагающей социально-психологической установки	102

КРИМИНАЛИСТИКА

Клевцов К.К. Методы противодействия расследованию преступлений и некоторые нетрадиционные способы их преодоления: зарубежный опыт	109
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Кудратов Н.А. Новеллы и проблемы преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в новом проекте Уголовного кодекса Республики Таджикистан	118
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Деришев Ю.В. Актуальные проблемы теории современной следственной деятельности	125
--	-----

CONTENTS

CRIMINAL LAW

Valeev M.T. Necessity and sufficiency of the system of criminal punishments	5
Moss F.A. The effectiveness of exemption from criminal liability under general non-rehabilitating grounds: Problem statement	11
Uvarov O.N., Olkhovik D.N. On the properties of criminal punishment	17
Shesler A.V., Shesler S.S. Criminal law assessment of social dangerousness of a person who has committed a crime	21

CRIMINAL PROCEDURE

Beshkok A.A. Some issues of protecting the rights of minors not involved in criminal proceedings at the pretrial stage	26
Borovtsova E.V. Consideration of cases on sentence modification by magistrates due to malicious evasion of serving sentence	31
Gabdulin R.R., Noskova E.V. Compliance with preliminary investigation time limits as a necessary condition for ensuring the right to defense	39
Grishchenko A.V. Immediacy in Russian criminal procedure under the 1864 Statute of Criminal Proceedings: Limits of restriction and implementation guarantees	44
Zhilinsky D.A. The properties of a procedural decision in criminal proceedings as a processing act	53
Komarov R.P. On the timing of defense motions to exclude inadmissible evidence	57
Mikhailova T.N., Vastyanova O.D. Investigative discretion in selecting pretrial measures for juvenile defendants	62
Mezinov D.A. On proving the subjective elements of extremist crimes	70
Yaselskaya V.V. On the defense attorney's use of mobile phones as documentation tools during investigative acts	75

PENAL LAW

Dolmatov A.O. Legally relevant personal characteristics of offenders in the application of penitentiary probation measures	79
Pavlenko A.A. Specifics of the legal status elements for convicts sentenced to compulsory labor	84
Utkin A.V. Systemic aspects of cross-disciplinary interaction in criminal penalty enforcement	92

CRIMINOLOGY

Starodubtseva M.A. Socio-legal and psychological criteria for identifying "at-risk groups" among vocational and higher education students prone to committing crimes under Article 205 ² of the Criminal Code of the Russian Federation	98
Trofimova G.A. Typology of offender personality based on foundational socio-psychological attitudes	102

FORENSIC SCIENCE

Klevtsov K.K. Methods of obstructing crime investigations and some non-traditional approaches to counteract them: International practices	109
--	-----

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Kudratov N.A. Novelties and challenges of crimes against constitutional order and state security in the new draft Criminal Code of the Republic of Tajikistan	118
--	-----

REVIEWS

Derishev Yu.V. Current theoretical issues in modern investigative practices	125
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/25/1

НЕОБХОДИМОСТЬ И ДОСТАТОЧНОСТЬ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Марат Тагирович Валеев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mtv66@yandex.ru*

Аннотация. Автор рассматривает реализацию требований необходимости и достаточности в системе уголовных наказаний. Любая система существует ради достижения цели, в том числе и система наказаний. Цель системы достигается взаимодействием её элементов. «Обнаружить» цель системы наказаний можно, поняв, для чего и как наказания взаимодействуют между собой. Автор приходит к выводу, что такое взаимодействие осуществляется путем сложения, поглощения, замены, зачета или сокращения наказания, а значит, общая цель системы – корректировка кары в процессе назначения или исполнения наказания. Достижение этой цели обеспечивается рядом необходимых условий, одинаковых для всех вариаций достижения цели системы наказаний. К необходимым автор относит наличие не менее двух уголовных наказаний, учитывающих личность преступника и общественную опасность преступления, которые могли сопрягаться между собой. Конкретным же содержанием, достаточным для достижения цели, система наказания наполняется в зависимости от того, каким способом она достигается – сложением, поглощением, заменой, зачетом или сокращением наказания.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное наказание, система наказаний

Для цитирования: Валеев М.Т. Необходимость и достаточность системы уголовных наказаний // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 5–10. doi: 10.17223/23088451/25/1

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/1

NECESSITY AND SUFFICIENCY OF THE SYSTEM OF CRIMINAL PUNISHMENTS

Marat T. Valeev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mtv66@yandex.ru*

Abstract. The article examines the implementation of necessity and sufficiency requirements in the system of criminal punishments. Any system, including the system of punishments, exists for a goal, which is achieved through the interaction of its elements. The goal of the punishment system can be "discovered" by understanding why and how punishments interact with each other. The author concludes that this interaction occurs through the summation, absorption, substitution, offsetting, or reduction of punishments. Consequently, the overall goal of the system is to adjust the punitive measure during the imposition or execution of punishment. Achieving this goal requires a set of necessary conditions, which are the same for all variations of fulfilling the punishment system's goal. The author considers the following as necessary: the existence of at least two combinable criminal punishments, considering the offender's personality and the social danger of the crime. Meanwhile, the specific content sufficient to achieve the goal depends on the method used — whether through summation, absorption, substitution, offsetting, or reduction of punishment.

Keywords: criminal law, criminal punishment, punishment system

For citation: Valeev, M.T. (2025) Necessity and sufficiency of the system of criminal punishments. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 5–10. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/1

Проблемы системы наказаний, несмотря на значительное количество публикаций, остаются среди ключевых в теории уголовного права. Одной из них является реализация в системе наказаний условий необходимости и достаточности [1. С. 89]. Иными словами, коль скоро наказания можно рассматривать сквозь призму системы, какое количество элементов этой системы, их отношений, свойств необходимо и достаточно для ее функционирования?

Ответ на этот вопрос не имеет раз и навсегда однозначного и верного ответа. Во-первых, во многом это зависит от конкретных исторических условий, в которых функционирует система. Сами характеристики необходимости и достаточности применительно к состоянию и функционированию такой сложной системы, как система уголовных наказаний, не являются застывшими, а живут и видоизменяются в зависимости от конкретных экономических, политических, социальных, географических

ческих, морально-этических и прочих условий. Так, законодатель Швеции, конструируя систему наказаний, считал необходимым предусмотреть пять элементов, три из которых (условное наказание, probation и передача на специальное попечение) в понимании российского законодателя наказаниями не являются. Уголовное законодательство первых лет Советской власти не признавало требования достаточности. Так, 16 июня 1918 г. НКЮ установил, что ревтрибуналы в выборе мер борьбы с саботажем, контрреволюцией «не связаны никакими ограничениями» [2. С. 98]. Правоприменителю предлагалось руководствоваться «революционным правосознанием», «социальным чутьем пролетарского суда», «велениями революционной совести». Это приводило к применению и наказаний, как предусмотренных нормами права, так и вовсе неизвестных законодательству – тех, что были результатом исключительно судебного правотворчества, например, «прохождение курса политграмоты», «принудительное политическое воспитание» и т.д. Вторых, он зависит от подхода к пониманию сути системы наказаний и наказаний как таковых. Так, при «перечневом» подходе к системе наказаний, основным назначением которого есть расположение элементов по мере возрастания строгости, необходимым для соответствия ее требованиям будет такое количество, которое позволит констатировать перечень (список), а достаточным – позволяющее констатировать увеличение строгости от элемента к элементу в этом перечне.

Однако эти замечания не препятствуют выработке общих методологических рекомендаций, которыми стоит руководствоваться при построении системы уголовных наказаний.

Что же понимать под необходимостью и достаточностью применительно к системе уголовных наказаний? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует определиться со значениями этих категорий в области их «естественного обитания» – логике, где необходимость – условие, без которого утверждение не может быть верным, а достаточность – условие, при котором утверждение заведомо верно. Кроме того, в логике необходимость и достаточность – условия, устанавливающие зависимость истинности какого-либо утверждения А от наличия условий, фиксируемых в другом утверждении. Необходимыми условиями истинности утверждения А называются условия, без соблюдения которых А не может быть истинным. Достаточными называются такие условия, при наличии (соблюдении) которых утверждение А является истинным. Есть три вида взаимосвязи «необходимого» и «достаточного». Условия могут быть необходимыми, но недостаточными, достаточными, но не необходимыми, необходимыми и достаточными [3. С. 110].

Уяснение необходимости и достаточности системы наказаний требует уяснения, что такое система наказаний. В философской науке в качестве системообразующего критерия совокупности элементов выделяют цель

[4. С. 10]. Один из основателей отечественной теории систем В.Н. Сагатовский отмечал, что системой объект является лишь относительно той цели, которую он способен реализовать, достигнуть [5. С. 68]. Ради достижения цели элементы и объединяются в систему – цели, достичь которую элементы не могут по отдельности, но могут, взаимодействуя и создавая тем самым новое («интегративное» или «эмерджентное») свойство, которое и позволяет достичь цели¹. Само появление цели всегда связано с противоречием между тем, что есть, и тем, что должно быть [7. С. 19]. Постановка цели возможна и перед совокупностью, не образующей систему. Однако система делает достижение цели или более эффективным, или вообще возможным.

Таким образом, именно цель задает параметры системы. Учитывая, что необходимость и достаточность – это характеристики системы, их параметры также будут определяться целью системы. Итак, конструируя систему наказаний, сначала следует определить её цель, затем «строительный материал» этой системы – элементы, их свойства и отношение (структуру). Это позволит определить, сколько необходимо и достаточно для достижения цели.

В научной литературе вопросу постановки цели системы наказаний, в отличие от цели самого наказания, за редким исключением не уделяется должного внимания, что удивительно, учитывая количество публикаций, посвященных системе наказаний, а также, что цель очерчивает в множестве систему, актуализирует её [8. С. 65; 9. С. 11]. Автор исходит из следующего понимания цели системы наказаний. Как было сказано выше, цель любой системы достигается в результате взаимодействия ее элементов. Перед совокупностью наказаний можно поставить разные цели и, исходя из них, выстроить сами наказания, придать нужные им свойства и отношения. Как отмечали Ф.И. Перегудов и Ф.П. Тарасенко, на выбор целей существенное влияние оказывает система ценностей субъекта, которой он придерживается [10]. В совокупности уголовных наказаний при воле на то законодателя можно выделить несколько систем: систему для максимизации страдания преступнику, систему для минимизации страдания для него же, систему для обогащения государства, систему для постройки масштабных строительных сооружений, систему для пополнения рядов вооруженных сил и т.д. Более того, даже в одной и той же совокупности наказаний можно реализовать несколько целей, что будет означать выделение нескольких самостоятельных систем.

Действующее уголовное законодательство предусматривает совокупность наказаний. Образуют ли они систему? Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, для чего наказания взаимодействуют между собой в УК РФ.

В чем смысл создания системы мер государственного принуждения, имеющих карательную сущность, и почему лучше (удобнее) с ней, чем без неё? Анализируя

¹ «Интегративные» качества элементов делают совокупность элементов целостной. Целостность, в свою очередь, формирует взаимоотношения системы как целого со средой, отличного от взаимодействия с ней отдельных элементов [6. С. 56].

все предусмотренные законом случаи взаимодействия наказаний, можно прийти к выводу – смысл в возможности иметь инструмент для корректировки кары, заложенной в назначаемом или уже назначенном преступнику наказании. Кара в наказании есть оценка и отражение опасности преступника и его деяния. Эта оценка законодательная – в санкции и правоприменительная – в приговоре. Такие оценки могут не совпадать. Правоприменитель может столкнуться с ситуацией, когда законодательная оценка деяния в Особенной части не отражает опасности реально совершенного деяния. Например, когда суд приходит к выводу, что к преступлению привели какие-то исключительные обстоятельства, не учтенные санкцией, но требующие такого учета при назначении наказания¹. Кроме того, общественная опасность лица, совершившего преступление, может измениться и после назначения наказания, что также требует корректировки кары. Ситуации несовпадения законодательной и правоприменительной оценок общественной опасности, заложенных в наказании, а также правоприменительных после назначения наказания, в процессе его исполнения, ведут к необходимости существования системы наказаний – системы, которая позволяла бы «амортизировать» разницу таких оценок. Такая «амортизация» достигается созданием «механизмов» (правил) корректировки оценок, позволяющих максимально учитывать особенности общественной опасности совершенного преступления (преступлений), а также лица, его совершившего, и их изменение. Правоприменитель может давать оценку дважды – при назначении наказания, индивидуализируя его, а также в процессе его исполнения, то и корректировка кары может происходить дважды. Поэтому можно говорить о статическом (при назначении) и динамическом (при исполнении) аспектах системы уголовных наказаний. Задача же законодателя – предусмотреть такие возможности на оба случая.

Корректировка кары, заложенной в наказании, посредством системы происходит при взаимодействии наказаний. Корректировка кары в применяемом наказании возможна и без такого взаимодействия, т.е. и без системы, например, путем досрочного освобождения от наказания. Но возможности такой (внесистемной) корректировки всё же довольно ограничены (например, при злостном уклонении).

Учитывая изложенное, цель системы наказаний – максимальное соответствие кары, заложенной в наказании, общественной опасности преступника, начиная от назначения наказания, заканчивая его исполнением. Система же уголовных наказаний в таком случае – это такая совокупность наказаний, которая в результате взаимодействия при назначении (статический аспект) и при исполнении (динамический аспект) благодаря заданным свойствам способна достигать цели – изменять (индивидуализировать и корректировать) количество и качество кары в отношении осужденного. Сконструировать систему наказаний – значит сконструировать «механизмы» взаимодействия наказаний, которые позволяли

бы индивидуализировать наказание при его назначении, а также корректировать его при исполнении [11]. В действующем уголовном законодательстве таким свойством механизмов (интегративным свойством) выступает возможность сложения, поглощения, замены, зачета и сокращения. Соответственно, для достижения цели – корректировки кары – системе наказаний достаточно будет обеспечить сложение, поглощение, замену, зачет или сокращение наказания.

Элементами системы, коль скоро речь о системе наказаний, выступают сами уголовные наказания. Наказания имеют большое количество свойств, но позволяющими достигать обозначенной цели будут те, что позволяют наказаниям, соответственно, слагаться, поглощаться, заменяться, зачитаться и сокращаться. На необходимость наличия таких свойств («общих требований») в наказании отечественные ученые-пенитенциаристы указывали в своих работах еще в конце XIX – начале XX в. Свойство элемента системы – наказания, которое обеспечивало бы возможность реализации указанных выше интегративных свойств системы, на наш взгляд, достигается за счет *делимости* наказания. Делимость предполагает изменение объема кары при назначении наказания и в процессе его отбывания (решение вопросов рассрочки, назначения наказания «ниже низшего предела, предусмотренного в санкции», за неоконченное преступление, совершенное в соучастии, применения амнистии, помилования и т.д.). Кроме того, делимость как качество уголовного наказания при его применении тесно связана с вопросом о замене наказаний, их зачете и является предпосылкой для выделения такого свойства уголовного наказания, как *заменяемость*. В процессе исполнения наказания правоприменитель может столкнуться с необходимостью замены по тем или иным причинам одного наказания другим. В зависимости от основания замены объем лишений, ограничений осужденного может меняться количественно как в сторону увеличения, так и сужения, либо только качественно – без увеличения или уменьшения.

Под структурой системы обычно понимается совокупность внутрисистемных отношений (связей) ее элементов, способ их взаимосвязи [12. С. 16]. При одном и том же составе элементов, но при различных отношениях между ними можно выделить различные структуры, а значит, и разные системы. Подобно тому, как один и тот же коллектив работников может достигать разных целей. Но и в одной системе можно выделить несколько структур – всё зависит от стадии и цели познания изучаемого объекта.

В литературе об общей теории систем выделяют формальную и материальную структуры. Под формальной понимается совокупность функциональных элементов и их отношений, необходимых и достаточных для достижения системой поставленных целей. Формальная структура описывает нечто *общее*, присущее системам (подсистемам) одного типа. Материальная же структура является носителем *конкретных* типов и параметров

¹ В действующем законодательстве такой случай, например, предусмотрен в ст. 64 УК РФ.

элементов системы и их взаимосвязей. Фиксированной цели соответствует одна формальная структура, которой может соответствовать множество материальных структур¹.

Взаимодействие элементов системы наказаний становится возможным благодаря нахождению их в отношениях между собой. Взаимодействие наказаний – это и есть содержание отношений между элементами системы наказаний. В действующей системе наказаний, как отмечалось выше, видами такого взаимодействия являются сложение, поглощение, замена, зачет и сокращение. Каждый из них – самостоятельный вид отношений (связи) между элементами. Более того, каждый из перечисленных видов самостоятельной связи между наказаниями образует относительно самостоятельную подсистему системы наказаний, объединяющую в свою – материальную – структуру только те наказания, которые находятся в этой разновидности связи².

Что позволяет наказаниям как элементам системы быть в этих отношениях и взаимодействовать? Возможность приведения их к «общему знаменателю» – исчисления в сопоставимых единицах прямо или опосредованно.

Вопрос о требованиях необходимости и достаточности системы наказаний – это вопрос о том, какое количество элементов и какого качества должна содержать система, чтобы решать поставленную перед ней цель. Необходимость в таком случае – это минимальные условия, при которых система соответствует своему назначению. Без них система не может достигать целей. Что же касается достаточности, то она подразумевает более широкие условия функционирования системы наказаний, способные обеспечить существующее содержание цели³. Как отмечалось, условия могут быть необходимыми, но недостаточными, достаточными, но не необходимыми, необходимыми и достаточными.

Так, все элементы системы должны быть уголовными наказаниями – условие необходимое, но недостаточное для констатации системы наказаний с обозначенной выше целью. Все наказания должны быть срочными – условие достаточное, но не необходимое для констатации системы наказаний⁴. Оптимальна же та система, в которой реализованы все необходимые условия и их совокупность является достаточной для достижения поставленной цели. В такой системе необходимые

условия являются одновременно и достаточными, а вместе являются «эквивалентными» друг другу. Полагаю, именно такой «комплект» имеет в виду В.А. Уткин, указывая на необходимость и достаточность как характеристики системы наказаний. «Во всякой системе, – полагает он, – их должно быть не менее и не более, чем необходимо. Первое означает, что в системе наказаний не должно быть “пробелов”. Второе – нежелательность и даже недопустимость “избыточных” наказаний (и шире – уголовно-правовых санкций), конкурирующих между собой, дублирующих друг друга, взаимно препятствующих их реализации, нарушающих системные связи, а в итоге порождающих “девальвацию” отдельных наказаний и дезорганизующих судебную практику» [9]. Соглашаясь с таким утверждением, отметим, что оно является справедливым в отношении единой неделимой цели системы наказаний с материальной структурой, достичь которой позволяет *только этот набор элементов* – их свойств и отношений. В случае же если цель подразумевает несколько возможных результатов для элементов, их свойств и отношений, необходима вариативность. Например, построить систему «двухэтажный дом с заданными проектом параметрами» можно только с конкретным набором материалов, уложенных в предусмотренном проектом порядке. Построить же систему «двухэтажный дом» можно с гораздо большей вариацией материалов, выложенных также в разных вариациях. Это означает, что в случае, когда цель системы наказаний предполагает несколько результатов, между набором необходимых условий и достаточных условий не может быть разницы. Иными словами, если какая-то совокупность условий является одновременно и необходимой, и достаточной для достижения цели системы (а значит, и системы), то эта система может существовать только при этих явлениях. Соответственно, такое утверждение верно только к одной системе наказаний – с конкретным содержанием её цели. Для системы наказаний с диапазоном достаточных результатов, свидетельствующих о достижении цели, необходим и диапазон достаточных условий.

Итак, какие условия являются необходимыми для системы уголовных наказаний? Во-первых, очевидно, элементами такой системы должны быть только уголовные наказания⁵. Во-вторых, таких наказаний в системе должно быть не менее двух. Нет смысла создания системы, если достичь поставленной перед ней цели её элемент может самостоятельно. В-третьих, система

¹ Например, формальная структура компьютера включает такие элементы, как процессор, оперативная и внешняя память, устройство ввода, вывода и управления. Материальные структуры компьютеров, соответствующих данной формальной структуре, будут построены на базе конкретных компьютерных устройств с различными характеристиками. В результате мы получим множество компьютеров с одинаковой архитектурой, но с разными свойствами [13. С. 73].

² Мы исходим из понимания подсистемы как совокупности взаимосвязанных элементов, способных выполнить относительно независимые функции, подцели, направленные на достижение общей цели системы. Названием «подсистема» подчеркивается, что такая часть должна обладать свойствами системы [14. С. 30].

³ Понятие «достаточность» встречается в пенитенциарном цикле правовых наук. Так, в уголовном процессе под достаточностью доказательств понимается совокупность доказательств по уголовному делу, при помощи которой его можно разрешить [15. С. 91].

⁴ Достаточные, но не необходимые условия в системе наказаний – это те условия, при которых в системе реализованы все необходимые, но кроме них реализованы и другие условия. Такие условия являются избыточными. Они либо делают систему менее эффективной, либо, напротив, усиливают её эффективность.

⁵ УК РСФСР 1922 г., регламентируя систему наказаний, предусмотрел возможность соединения наказания с мерами социальной защиты. Так, согласно ст. 50, суд, избрав одно из наказаний, предусмотренных соответствующей статьей Уголовного кодекса, мог присоединить к нему необходимую меру социальной защиты. Примечательно, что некоторые из видов наказаний и иных мер социальной защиты содержательно совпадали. Например, увольнение от должности – как наказание, и воспрещение занимать должность – как мера социальной защиты.

наказаний должна строиться с учетом своей специфики, так как это совокупность особенных элементов – наказаний – мер государственного принуждения, состоящих в возможных лишении и ограничении, обращенных к лицу, совершившему преступление. Это значит, что элементы, их свойства и отношения, в которых находятся элементы, должны учитывать своего адресата – личность преступника (его физиологические и прочие особенности, общественную опасность) и общественную опасность преступления. Формально система наказаний вполне сможет обойтись и без этого требования. Однако это противоречило бы здравому смыслу. Система наказаний строится *для* лица, совершившего преступление, ради него, ведь наказывается преступник, а не преступление. Причина необходимости корректировки кары в отношении преступника лежит в самом преступнике в силу произошедших изменений его физических и личностных характеристик. В практическом аспекте построение системы наказаний с учетом личности преступника и общественной опасности преступления предполагает, помимо прочего, создание групп наказаний, ориентированных на тот или иной тип лица, привлекаемого к ответственности, либо категорию преступления. В-четвертых, такие элементы должны *сопрягаться*¹ (соотноситься, переходить один в другой) между собой. Последнее является необходимым, так как именно через него достигается «интегративное» свойство элементов системы, дающее возможность достижения цели. Что позволяет наказаниям сопрягаться? Возможность приведения их к «общему знаменателю» – исчисления в сопоставимых единицах прямо или опосредованно. Формами таких переходов одного наказания в другое в действующем уголовном законе служат сложение, поглощение, замена, зачет, сокращение.

Что должно быть «осязаемым» результатом сопряжения наказаний? Система наказаний обладает особенностью – это система с одним (максимум двумя, если речь идет и о дополнительном наказании) постоянно «включенным» элементом². Вариации достижения ее цели предполагают способность менять свой «рабочий» элемент в зависимости от поведения лица, совершившего преступление: нейтральное, позитивное, негативное. Это обуславливает материальную структуру подсистем наказаний – элементы должны быть «по обе стороны» от «рабочего элемента» по горизонтали (при таком изменении объекта воздействия, когда прежний «рабочий» элемент перестает быть «рабочим» по «нейтральным» основаниям, например, беременность, инвалидность и т.д.) – и это не требует изменения объема кары, а также по вертикали (при улучшении или ухудшении качеств объекта воздействия) – это требует изменения объема кары. Строить систему по горизонтали не имеет смысла, ибо новый элемент (заменивший «рабочий»)

также может потерять свою актуальность и потребовать новой горизонтальной замены, и так снова и снова. Кроме того, развитие системы наказаний по горизонтали ведет к риску конструирования дублирующих друг друга наказаний³. Необходима пропорция (соотношение), соблюдение которой позволит делать другой (по вертикали) элемент «рабочим» через смену количественно-качественных характеристик без потери и без увеличения объема кары.

Эквивалент сопряженности (пропорции) между наказаниями – это, в конечном итоге, соотношение двух универсальных ценностных категорий – времени и денег – между собой. Эти явления обычно сравниваются как экономические ресурсы. Ценность денег в их способности быть экономической оценкой времени. Ценность времени очень иллюстративно отметил К. Маркс, формулируя закон экономии времени: «как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени» [17. С. 80]. Соотношение времени и денег не может оставаться неизменным в силу значительного влияния на эти переменные таких изменяющихся категорий, как производительность труда, скорость распространения информации, развитие цифровых технологий, уровень потребления материальных и нематериальных благ, их доступность и т.д. Отправной точкой построения эквивалентов между наказаниями всегда будет некое субъективное представление законодателя о соотношении единицы времени к единице денег. Изначально это всегда некое *допущение*, не подлежащее проверке на истинность, даже если потом на основании этого допущения выстраивается стройная логически последовательная цепь умозаключений⁴. Такая оценка в лучшем случае будет опираться на некое господствующее в этом обществе в этот исторический период усредненное представление о справедливости такого соотношения. Разность такой оценки, её неодинаковость наглядно видна в уголовных законах различных стран мира. Так, срок лишения свободы в случае замены штрафа не может превышать 6 месяцев в Бельгии, 3 месяцев – в Швеции, 4 месяцев – во Франции, 4,5 месяца – в Норвегии, 12 месяцев – в Англии, Федерации Боснии и Герцеговины, Македонии, Таджикистане, Узбекистане, Чили, Испании, Нидерландах, 18 месяцев – на Мальте, 3 лет – в Монголии и Японии.

Таким образом, «видимым» результатом сопряжения наказаний должен быть переход от одного наказания к другому на основании установленного эквивалента.

Какие условия являются достаточными для системы уголовных наказаний? Достаточными условиями являются только все необходимые вместе взятые без избыточных (дублирующих друг друга либо не служащих достижению цели). Однако наполняются конкретным содержанием, а также располагаются в материальную

¹ Сопряжение – способ соединения деталей, при котором одна из них полностью или частично входит в другую (другие) [16]. В черчении «сопряжение» – плавный переход одной линии в другую.

² Под которым мы понимаем назначенное или исполняемое наказание.

³ Построить систему наказаний вовсе без дублирования в силу ограниченности объекта правопоражения довольно сложно. По утверждению немецкого криминалиста Ф. Листа, все наказания по характеру право-

поражаемых благ можно разделить на 1) затрагивающие личную свободу; 2) ущемляющие личные права; 3) ограничивающие трудовые права и право отдыха; 4) ущемляющие репутацию личности.

⁴ Так, например, геометрия Лобачевского строится на допущении, что через точку, не лежащую на данной прямой, проходят по крайней мере две прямые, лежащие с данной прямой в одной плоскости и не пересекающие её.

структуру они в зависимости от конкретного варианта достижения цели системы. У каждого из вариантов достижения цели системы (путем сложения, поглощения, замены, зачета или сокращения) свое отличающееся наполнение необходимых условий достаточным для этого способа содержанием. Так, пропорция сопряже-

ния (сама по себе *необходимая* каждый раз для достижения цели системы наказаний во всех ее проявлениях) для замены при злостном уклонении от наказания будет иной, нежели в пропорции при сокращении наказания (*достаточной* для достижения именно этого способа достижения цели системы наказаний).

Список источников

1. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск, 2018. 240 с.
2. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / сост. проф. А.А. Герцензон. М., 1953. 464 с.
3. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М. : Изд. центр ВЛАДОС, 1997. 384 с.
4. Кориков А.М., Сафьянова Е.Н. Основы системного анализа и теории систем. Томск, 1989. 208 с.
5. Сагатовский В.Н. Опыт построения категориального аппарата системного подхода // Философские науки. 1976. № 3. С. 67–69.
6. Елкина О.С. О системной терминологии // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2010. № 1. С. 53–60.
7. Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л., 1977. 188 с.
8. Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2017. 498 с.
9. Уткин В.А. Проблемы и пробелы системы уголовных наказаний // Охрана прав несовершеннолетних и развитие альтернативных наказаний: сравнительно-правовые аспекты. Томск, 2008. 88 с.
10. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. М. : Высш. шк., 1997. 369 с.
11. Валеев М.Т. Цели системы уголовных наказаний и средства их достижения // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 124–130.
12. Черкасов Л.Н. О понятии «структура системы» // Ярославский педагогический вестник. 1998. № 3. С. 16–20.
13. Качала В.В. Общая теория систем и системный анализ. М. : Горячая линия – Телеком, 2024. 210 с.
14. Волкова В.Н., Воронков В.А. и др. Теория систем и методы системного анализа в управлении и связи. М. : Радио и связь, 1983. 248 с.
15. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 2013. 268 с.
16. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. IV. 478 с.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 46, ч. I. М. : Госкомиздат, 1955–1974. 150 с.

References

1. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugovolnykh nakazanii: kurs lektii* [Problems of the Theory of Criminal Punishments: A Course of Lectures]. Tomsk.
2. Gertsenzon, A.A. (ed.) (1953) *Sbornik dokumentov po istorii ugovolnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR, 1917–1952 gg.* [Collection of Documents on the History of Criminal Legislation of the USSR and RSFSR, 1917–1952]. Moscow.
3. Ivin, A.A. & Nikiforov, A.L. (1997) *Slovar' po logike* [Dictionary of Logic]. Moscow: VLADOS.
4. Korikov, A.M. & Safyanova, E.N. (1989) *Osnovy sistemnogo analiza i teorii sistem* [Fundamentals of System Analysis and Systems Theory]. Tomsk.
5. Sagatovskiy, V.N. (1976) Opyt postroeniya kategorial'nogo apparata sistemnogo podkhoda [An Attempt to Build a Categorical Framework for the Systems Approach]. *Filosofskie nauki*. 3. pp. 67–69.
6. Elkina, O.S. (2010) O sistemnoy terminologii [On System Terminology]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. 1. pp. 53–60.
7. Makarov, M.G. (1977) *Kategoriya "tsel'" v marksistskoi filosofii i kritika teleologii* [The Category of "Purpose" in Marxist Philosophy and the Critique of Teleology]. Leningrad.
8. Podroikina, I.A. (2017) *Teoreticheskie osnovy postroeniya sistemy nakazanii v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii* [Theoretical Foundations of Building a System of Punishments in Russian Criminal Legislation]. Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
9. Utkin, V.A. (2008) Problemy i probely sistemy ugovolnykh nakazanii [Problems and Gaps in the System of Criminal Punishments]. In: *Okhrana prav nesovershennoletnikh i razvitie al'ternativnykh nakazaniy: sravnitel'no-pravovye aspekty* [Protection of Minors' Rights and Development of Alternative Punishments: Comparative Legal Aspects]. Tomsk.
10. Peregudov, F.I. & Tarasenko, F.P. (1997) *Vvedenie v sistemnyy analiz* [Introduction to System Analysis]. Moscow: Vysshaya shkola.
11. Valeev, M.T. (2018) Objectives of the Criminal Penalty System and Means of Their Achievement. *Ugovolnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 11. pp. 124–130. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/11/24
12. Cherkasov, L.N. (1998) O ponyatii "struktura sistemy" [On the Concept of "System Structure"]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 3. pp. 16–20.
13. Kachala, V.V. (2024) *Obshchaya teoriya sistem i sistemnyy analiz* [General Systems Theory and System Analysis]. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom.
14. Volkova, V.N. et al. (1983) *Teoriya sistem i metody sistemnogo analiza v upravlenii i svyazi* [Systems Theory and Methods of System Analysis in Management and Communication]. Moscow: Radio i svyaz'.
15. Kokorev, L.D. & Kuznetsov, N.D. (2013) *Ugolovnyy protsess: dokazatel'stva i dokazyvanie* [Criminal Procedure: Evidence and Proof]. Voronezh: Voronezh University Press.
16. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Vol. 4. 4th ed. Moscow: Russkii yazyk.
17. Marx, K. & Engels, F. (1955–1974) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collected Works]. Vol. 46, Part 1. Moscow: Goskomizdat.

Информация об авторе:

Валеев М.Т. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mtv66@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.T. Valeev, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Penal Law and Criminology, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mtv66@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025;
одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 05.02.2025;
approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 10.06.2025.

Научная статья
УДК 343.2/7

doi: 10.17223/23088451/25/2

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОБЩИМ НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Фируза Асифовна Мосс¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, firuza_adygezalo@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка теоретического обоснования установления эффективности освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75, ст. 76, ст. 76.2 УК РФ. Приведены понятие эффективности, а также порядок его определения. Установлено, что, помимо целей, освобождение от уголовной ответственности должно отвечать необходимым условиям. В качестве возможного показателя эффективности, позволяющего оценить степень соблюдения условий освобождения, предложен криминологический рецидив преступлений.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, эффективность, цель, условие, рецидив преступлений

Для цитирования: Мосс Ф.А. Эффективность освобождения от уголовной ответственности по общим нереабилитирующим основаниям: постановка проблемы // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 11–16. doi: 10.17223/23088451/25/2

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/2

THE EFFECTIVENESS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY UNDER GENERAL NON-REHABILITATING GROUNDS: PROBLEM STATEMENT

Firuz A. Moss¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, firuza_adygezalo@mail.ru*

Abstract. The effectiveness of exemption from criminal liability is defined as the degree to which its objectives are achieved. A distinction is made between *the effectiveness of the legal norm* and *the effectiveness of measures implemented on the basis of that norm*. The effectiveness of applying exemption from criminal liability under Part 1 of Article 75 and Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation is assessed not as the effectiveness of any specific measure, but rather as the effectiveness of law enforcement decisions—that is, the effectiveness of *non-application* (of liability) through the *application* (of the law). The effectiveness of exemption from criminal liability must not only align with the purposes of its application but must also not contradict the objectives of criminal law as enshrined in Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, which simultaneously serve as a necessary condition for such exemption. The author suggests that criminological recidivism rates be used as a quantitative indicator to assess the extent to which exemption from criminal liability meets these conditions.

Keywords: exemption from criminal liability, effectiveness, purpose, condition, recidivism

For citation: Moss, F.A. (2025) The effectiveness of exemption from criminal liability under general non-rehabilitating grounds: Problem statement. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 11–16. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/2

Освобождение от уголовной ответственности широко применяется правоохранными органами к лицам, совершившим нетяжкие преступления. К примеру, по данным Судебного департамента при ВС РФ, в 2023 г. количество лиц, уголовные дела в отношении которых прекращены, составило 132 872, что составляет 19% от общего числа лиц, в отношении которых вынесен судебный акт по существу обвинения (697 452) [1]. Из них более 84% лиц (111 772) освобождены от уголовной ответственности с применением ст. 75, 76, 76.2 УК РФ.

Указанные количественные показатели остаются примерно на одном и том же уровне в течение последних пяти лет. И если в юридической литературе еще

можно встретить работы, посвященные эффективности норм об освобождении от уголовной ответственности по одному или нескольким основаниям [2, 3], то эффективность его (освобождения) применения практически не исследуется. Кроме того, в науке и на законодательском уровне (Законопроект № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» спустя три года после внесения законодательной инициативы отклонен ГД РФ 24.06.2024 г.) происходят поиски и попытки внедрения новых и не совсем новых альтернативных способов разрешения уголовно-

правовых конфликтов путем создания универсальных институтов, распространяющих действие на все преступления небольшой и средней тяжести, совершенные лицом впервые, или специальных видов освобождения от уголовной ответственности (таких, как предусмотрено ст. 78.1 УК РФ). Следовательно, разработка общего подхода актуальна и для будущих мер. Указанные обстоятельства обусловили необходимость теоретического рассмотрения эффективности освобождения от уголовной ответственности в качестве самостоятельного объекта исследования.

Для анализа эффективности освобождения от уголовной ответственности необходимо для начала определиться с тем, из какого понятия эффективности мы будем исходить.

В настоящее время термин «эффективность» широко используется не только в праве, но и в экономике, управлении, философии. «Эффективный» в толковых словарях определяется как «приводящий к нужным результатам; действенный» [4. С. 772], «дающий эффект», а эффект – как «действие, производимое кем-чем н., результат, следствие чего-н.» [5. Стб. 1442]. Действие, которое не приводит к нужному результату или не соответствует целям, признается неэффективным. Такое определение эффективности общепринято и в правовой литературе¹. К примеру, О.Э. Лейст под эффективностью права понимает соразмерность социальных целей норм и юридических средств достижения этих целей [6. С. 111].

Вместе с тем в экономической науке можно встретить другое понятие эффективности, определяемое как «относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение» [7. С. 507]. Из этого определения видно, что категория эффективности зависит не только от результата деятельности, но и от затрат, направленных на его получение: материальных средств, человеческой энергии, времени. При достижении результата с наименьшими затратами процесс или деятельность признаются эффективными. Аналогичный подход также используется в науке управления и появившейся на ее основе не так давно науке «управления персоналом». Он представлен и в отечественной правовой литературе, когда речь идет о правоприменительной деятельности, поскольку государство интересуется, с помощью какого количества человеческих и экономических ресурсов обеспечиваются задачи охраны законности и предупреждения преступлений [8. С. 84]. Еще ранее И.В. Шмаров определял эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений как качественное выполнение поставленных перед ними задач в наиболее оптимальные сроки [9. С. 68].

Вслед за большинством правоведов далее берется за основу определение эффективности как соотношения между достигнутым результатом действия и поставленными целями. Таким образом, эффективность освобож-

дения от уголовной ответственности – это степень достижения целей такого освобождения. В связи с этим уместен вопрос о целях освобождения.

Механизм уголовно-правового регулирования, связанный с освобождением лица от уголовной ответственности, охватывает два вида деятельности: правотворческую, направленную на разработку и принятие соответствующих правовых норм, а также правоприменительную, реализуемую уполномоченными государственными органами в отношении лиц, совершивших преступления. Освобождение от уголовной ответственности относится к альтернативным способам разрешения уголовно-правового конфликта как нетипичной реакции государства на совершенное преступление. Альтернативные средства разрешения уголовно-правового конфликта – «это меры, применяемые органами предварительного расследования или судом до вынесения приговора и сопряженные с взаимными уступками сторон» [10]. Указанное определение объединяет все основания освобождения от уголовной ответственности, которые нередко именуются «мерами поощрения». В отличие от наказания, которое выступает мерой принуждения, обеспечивающей соблюдение уголовно-правового порядка, освобождение от уголовной ответственности представляет собой меру, стимулирующую положительное поведение лица, совершившего преступление, и позволяющую избежать негативные последствия для виновного. При этом следует разграничивать цель уголовно-правовой нормы об освобождении от уголовной ответственности как закрепленной в законе модели и цель непосредственного применения данной нормы в отношении конкретного лица, поскольку все же они не совпадают. В этой связи правы ученые, различающие эффективность норм и эффективность мероприятий или действий, которые на основе этих норм реализуются, иначе говоря, эффективность действия и эффективность реализации права.

Уголовный закон содержит различные основания освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, неоднородные по своему содержанию, последствиям и порядку применения. В этой связи необходимо отдельно выявлять аспекты эффективности:

- 1) эффективность мер, альтернативных уголовной ответственности;
- 2) эффективность освобождения без применения других мер.

Судебный штраф, назначаемый в порядке ст. 76.2 УК РФ, отнесен законодателем к иным мерам уголовно-правового характера и предусматривает обязанность лица уплатить штраф в пользу государства, закрепленную в постановлении об освобождении его от ответственности. Момент исполнения судебного предписания об оплате штрафа наступает уже после вынесения судом такого постановления. В случае неисполнения обязанности лица, совершившего преступление, по уплате штрафа, судебный штраф может быть отменен, а лицо,

¹ Так, В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин под эффективностью правовой нормы понимают «соотношение

между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты» (Эффективность правовых норм. М. : Юрид. лит., 1980. С. 22).

в соответствии с ч. 2 ст. 104.4 УК РФ, привлечено к уголовной ответственности. Несмотря на то, что законодатель относит применение судебного штрафа к основаниям освобождения от уголовной ответственности, освобождением «в чистом виде» оно все же не является [11]. Правовая природа судебного штрафа побудила рассматривать его как меру, альтернативную уголовной ответственности [12]. Правоприменительная деятельность по освобождению лица от уголовной ответственности по данному основанию включает два этапа: во-первых, назначение штрафа судом, и, во-вторых, его исполнение, которое осуществляется органами Федеральной службы судебных приставов в соответствии с положениями ст. 103.1 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об исполнительном производстве».

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа вызывает вопросы целесообразности и обоснованности, поскольку оно ничем не отличается от оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 75 и ст. 76 УК РФ [13], и единственным объяснением его введения считают пополнение государственного бюджета [14].

Ко второй группе относится освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и в связи с деятельным раскаянием. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием виновного представляет собой «классическое» уголовно-правовое поощрение, которое заключается в «устранении обременений» [15. С. 45] для лица, совершившего преступление. Основанием для применения ст. 75, 76 УК РФ выступает «заслуга» лица, совершившего преступление, которая проявляется в нравственной переоценке лицом собственного поведения. Хотя в научной литературе данные основания освобождения от уголовной ответственности именуются восстановительными или компенсационными мерами [16], не все они такие. Для оснований, предусмотренных ст. 75, 76 УК РФ, законом не предусмотрено условности, поэтому прекращение уголовного правоотношения в данном случае происходит одновременно с вынесением постановления об освобождении лица от ответственности по соответствующему основанию. Несмотря на то, что эти нормы не предполагают применения какой-либо меры, говорить об их эффективности все же можно, поскольку действие норм в направлении достижения целей правового регулирования достигается через правоприменение. Эффективность в данном случае определяется именно как эффективность правоприменительных решений, а не как эффективность применения какой-то конкретной меры, т.е. «эффективность неприменения» (ответственности) путем применения (закона).

При освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим наказание не применяется, но применяется уголовный закон. Как указано в ст. 2 УК РФ, основными целями уголовного законодательства являются охрана

личности, общества и государства от преступных посягательств, а также предупреждение совершения новых преступлений. Уголовный закон охраняет общество и государство через установление общественно опасных деяний и применение наказаний за их совершение. То есть основным средством достижения указанных целей является установление и применение наказания. Однако поскольку освобождение от уголовной ответственности предполагает неприменение наказания, можно ли в этом случае говорить о том, что неприменение наказания тоже должно достигать цели защиты общества и государства – предупреждения преступлений? В соответствии с принципом системного подхода, цель – это тот желаемый результат, который должен быть достигнут определенным действием при соблюдении определенных условий. Отсюда видно, что, помимо целей, действие определяют еще и условия.

Какие цели преследует законодатель, устанавливая различные основания освобождения от уголовной ответственности? Если мы говорим о целях наказания, то они определены в законе, их можно конкретизировать. А в случаях, когда идет речь о неприменении наказания, какие цели преследуют законодатель и правоприменитель и как измерить эффективность неприменения наказания?

В литературе предлагается закрепить специальные для указанного института цели. К примеру, А.М. Балафендиев предлагает выделять такие цели, как разрешение уголовно-правовых конфликтов, восстановления социальной справедливости и специальной превенции [17. С. 80]. Р.А. Базаров и С.А. Ворopaев относят освобождение от уголовной ответственности и наказания к мерам уголовного поощрения и называют исправление лица, совершившего преступление, а также экономию средств уголовной репрессии в качестве целей этого способа уголовно-правового регулирования [18].

Несложно заметить, что все вышеперечисленные цели, за исключением цели разрешения уголовно-правовых конфликтов, так или иначе относятся к институту наказания. В этой связи возникает вопрос, возможна ли вообще постановка одинаковых целей для наказания как меры государственного принуждения и освобождения от уголовной ответственности как меры государственного поощрения. По справедливому замечанию Ю.В. Голика, принуждение и поощрение нельзя применять для достижения одних и тех же целей, поскольку механизм действия этих методов различен. Автор приводит пример, что цели частнопредупредительного воздействия наказания, выраженной в удержании неустойчивых лиц от совершения преступления, нельзя добиться путем поощрения лица. Но все же держать её в поле зрения всегда необходимо, чтобы поощрение не превратилось в поощрение преступников (например, для несовершеннолетних). «Для достижения позитивных целей большей степени обобщенности может применяться только поощрение» [15. С. 29].

Понятие уголовно-правового конфликта является центральным в концепции «восстановительного правосудия» (англ. *restorative justice*), главной целью которого является урегулирование конфликта, возникшего между

лицом, совершившим преступление, лицами, пострадавшими в результате его противоправных деяний, иными гражданами, государством. Определяя понятие уголовно-правового конфликта, эта концепция исходит из теории юридического конфликта и понимается как столкновение интересов участников общественных отношений, не ограничиваясь только фактом совершенного преступления как нарушения правовой нормы [19. С. 13–14]. Целью уголовного правосудия в этом случае является не привлечение к уголовной ответственности и осуждение виновного лица, а восстановление общественных отношений до состояния предшествующего нарушению нормы права. В полной мере указанная цель реализуется при применении ст. 76 УК РФ, поскольку обязательным условием освобождения по данному основанию является наличие согласия потерпевшего, а значит, и прекратить уголовное дело по данному основанию можно только по тем составам, где вред причиняется конкретному лицу. В случаях, связанных с деятельным раскаянием или применением судебного штрафа, участие потерпевшего не является обязательным, поскольку данные основания применяются для прекращения уголовных дел о преступлениях против публичных интересов, где вред носит экологический, управленческий или иной схожий характер. В этих случаях «вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям» [20] и не связан с заглаживанием вреда конкретному потерпевшему. Используя терминологию «заглаживание вреда», законодатель, очевидно, наделяет и более широким смыслом как заглаживание вреда, причиненного обществу и государству.

Нормы, предусматривающие освобождение лица от уголовной ответственности, в первую очередь, созданы для лиц, совершивших преступления, и направлены на стимулирование их социально-позитивного поведения. Кроме того, данный институт частично обеспечивает защиту интересов потерпевшего посредством возмещения причиненного ущерба или иных форм компенсации вреда, возникшего в результате совершения преступления.

Требование экономии уголовной репрессии традиционно рассматривается в уголовно-правовой литературе в рамках категории принципа: как составная часть других законодательно закрепленных принципов [21. С. 151], как принцип назначения наказания и, наконец, в качестве самостоятельного принципа уголовного права [22. С. 16]. Принцип экономии уголовной репрессии, или, как его еще по-другому в литературе называют, принцип наименьшего наказания [23], включает в себя не только процесс применения наказания, но и основания освобождения от уголовной ответственности [24. С. 23]. Принцип – это основополагающая, базовая установка и предписание, а цель предполагает желаемый конечный результат. Экономии уголовной репрессии или минимизацию государственного принуждения можно рассматривать также и в качестве цели освобождения от уголовной ответственности. Такая цель вытекает из международных документов, в частности, из

Стандартных минимальных правил Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (далее по тексту – Правила).

Указанные Правила содержат разнообразные по правовой природе меры непенициарного воздействия на правонарушителей в сфере уголовной юстиции, объединенные общим термином «меры, не связанные с тюремным заключением» [25. С. 76–77], которые применяются к правонарушителю на всех стадиях уголовного процесса: досудебной, судебной и послесудебной.

Об освобождении от уголовной ответственности в качестве одной из мер, не связанной с тюремным заключением, говорится в разд. 5 под названием «Положения о предварительном следствии». Согласно ст. 5.1. органы предварительного следствия наделены правом «освобождать правонарушителя от ответственности, если, по их мнению, нет необходимости возбуждать дело в целях защиты общества, предупреждения преступности или обеспечения соблюдения законности или прав жертв» [26]. Таким образом, Правила закрепляют принцип целесообразности привлечения лица к уголовной ответственности, при отсутствии которой рекомендуется органам, ведущим уголовное преследование, принять решение об освобождении лица от уголовной ответственности. Принятие такого решения не ограничено досудебным рассмотрением дела и распространяется на судебную стадию уголовного процесса. «В случае мелких правонарушений прокурор, когда это целесообразно, может назначить подходящие меры, не связанные с тюремным заключением».

Таким образом, на наш взгляд, целями неприменения уголовной ответственности при освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и в связи с примирением с потерпевшим, т.е. в случаях неприменения наказания, на наш взгляд, являются:

- 1) позитивное стимулирование положительного постпреступного поведения виновного лица;
- 2) минимизация государственного принуждения, побочной стороной которой является экономия процессуальных средств. Эффективность минимизации государственного принуждения при освобождении от уголовной ответственности проявляется в практической реализации данного института, что, в частности, способствует сокращению государственных расходов, связанных с осуждением лица, назначением и исполнением наказания.

Однако достижение целей освобождения от ответственности возможно лишь при том условии, что это не будет противоречить охране общества от преступных посягательств и предупреждению преступлений, закрепленных в ст. 2 УК РФ. В случае когда речь идет о наказании, цель защиты общества от преступных посягательств достигается его применением. А при освобождении от уголовной ответственности защита общества – необходимое условие достижения целей, установленных уголовным законом.

Мерилом эффективности в этом случае будет являться степень соответствия этого решения тем целям, которые установлены в уголовном законе. Для определения того, в какой степени освобождение от уголовной

ответственности соответствует целям уголовного закона, необходимо проанализировать уровень повторных преступлений среди лиц, ранее освобожденных от уголовной ответственности, за определенный период, например один год. По сути, это предполагает учет криминологического рецидива, который может выступать критерием соблюдения условий освобождения от уголовной ответственности, установленных уголовным

правом. Высокий уровень рецидива среди таких лиц свидетельствует о неэффективности данного института в достижении поставленных перед ним целей.

Резюмируя вышесказанное, при анализе эффективности освобождения от уголовной ответственности по общим нереабилитирующим основаниям важно учитывать как достижение целей, так и выполнение необходимых условий, которым оно должно отвечать.

Список источников

1. Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 27.05.2024).
2. Красненкова Е.В., Алешко Б.Е. Эффективность применения освобождения от уголовной ответственности // Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-primeneniya-osvobozhdeniya-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 05.12.2024).
3. Буданова Е.А. К вопросу об эффективности применения правовых норм об освобождении от уголовной ответственности // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2017. № 3-1. С. 100–107. EDN ZSMQSP.
4. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 4: С–Я / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1999. 795 с.
5. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 4: С–Яшурный / сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин и др. ; под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Русские словари, 1994. 1500 стб.
6. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова [вступ. ст. Н.Г. Беляевой]. М. : Зерцало, 2008. 339 с.
7. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб и доп. М. : ИНФРА-М, 2021. 512 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/441044> (дата обращения: 11.10.2024).
8. Тимохов В.П. Эффективность правоприменения: проблемы теории и практики. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2002. 153 с. EDN VDPRDZ.
9. Шмаров И.В., Кузнецов Ф.Т., Подымов П.Е. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. М. : Юридическая литература, 1968. 182 с.
10. Кругликов Л.Л., Попаденко Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском уголовном праве // Russian Journal of Economics and Law. 2007. № 3 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alternativnye-sredstva-razresheniya-ugolovno-pravovykh-konfliktov-v-rossiyskom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 20.01.2025).
11. Звечаровский И.Э. Освобождение от ответственности и наказания в уголовном праве России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 12 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-ot-otvetstvennosti-i-nakazaniya-v-ugolovnom-prave-rossii> (дата обращения: 19.12.2024).
12. Лаптев Д.Б. Альтернативные и дополнительные меры уголовно-правового характера // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alternativnye-i-dopolnitelnye-mery-ugolovno-pravovogo-haraktera-1> (дата обращения: 19.12.2024).
13. Звечаровский И.Э. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации // Законность. 2024. № 10. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: локальная сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та.
14. Новикова Е.В. Судебный штраф: дискуссия продолжается // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 10 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-shtraf-diskussiya-prodolzhaetsya> (дата обращения: 12.12.2024).
15. Голик Ю.В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: вопросы теории / отв. ред. Г.Н. Доронин. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 80 с.
16. Щедрин Н.В. Четыре «колена» российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 59–62.
17. Балафендиев А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением : социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 225 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01008540800> (дата обращения: 08.10.2024).
18. Базаров Р.А., Воробаев С.А. О некоторых аспектах эффективности механизма уголовно-правового регулирования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 39–44. EDN YTPGQT.
19. Попаденко Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском и зарубежном праве. М. : Юрлитинформ, 2009. 176 с.
20. «Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2024).
21. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М. : Наука, 1988. 173 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01001408711> (дата обращения: 13.12.2024).
22. Степашин В.М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019. 39 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01010174409> (дата обращения: 14.12.2024).
23. Сабитов Т.Р. Принципы назначения уголовного наказания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-naznacheniya-ugolovnogo-nakazaniya-1> (дата обращения: 04.12.2024).
24. Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания : Теория, практика, перспективы. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 779 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01002941307> (дата обращения: 14.12.2024).
25. Мананкова М.А. Международные стандарты применения уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы, и вопросы их реализации : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. 201 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000032128> (дата обращения: 04.11.2024).
26. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (Приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2024).

References

1. Cdep.ru. (2024) *Sudebnaya statistika* [Judicial Statistics]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (Accessed: 27.05.2024).

2. Krasnenkova, E.V. & Aleshko, B.E. (2024) Effektivnost' primeneniya osvobozhdeniya ot ugovolnoi otvetstvennosti [Effectiveness of Applying Exemption from Criminal Liability]. *Evrasiiskaya advokatura*. 4 (69). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-primeneniya-osvobozhdeniya-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti> (Accessed: 05.12.2024).
3. Budanova, E.A. (2017) K voprosu ob effektivnosti primeneniya pravovykh norm ob osvobozhdenii ot ugovolnoi otvetstvennosti [On the Effectiveness of Applying Legal Norms on Exemption from Criminal Liability]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii*. 3-1. pp. 100–107.
4. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Vol. 4. 4th ed. Moscow: Russkii yazyk.
5. Ushakov, D.N. (ed.) (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Vol. 4. Moscow: Russkie slovari.
6. Leist, O.E. (2008) *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [The Essence of Law. Problems of Theory and Philosophy of Law]. Moscow: Zertsalo.
7. Raizberg, B.A., Lozovskiy, L.Sh. & Starodubtseva, E.B. (2021) *Sovremennyy ekonomicheskii slovar'* [Modern Economic Dictionary]. 6th ed. Moscow: INFRA-M. [Online] Available from: <https://znanium.com/catalog/product/441044> (Accessed: 11.10.2024).
8. Timokhov, V.P. (2002) *Effektivnost' pravoprimeneniya: problemy teorii i praktiki* [Effectiveness of Law Enforcement: Problems of Theory and Practice]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
9. Shmarov, I.V., Kuznetsov, F.T. & Podymov, P.E. (1968) *Effektivnost' deyatelnosti ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy* [Effectiveness of Correctional Labor Institutions]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. Kruglikov, L.L. & Popadenko, E.V. (2007) Al'ternativnye sredstva razresheniya ugovolno-pravovykh konfliktov v rossiiskom ugovolnom prave [Alternative Means of Resolving Criminal Legal Conflicts in Russian Criminal Law]. *Russian Journal of Economics and Law*. 3 (3). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/al'ternativnye-sredstva-razresheniya-ugolovno-pravovykh-konfliktov-v-rossiiskom-ugolovnom-prave> (Accessed: 20.01.2025).
11. Zvecharovskiy, I.E. (2018) Osvobozhdenie ot otvetstvennosti i nakazaniya v ugovolnom prave Rossii [Exemption from Liability and Punishment in Russian Criminal Law]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 12 (52). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-ot-otvetstvennosti-i-nakazaniya-v-ugolovnom-prave-rossii> (Accessed: 19.12.2024).
12. Laptev, D.B. (2022) Al'ternativnye i dopolnitel'nye меры ugovolno-pravovogo kharaktera [Alternative and Additional Measures of Criminal Law Nature]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*. 6. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/al'ternativnye-i-dopolnitelnye-mer-yugolovno-pravovogo-kharaktera-1> (Accessed: 19.12.2024).
13. Zvecharovskiy, I.E. (2024) Novyy vid osvobozhdeniya ot ugovolnoi otvetstvennosti: minusy i plyusy zakonodatel'noi reglamentatsii [A New Type of Exemption from Criminal Liability: Pros and Cons of Legislative Regulation]. *Zakonost'*. 10.
14. Novikova, E.V. (2022) Sudebnyi shtraf: diskussiya prodolzhaetsya [Judicial Fine: The Discussion Continues]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 10 (98). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-shtraf-diskussiya-prodolzhaetsya> (Accessed: 12.12.2024).
15. Golik, Yu.V. (1992) *Ugolovno-pravovoe stimulirovanie pozitivnogo povedeniya: voprosy teorii* [Criminal Law Stimulation of Positive Behavior: Theoretical Issues]. Novosibirsk: Novosibirsk University Press.
16. Shchedrin, N.V. (2008) Chetyre "kolei" rossiiskogo ugovolnogo prava [Four "Tracks" of Russian Criminal Law]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 59–62.
17. Balafendiev, A.M. (2016) *Osvobozhdenie ot ugovolnoi otvetstvennosti v svyazi s pozitivnym postkriminal'nym povedeniem* [Exemption from Criminal Liability Due to Positive Post-Criminal Behavior]. Law Cand. Diss. Kazan. [Online] Available from: <https://dlib.rsl.ru/01008540800> (Accessed: 08.10.2024).
18. Bazarov, R.A. & Voropaev, S.A. (2017) O nekotorykh aspektakh effektivnosti mekhanizma ugovolno-pravovogo regulirovaniya [On Some Aspects of the Effectiveness of Criminal Law Regulation Mechanism]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2. pp. 39–44.
19. Popadenko, E.V. (2009) *Al'ternativnye sredstva razresheniya ugovolno-pravovykh konfliktov v rossiiskom i zarubezhnom prave* [Alternative Means of Resolving Criminal Legal Conflicts in Russian and Foreign Law]. Moscow: Yurilitinform.
20. Consultant Plus. (2024) *Review of Judicial Practice on Exemption from Criminal Liability with Imposition of Judicial Fine (Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)*. (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 10.07.2019). (In Russian).
21. Kelina, S.G. & Kudryavtsev, V.N. (1988) *Printsipy sovetskogo ugovolnogo prava* [Principles of Soviet Criminal Law]. Moscow: Nauka. [Online] Available from: <https://dlib.rsl.ru/01001408711> (Accessed: 13.12.2024).
22. Stepashin, V.M. (2019) *Ekonomiya repressii kak printsip ugovolnogo prava i ego realizatsiya v naznachenii mer ugovolnoi otvetstvennosti* [Economy of Repression as a Principle of Criminal Law and Its Implementation in Sentencing]. Abstract of Law Dr. Diss. Omsk. [Online] Available from: <https://dlib.rsl.ru/01010174409> (Accessed: 14.12.2024).
23. Sabitov, T.R. (2017) *Printsipy naznacheniya ugovolnogo nakazaniya* [Principles of Sentencing]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 2 (40). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-naznacheniya-ugolovnogo-nakazaniya-1> (Accessed: 04.12.2024).
24. Nepomnyashchaya, T.V. (2006) *Naznachenie ugovolnogo nakazaniya: Teoriya, praktika, perspektivy* [Sentencing: Theory, Practice, Perspectives]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press. [Online] Available from: <https://dlib.rsl.ru/01002941307> (Accessed: 14.12.2024).
25. Manankova, M.A. (1998) *Mezhdunarodnye standarty primeneniya ugovolno-pravovykh mer, ne svyazannykh s lisheniem svobody, i voprosy ikh realizatsii* [International Standards for Application of Non-Custodial Criminal Law Measures and Issues of Their Implementation]. Law Cand. Diss. Tomsk. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000032128> (Accessed: 04.11.2024).
26. UN. (1990) *United Nations Standard Minimum Rules for Non-Custodial Measures (The Tokyo Rules)*. (Adopted 14.12.1990 by UN General Assembly Resolution 45/110. Available from: Consultant Plus legal reference system (Accessed: 08.10.2024). (In Russian).

Информация об авторе:

Мосс Ф.А. – соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: firuz_adygezalo@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

F.A. Moss, external postgraduate student, Department of Penal Law and Criminology, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: firuz_adygezalo@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025;
одобрена после рецензирования 06.03.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 01.02.2025;
approved after reviewing 06.03.2025; accepted for publication 10.06.2025.

Научная статья
УДК 344.643

doi: 10.17223/23088451/25/3

К ВОПРОСУ О СВОЙСТВАХ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Олег Николаевич Уваров¹, Денис Николаевич Ольховик²

¹ Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, o-uvarov@mail.ru

² ООО «Экси», Томск, Россия, crim.just@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены свойства и признаки уголовного наказания. Авторы обосновывают, что свойства уголовного наказания – это комплекс его характеристик или черт, которые придают наказанию способность реализовать свою сущность и способствовать достижению поставленных перед наказанием целей. Признаками уголовного наказания являются его черты, отделяющие каждое наказание от других видов наказаний.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное наказание, свойства уголовного наказания, сущность уголовного наказания, кара, содержание уголовного наказания

Для цитирования: Уваров О.Н., Ольховик Д.Н. К вопросу о свойствах уголовного наказания // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 17–20. doi: 10.17223/23088451/25/3

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/3

ON THE PROPERTIES OF CRIMINAL PUNISHMENT

Oleg N. Uvarov¹, Denis N. Olkhovik²

¹ Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, o-uvarov@mail.ru

² ООО Eksi, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru

Abstract. Criminal punishment is characterized by its properties as well as its features, which involve the restriction or deprivation of certain rights and freedoms of the convicted person. Additionally, criminal punishment follows the commission of a crime — that is, a violation of the norms set forth in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The properties of punishment are a set of its characteristics or traits that enable punishment to realize its essence and contribute to achieving its intended purposes. The features of criminal punishment, on the other hand, are its distinguishing marks that set each punishment apart from other types of penalties. However, it cannot be asserted that these two concepts imply entirely distinct characteristics. Some inevitably overlap. For instance, the characteristic of "legality" — meaning compliance with current criminal legislation — is both a property and a feature of criminal punishment. The properties of punishment shape its essence and determine its content, while its features pertain primarily to its form and only partially to its content. In this article, the properties of punishment are derived from its essence, with a focus on those that facilitate the achievement of its objectives. Retribution (the essence of punishment) consists of a set of elements that collectively aim to restore social justice, serve a deterrent function, and create conditions for corrective and preventive measures. The properties of these retributive elements are the characteristics that distinguish them from others and, in this context, endow retribution with qualities that reflect its significance. Each element of retribution must possess the properties of legality and justice. Legality, in this case, is defined as the conformity of each retributive element to the law. Justice, in the context under consideration, must encompass adequacy — meaning it should be perceived as a substantial detriment from the convict's perspective; significance — meaning it should impose an appropriate detriment on the convict from society's standpoint.

Keywords: criminal law, criminal punishment, properties of criminal punishment, essence of criminal punishment, retribution, content of criminal punishment

For citation: Uvarov, O.N. & Olkhovik, D.N. (2025) On the properties of criminal punishment. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 17–20. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/3

Свойства наказания определяют внутреннюю составляющую наказания, его «количество», которое, в свою очередь, характеризуется строгостью и объемом содержащихся в этом наказании карательных мер. В качестве характеристики наказания выступают его сущ-

ность и содержание. Общепринято, что сущность наказания – это кара, а содержание наказания – кара, свойственная конкретному наказанию [1. С. 600]. Формой же можно определить вид наказания, определяемый Уголовным кодексом.

Сущность, содержание и форма – взаимосвязанные понятия. Они определяют представление о внешнем и внутреннем наполнении какого-либо явления или предмета. В самом общем смысле сущность представляет собой внутреннее содержание предмета, самое главное и существенное в нем. Содержание – это единство всех основных элементов целого, его свойств и связей. Форма же – это способ существования содержания, служащий его выражением, это наружный вид предмета [2. С. 673].

Сущность наказания, являясь карой, в широком смысле включает в себя «набор» элементов, которые способны лишить осужденного определенных прав и свобод или ограничить эти права и свободы. Это, безусловно, максимальный и исчерпывающий набор таких элементов. Это те элементы, которые находятся между, например, лишением свободы передвижения (при наказании в виде лишения свободы) и отчуждением денежных средств в пользу государства (при штрафе). Форма наказания здесь, например, штраф, а содержание – та часть кары, которая в этом наказании заключается.

Как известно, исполнение наказания в узком смысле означает фактическую реализацию входящих в его содержание карательных ограничений. Исполнение наказания в широком смысле отражает комплексный характер этой деятельности и включает в себя также осуществление соединяемых с наказанием некарательных мер, реализуемых через воспитательные и предупредительные меры [3. С. 39–43].

Наказание заключается в лишении или ограничении прав и свобод осужденного. С юридической стороны указанные лишения или ограничения выражаются в особых запретах, в особых обязанностях либо одновременно в особых запретах и обязанностях. Социальная сторона составляющих наказание лишений или ограничений – это лишение или ограничение тех или иных социальных и личных благ, принадлежащих виновному, ограничение или лишение его возможностей для удовлетворения потребностей (личных, материальных, духовных и т.д.) [4. С. 25–32].

Юридически такие лишения и ограничения представляют собой запрет на определенное деяние либо на воздержание от определенного деяния, а также обязанность совершить определенное деяние либо воздержаться от определенного деяния. Деяние традиционно представляет собой здесь действие или бездействие. Юридическая сторона наказания непосредственно связана с его формой, т.е. системой наказаний, предусмотренной уголовным кодексом.

С социальной точки зрения, личные блага, на которые должно воздействовать наказание, подразделяются на материальные и нематериальные. То есть лишения и ограничения должны быть направлены именно на эти блага. Кроме того, ограничения или лишения могут быть непосредственно связаны и с удовлетворением потребностей осужденного. Здесь вполне уместно говорить и об обязанностях, возлагаемых наказанием для обеспечения условий его исполнения.

Таким образом, говоря о свойствах наказания, мы должны рассматривать его сущность, т.е. кару, представляющую собой определенный комплекс карающих

элементов. Здесь во главу угла становятся те свойства этих элементов, которые обеспечивают каре, и в том числе наказанию достижение вполне определенных целей. Целями наказания определены восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение повторных преступлений. Наказание в узком смысле кара, в широком – кара, воспитательное и предупредительное воздействие. Таким образом, кара непосредственно обеспечивает социальную справедливость, а кроме того, опосредованно обеспечивает применение воспитательного и предупредительного воздействия. Исходя из этого и следует рассматривать свойства кары.

В юридической литературе при анализе уголовных наказаний характеристикой последних чаще всего выступают их признаки, свойства наказания фигурируют в таких работах значительно реже. Вместе с тем в русском языке свойство – это качество, составляющее отличительную особенность чего-либо, а признак – показатель, примета, по которым можно узнать или определить что-либо [5. С. 673]. Несмотря на кажущуюся схожесть, эти термины имеют вполне определенные отличия.

Прежде всего, «свойство» представляет собой внутреннее содержание предмета или явления, в определенном смысле – это элемент его предназначения, а «признак» – внешнее выражение предмета или явления, непосредственно его определяющее. Необходимо отметить, что конкретное свойство и конкретный признак могут определять один и тот же оригинальный элемент предмета или явления. Однако главное отличие свойств предмета или явления как комплекса, определяющего исчерпывающие всеобщие характеристики этого предмета или явления, от признаков этого же предмета или явления заключается в количестве таких оригинальных элементов. Иными словами, признаки предмета или явления ограничиваются своей способностью четко и однозначно на этот предмет или явление указать. Для признаков предмета или явления такая черта, как «исчерпанность», не обязательна и не важна. Исключительно полный перечень характерен для свойств предмета или явления. Здесь ограничение может быть связано лишь с выделением свойств определенного характера, например, свойств, связанных только с материалом, из которого изготовлен предмет, или свойств явления, не меняющихся с течением определенного времени [6. С. 155–165; 7. С. 236–269].

В свою очередь, и свойства права, в отличие от признаков, характеризуют функционирование права, его взаимосвязи и взаимодействие с отражаемой и регулируемой социальной действительностью. Если признаки характеризуют право на любом историческом этапе его существования, то свойства (ценность, эффективность, истинность, динамизм) зависят от особенностей определенной социальной действительности [8].

Говоря о наказании как уголовно-правовом явлении, следует представить его объектом, обладающим собственными свойствами и признаками.

Уголовное наказание как таковое уже имеет отличительные от остальных явлений свойства и одновременно признаки, которые представляют собой, во-первых, то, что уголовное наказание – это ограничение виновного в

определенных правах и свободах или лишение его этих прав и свобод, а во-вторых, то, что уголовное наказание следует за преступлением, т.е. нарушением норм, содержащихся в Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Свойства наказания – это комплекс его характеристик или черт, которые придают наказанию способность реализовать свою сущность и способствовать достижению поставленных перед наказанием целей. Признаками уголовного наказания представляются его черты, отделяющие каждое наказание от других видов наказаний. При этом нельзя утверждать, что эти два понятия подразумевают наличие абсолютно различных характеристик. Некоторые из них, безусловно, будут совпадать. Например, такая характеристика, как «законность», т.е. соответствие нормам действующего уголовного законодательства, является одновременно свойством и признаком уголовного наказания.

Свойства наказания формируют его сущность и определяют содержание, признаки же имеют отношение к его форме и лишь отчасти к содержанию. При этом следует обратить внимание на то, что даже в дефинициях, определяющих и сущность, и содержание, и форму в целом, и наказания в частности, содержатся признаки, свойственные этим понятиям, но не их свойства в полном смысле этого слова.

Говоря о свойствах наказания, мы не претендуем на определение исчерпывающего их перечня. Здесь свойства – понятие многоаспектное. Среди свойств наказания, например, как средства уголовно-правового регулирования, выделяют существенные и внешние. Существенные свойства наказания – те, которые отражают суть уголовного наказания как специфического инструмента правового регулирования. Обладание внешними свойствами желательно для наказания, так как способствует реализации принципов уголовного права в наказании, а также способствует его эффективности [9. С. 141–142].

Мы говорим о свойствах наказания, исходя из его сущности и выделяя те свойства, которые способствуют достижению поставленных перед наказанием целей.

Итак, кара как сущность наказания представляет собой набор карающих элементов, которые в комплексе преследуют целью достижение восстановления социальной справедливости, несут предупредительный характер и создают условия для воспитательной и профилактической работы. Говоря о каре, следует, в свою очередь, обратить внимание на свойства ее элементов, т.е. на характеристики, отличающие эти элементы от других и придающие в рассматриваемом аспекте каре качества, отражающие ее значимость.

Каждый карающий элемент должен обладать свойствами законности и справедливости. Законность в данном случае определяется соответствием каждого элемента кары закону. Справедливость же должна включать в себя в рассматриваемом аспекте адекватность, т.е. восприниматься адекватно как существенный вред с точки зрения осужденного; значимость, т.е. нести соответствующий вред осужденному с точки зрения общества.

Говоря об адекватном восприятии лишений и ограничений осужденным, следует иметь в виду, что здесь кары не должно быть «мало». Ведь самым осужденным

вполне, на первый взгляд, суровое наказание может восприниматься как незначительное или даже неважное.

Например, штраф как уголовное наказание – это достаточно крупная денежная выплата, что, безусловно, выглядит достаточно сурово. Однако одни граждане не обладают такими денежными средствами, следовательно, никогда штраф не выплатят, другие – наоборот, обладают ими и выплатить штраф для них не составляет труда. Таким образом, и для тех и для других это наказание фактически не имеет никакого веса, т.е. не адекватно.

В свою очередь, например, наказание в виде запрета на деятельность в виде управления транспортными средствами также представляется на первый взгляд вполне «существенным». Вместе с тем это наказание применяется как к лицам, имеющим удостоверение на право управления транспортными средствами, так и к лицам, не имеющим его [10]. Для лиц, не имеющих соответствующего удостоверения и, что весьма существенно, не собирающихся его получать никогда, очевидно, что такое наказание является и неадекватным, и незначимым.

Таким образом, минимальный элемент кары однозначно должен обладать свойствами законности и справедливости (адекватности и значимости).

Вместе с тем имеется и еще одна существенная проблема. Например, наказание в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в случае неисполнения осужденным не предполагает никакой ответственности. Здесь речь может вестись лишь о незначительности срока наказания. А если само наказание позволяет себя не исполнять, то оно, как представляется, не достигает никаких положительных целей, при этом и срок такого наказания никак не важен, ведь если позволено не исполнять, то какая разница, сколько времени.

Здесь одно содержание наказания как комплекс элементов кары, этому наказанию соответствующих, должно быть обеспечено с точки зрения замены его на более строгое содержание наказания (иной комплекс элементов кары). Вместе с тем кара уже как комплекс карающих элементов и формирующий сущность наказания в целом должна обладать свойством прогрессивности, когда каждый элемент кары как определенного «набора» (комплекса или совокупности) лишений и ограничений может заменяться другим, более строгим элементом в той же сфере ограничений, например в случае неисполнения осужденным предъявляемых к нему требований, и в то же время должна быть предусмотрена замена такого элемента на более мягкий в случае, если осужденный это заслуживает. Ведь на самом деле мы говорим об ограничении и лишении осужденного определенных прав и свобод, т.е. как минимум имеем в виду два уровня карательных элементов – «лишение» и «ограничение».

Например, материальное благо связано с правом собственности (правом пользования или владения определенным материальным имуществом и распоряжением им). К материальному имуществу здесь относятся вещи, в том числе движимые и недвижимые, наличные деньги и документарные ценные бумаги; имущественные права, включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права [11].

Лишениями и ограничениями этого блага могут выступать лишение права собственности или ограничение этого права, т.е. запрет на пользование, владение или распоряжение этим имуществом на определенный срок.

В качестве лишения права собственности отчасти выступает конфискация. Наказанием в виде какого-либо ограничения права пользования, владения или распоряжения имуществом отчасти выступает такой элемент некоторых наказаний (например, исправительные, принудительные работы, лишение свободы), как удержание денежных средств осужденного. Здесь удерживается (изымается) определенная часть денежных средств.

Иных ограничений в области собственности в настоящее время практически не существует.

Вместе с тем представляется, что набор карательных элементов в рассматриваемом аспекте не безграничен. Он регулируется уголовно-правовой политикой государства. Однако реальные, имеющие необходимые свойства карательные элементы, составляющие кару, их четкое определение, во-первых, позволит достичь максимальной эффективности любого наказания, а во-вторых, позволит «конструировать» наказания, исходя из вопросов их целесообразности, эффективности, прогрессивности и в зависимости от их реальных целей.

Список источников

1. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. 600 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. 673 с.
3. Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). 178 с.
4. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 240 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. 679 с.
6. Философия : учебник / под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Академический Проект; Трикта, 2004. 688 с.
7. Философия : учебник (систематический курс). 5-е изд., перераб. и доп. М. : Дашков и К°, 2019. 625 с.
8. Тихонова В.В. Признаки и свойства права: проблемы их соотношения // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 61 / под ред. М.М. Журавлева, А.М. Барнашова, С.С. Кузнецова. Томск : Издательство Томского университета, 2014. С. 42–44.
9. Валеев М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. 211 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.04.2025).
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.04.2025).

References

1. Utkin, V.A. & Shesler, A.V. (eds) (2016) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Textbook. Tomsk: Tomsk State University.
2. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkoviy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 4th ed. Moscow.
3. Utkin, V.A. (2016) *Ugolovno-ispolnitel'naya deyatel'nost' i predmet ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Penal Enforcement Activity and Subject of Penal Enforcement Law]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2 (24).
4. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugolovnykh nakazanii: kurs lektii* [Problems of the Theory of Criminal Punishments: A Course of Lectures]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkoviy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 4th ed. Moscow.
6. Zotov, A.F., Mironov, V.V. & Razin, A.V. (eds) (2004) *Filosofiya* [Philosophy]. Textbook. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt; Triksa.
7. Anon. (2019) *Filosofiya* [Philosophy]. Textbook. 5th ed. Moscow: Dashkov i K°.
8. Tikhonova, V.V. (2014) *Priznaki i svoystva prava: problemy ikh sootnosheniya* [Signs and Properties of Law: Problems of Their Correlation]. In: Zhuravlev, M.M., Barnashov, A.M. & Kuznetsov, S.S. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Part 61. Tomsk: Tomsk State University. pp. 42–44.
9. Valeev, M.T. (2005) *Svoystva ugolovnogo nakazaniya v svete teorii penalizatsii* [Properties of Criminal Punishment in Light of the Theory of Penalization]. Law Cand. Diss Tomsk.
10. Consultant Plus. (2025) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of 09.12.2008 "On Judicial Practice in Cases of Crimes Related to Violation of Traffic Rules and Operation of Vehicles, as well as Their Unlawful Possession Without the Purpose of Theft"*. Available from: Consultant Plus legal reference system. (Accessed: 15.04.2025). (In Russian).
11. Consultant Plus. (2025) *Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of 30.11.1994 (as amended on 08.08.2024, with changes on 31.10.2024)*. Available from: Consultant Plus legal reference system (Accessed: 15.04.2025). (In Russian).

Информация об авторах:

Уваров О.Н. – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: o-uvarov@mail.ru

Ольховик Д.Н. – помощник юриста ООО «Экси» (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.N. Uvarov, Cand. Sci. (Law), docent, professor, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation), E-mail: o-uvarov@mail.ru

D.N. Olkhovik, lawyer assistant, ООО Eksi (Tomsk, Russian Federation), E-mail: crim.just@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025;
одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 04.03.2025;
approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.

Научная статья
УДК 343.24

doi: 10.17223/23088451/25/4

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Александр Викторович Шеслер^{1,2}, Софья Сергеевна Шеслер³

¹ Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

³ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

^{1,2} sofish@inbox.ru

³ sofish@inbox.ru

Аннотация. В статье констатируется тенденция расширения уголовно-правовой оценки общественной опасности лица, совершившего преступление, в действующем уголовном законодательстве. Выделяется наличие такой оценки при учете общественной опасности виновного лица в процессе назначения наказания (ст. 60 89 УК РФ), как смягчающего и отягчающего наказание обстоятельства (ст. 61, 63 УК РФ), как обстоятельства, учитываемого судом при назначении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ), при назначении других видов наказаний, при освобождении виновного от уголовной ответственности и наказания (гл. 11, 12 УК РФ), при снятии судимости (ст. 86 УК РФ), при применении иных, помимо уголовного наказания, мер уголовно-правового характера (принудительных мер медицинского характера и др.), при признании свойств личности признаком состава преступления. Критикуются законодательные конструкции, основанные на признании факта повторного совершения правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, преступлением, и на признании криминального статуса в виде занятия высшего положения в преступной иерархии основанием уголовной ответственности (ст. 210.1 УК РФ).

Ключевые слова: личность преступника, общественная опасность лица, совершившего преступление, опасное состояние, характер общественной опасности, степень общественной опасности

Для цитирования: Шеслер А.В., Шеслер С.С. Уголовно-правовая оценка общественной опасности лица, совершившего преступление // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 21–25. doi: 10.17223/23088451/25/4

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/4

CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF SOCIAL DANGEROUSNESS OF A PERSON WHO HAS COMMITTED A CRIME

Alexander V. Shesler^{1,2}, Sofya S. Shesler³

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

^{1,2} sofish@inbox.ru

³ sofish@inbox.ru

Abstract. The article states the tendency to expand the criminal law assessment of social dangerousness of a person who has committed a crime in the current criminal legislation. The social dangerousness of the guilty person is taken into account in the following contexts: during sentencing (Articles 60-89 of the Criminal Code); as a mitigating and aggravating circumstance (Articles 61, 63 of the Criminal Code), as a factor considered by the court when assigning a type of correctional institution to a convicted person (Article 58 of the Criminal Code); when imposing other types of punishments; when the perpetrator is released from criminal liability and punishment (Chapters 11, 12 of the Criminal Code of the Russian Federation), when the criminal record is removed (art. 86 of the Criminal Code of the Russian Federation); when applying criminal law measures other than criminal punishment (compulsory medical measures and others), when recognizing personality traits as a sign of a crime. The author criticizes legislative constructs that treat the repeated commission of an offense—after prior administrative punishment for a similar violation—as a crime, and that establish criminal liability based solely on a person's status as a leader in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: criminal's personality, social dangerousness of person who has committed crime, dangerous condition, nature of social dangerousness, degree of social dangerousness

For citation: Shesler, A.V. & Shesler, S.S. (2025) Criminal law assessment of social dangerousness of a person who has committed a crime. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 21–25. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/4

В отечественной уголовно-правовой и криминологической литературе советского периода сложилось стойкое негативное отношение к зарубежной концепции опасного состояния личности. Данная концепция исходила из обусловленности преступления предрасположенностью личности к преступному поведению (главным образом, в силу психического расстройства, которое не достигло болезненного состояния), а также из того, что подобная предрасположенность должна быть основой уголовно-правовой оценки имеющей ее личности, в том числе основой применения к ней мер уголовно-правового воздействия. Критика концепции опасного состояния основывалась на марксистском воззрении советских исследователей на преступное поведение, согласно которому последнее обусловлено воздействием негативных социальных процессов в обществе на человека, а не его предрасположенностью к преступлению [1. С. 113–120; 2. С. 258–264; 3. С. 40–41]. Такая позиция среди исследователей сохранилась и в постсоветский период [4. С. 10–11].

Подобное отношение к концепции опасного состояния не было основано в полной мере на отечественном уголовном законодательстве, в котором отдельные положения об уголовно-правовой оценке общественной опасности преступника фактически соответствовали положениям указанной концепции. Достаточно указать на то, что в УК РСФСР 1960 г. общественная опасность лица учитывалась при назначении наказания (ст. 37 УК РСФСР) как смягчающее и отягчающее обстоятельство (ст. 38, 39 УК РСФСР), как обстоятельство, из которого исходил суд наряду с другими обстоятельствами при назначении осужденным к лишению свободы вида исправительно-трудового учреждения (ст. 24 УК РСФСР), при назначении других видов наказаний (ст. 34 УК РСФСР и др.) при освобождении виновного от уголовной ответственности и наказания (ст. 50–52 УК РСФСР), при применении принудительных мер медицинского и воспитательного характера, при снятии судимости (ст. 57 УК РСФСР), при признании свойств личности квалифицирующим признаком конкретного состава преступления (ч. 2 ст. 174 УК РСФСР и др.), при придании уголовно-правового значения факту повторного совершения правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение (ст. 154, 154.1 УК РСФСР и др.). Положения об особо опасном рецидивисте (ст. 24.1 УК РСФСР) в основном были основаны на опасности личности виновного. Мало того, установление наказуемости за занятие бродяжничеством, попрошайничеством, ведение иного паразитического образа жизни (ст. 209 УК РСФСР) было основано не на совершении конкретного преступного деяния, а на признании опасности личности, вытекающей, по мнению государства, из ее дезадаптивного образа жизни.

Позиция законодателя обусловила теоретические разработки, обосновывавшие уголовно-правовую

оценку свойств личности совершившего преступления в указанных законодательных аспектах. Так, была сформирована концепция общественной опасности личности преступника. Стремясь уйти от положения концепции опасного состояния об обусловленности преступления предрасположенностью личности к ее совершению, советские исследователи ввели в научный оборот термин «общественная опасность преступника (личности преступника, виновного лица)», которым заменили термин «опасное состояние преступника». Под общественной опасностью преступника исследователи стали понимать возможность (вероятность) совершения им нового преступления. В качестве характеристик такой опасности выделялись ее характер, определяющий, какое преступление может быть вновь совершено таким лицом, а также ее степень, определяющая степень возможности совершения последним нового преступления. Вероятность совершения нового преступления выводилась из степени стойкости индивидуалистических взглядов личности [3. С. 24–25, 187, 204–205].

Чем по своей сущности отличается предрасположенность преступника к новому преступлению от вероятности (возможности) совершения нового преступления, не ясно. Сторонники обеих концепций исходили из того, что предрасположенность (вероятность, возможность) обусловлена свойствами личности. Несмотря на это, концепция общественной опасности личности стала активно развиваться. Мало того, отдельные исследователи на основе достижений социологии и психологии в изучении личности стали утверждать, что следует выделять особый тип личности – личность преступника именно на основе наличия у нее свойства общественной опасности. Так, К.Е. Игошев утверждал, что общественная опасность преступника является ничем иным, как ее социальной ролью [5. С. 18–31].

В.Д. Филимонов назвал такую роль антисоциальной ролью, которая, по его мнению, обусловлена психологическими особенностями личности в виде ее антиобщественного отношения к гражданам, государству, обществу в целом. Антиобщественное отношение, как утверждал исследователь, может быть различной степени выраженности, а именно: простое антиобщественное отношение, которое не получило значительного развития; антисоциальная установка, характеризующаяся следующим уровнем нравственного разложения личности; антиобщественная ориентация личности, представляющая совокупность различных антисоциальных установок, и, наконец, антисоциальная направленность личности, состоящая из системы устойчивых доминирующих антисоциальных мотивов.

В результате ученый делал вывод о том, что различная степень развития у преступника антиобщественного отношения обуславливает степень ее общественной опасности, т.е. степень вероятности совершения нового преступления. Лица, имеющие простое антиобщественное отношение, совершают преступление под сильным

или неожиданным воздействием на нее неблагоприятной жизненной ситуации, имеющие антисоциальную установку – под воздействием благоприятной, способствующей совершению преступления ситуации, имеющие антисоциальную направленность личности совершают преступление при нейтральной для преступления ситуации, имеющие антисоциальную направленность совершают преступление даже в условиях, препятствующих этому [2. С. 30–36, 169–182; 6. С. 35–39].

Основываясь на этих положениях, В.Д. Филимонов предложил классификацию преступников, исходя из степени их общественной опасности, т.е. степени вероятности совершения нового преступления (случайные и неслучайные, ранее не судимые и рецидивисты, мужчины и женщины, несовершеннолетние и взрослые) [7. С. 11–28]. Такая классификация позволила не только выявить различные варианты генезиса индивидуального преступного поведения (различное соотношение объективных и субъективных условий конкретного преступления), но и объяснить учет общественной опасности различных преступников в уголовном законе, прежде всего при освобождении от уголовной ответственности и наказания, определении особенностей их ответственности и наказания, их дифференциации и индивидуализации, выборе вида учреждения, в котором осужденные должны отбывать наказание в виде лишения свободы, в иных особенностях, связанных с их смягчением и утяжелением. В целом исследователь сделал вывод о том, что личность преступника является одним из важнейших криминологических оснований норм уголовного права. Такие основания рассмотрены автором особо в отношении лиц, повторно совершивших преступление, несовершеннолетних преступников и случайных преступников. Усиление уголовной ответственности повторных преступников (прежде всего рецидивистов) исследователь усматривал в таком криминологическом основании, как большая степень их общественной опасности по сравнению с лицами, впервые совершившими преступление. Большая степень общественной опасности вытекает из антисоциальной направленности их личности на совершение преступлений. Напротив, смягчение уголовной ответственности несовершеннолетних и случайных преступников исследователь усматривал в меньшей степени их общественной опасности. У несовершеннолетних преступников меньшая степень общественной опасности, по мнению автора, обусловлена неукоренившимся в их сознании антиобщественным личностным отношением, у случайных – незначительным развитием антиобщественных свойств личности и совершением преступления под влиянием неблагоприятной жизненной обстановки, т.е. неожиданным неблагоприятным изменением, резким ухудшением, длительным неблагоприятным воздействием [6. С. 24–25, 55–61].

Полагаем, что приведенные суждения, объясняя различные аспекты уголовно-правовой оценки личности преступника в уголовном законе, немногим отличаются от выводов, составляющих основу концепции опасного состояния преступника. Однако существенное отличие между концепцией опасного состояния и концепцией

общественной опасности личности преступника существует и состоит в том, что сторонники последней концепции признают основанием уголовной ответственности совершение конкретного деяния, а не опасность личности [2. С. 256–262].

Полагаем, что теоретические разработки сторонников концепции общественной опасности личности преступника легли в основу действующего УК РФ 1996 г. Во всяком случае с момента его вступления в силу соответствующие положения об уголовно-правовой оценке личности соответствовали ему. Однако законодатель начал расширять подобные положения, которые все больше стали соответствовать крайним моментам теории опасного состояния личности преступника.

Обратимся к положениям уголовного закона, содержанию положения об уголовно-правовой оценке общественной опасности личности преступника. Ее наличие констатируется при учете общественной опасности виновного лица в процессе назначения наказания (ст. 60 УК РФ) как смягчающего и отягчающего наказание обстоятельства (ст. 61, 63 УК РФ), как обстоятельства, из которого необходимо исходить суду наряду с другими обстоятельствами при назначении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ), при назначении других видов наказаний, при освобождении виновного от уголовной ответственности и наказания (гл. 11, 12 УК РФ), при снятии судимости (ст. 86 УК РФ), при применении иных, помимо уголовного наказания, мер уголовно-правового характера (принудительных мер медицинского характера, конфискации имущества, судебного штрафа, принудительных мер воспитательного воздействия), при признании свойств личности признаком конкретного состава преступления (прежде всего квалифицирующим признаком), при придании уголовно-правового значения факту повторного совершения правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, при признании занятия высшего положения в преступной иерархии основанием уголовной ответственности (ст. 210.1 УК РФ).

В юридической литературе обсуждаются различные аспекты такой уголовно-правовой оценки общественной опасности личности преступника. Исследователи обращают внимание на то, что смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства (ст. 61, 63 УК РФ) учитываются не только при назначении наказания, но и при применении иных мер уголовно-правового воздействия помимо наказания [8], что основанием применения принудительных мер медицинского характера является общественная опасность лица, а совершенное им деяние, в том числе преступление, является лишь критерием этой опасности [9]. В литературе обсуждается вопрос о том, какие свойства виновного учитываются только как относящиеся к личности виновного в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ, а какие – как смягчающие и отягчающие обстоятельства, указанные в ст. 61, 63 УК РФ [10. С. 89–92]; предлагаются критерии, руководствуясь которыми, законодатель должен свойства личности, увеличивающие общественную опасность преступления, призна-

вать в качестве квалифицирующих признаков конкретного состава преступления или обстоятельства, отягчающего наказание в соответствии со ст. 63 УК РФ и т.д. [11. С. 37–41]. Однако эти вопросы касаются тех свойств личности преступника, которые не лежат в основании уголовной ответственности.

Расширение тенденции уголовно-правовой оценки, которые касаются уголовно-правовой оценки общественной опасности личности преступника, связаны с тем, что это ее свойство кладется в основание уголовной ответственности. Прежде всего это касается придания уголовно-правового значения факту повторного совершения правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение. Первоначально УК РСФСР 1996 г., в отличие от УК РСФСР 1960 г., не содержал составов с административной преюдицией. Очевидно, законодатель исходил из аргументов тех исследователей, которые выступали против таких составов, полагая, что совокупность административных правонарушений не придает свойство общественной опасности последнему из них, если за предшествующее правонарушение виновный привлечен к административному наказанию [12]. Подобные аргументы приводят исследователи и применительно к составам преступлений с административной преюдицией, которые появились в действующем УК РФ и количество которых расширяется [13].

Однако отдельные исследователи поддерживают позицию законодателя, полагая, что в основе уголовной ответственности должна лежать общественная опасность не только правонарушения, но и личности виновного. По их мнению, общественная опасность личности повторного правонарушителя возрастает в силу появления у нее устойчивости антисоциальных взглядов, и именно это обстоятельство лежит в основе составов с административной преюдицией [14; 15. С. 22–26].

Полагаем, законодатель, включив в УК РФ составы с административной преюдицией, попытался решить проблему разграничения между административными правонарушениями и аналогичными преступлениями, конкретизируя признак общественной опасности последних. Действительно, не просто в ряде случаев достаточно четко установить отличие между общественной вредностью, свойственной административному правонарушению, и общественной опасностью, свойственной преступлению, особенно в ситуации конкретного применения уголовно-правовой нормы. Однако законодательный подход вряд ли можно признать удачным, так как в конечном счете получается, что основанием уголовной ответственности являются не свойства деяния (его общественная опасность), а асоциальные свойства лица, его совершившего (его общественная опасность). На наш взгляд, законодатель для того, чтобы отличить административное правонарушение от аналогичного

преступления, должен в диспозиции уголовно-правовой нормы четко указать признаки последнего, формализующие его общественную опасность. Полагаем, что законодатель удачно это сделал в редакции ст. 213 УК РФ, указав на сопряженность оценочных признаков «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу» с другими признаками хулиганства.

Одиозным воплощением концепции опасного состояния личности в российском законодательстве явилось установление уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ). По сути, это является установлением уголовной ответственности за принадлежность лица к лидерам преступной среды, за ее криминальный статус, который в значительном числе случаев не связан с конкретными действиями по консолидации преступной среды, ответственность за которые установлена в ст. 210 УК РФ. Установление уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии противоречит содержащемуся в ст. 3 УК РФ принципу законности, в соответствии с которым преступным и наказуемым является только деяние. Кроме того, установление такой ответственности противоречит положению ст. 8 УК РФ, в соответствии с которым основанием уголовной ответственности является деяние, содержащее все признаки состава преступления, а не социальный статус лица.

Опасность для правоприменения кроется в оценочном характере термина «занятие высшего положения в преступной иерархии». Что это означает? Наличие определенного «почетного» титула («вор в законе», «смотрящий» и т.д.) или конкретные преступные действия по консолидации преступной среды? Если речь идет о конкретных действиях, то зачем вводить ст. 210.1 в УК РФ, так как ответственность за эти действия уже предусмотрена в ст. 210 УК РФ? Значит, наказуемость предусмотрена именно за наличие криминального статуса, а не за конкретные преступные действия?

Полагаем, что наличия ст. 210 УК РФ вполне достаточно для противодействия лидерству в преступной среде, поскольку имеющиеся в ней положения предусматривают наказуемость конкретных действий, а не статуса, характеризующего общественную опасность лидера преступной среды. Наличие в ст. 210 УК РФ квалифицирующего признака в виде занятия высшего положения в преступной иерархии вполне допустимо, так как этот оценочный признак, раскрываемый в процессе его практического применения, лежит не в основании уголовной наказуемости лица, а в основании ее усиления [15. С. 110–122].

Общий вывод, который нужно сделать из вышеизложенного, сводится к следующему: общественная опасность личности не может лежать в основании уголовной наказуемости, таким основанием может быть только общественная опасность конкретного деяния.

Список источников

1. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М. : Госюриздат, 1950. 319 с.
2. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. 277 с.
3. Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 971 с.
4. Лунеев В.В. Субъективное вменение. М. : Спарк, 2000. 70 с.
5. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. 168 с.

6. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 214 с.
7. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск, 1973. 153 с.
8. Черненко Т.Г., Масалатина И.В. Обстоятельства, отягчающие уголовное наказание: некоторые проблемные вопросы // Вестник Кузбасского института. 2025. № 1. С. 108–118.
9. Шеслер А.В., Васеловская А.В. Общественная опасность лица как основание применения к нему принудительных мер медицинского характера // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 4. С. 426–433.
10. Непомнящая Т.В., Степашин В.М. Проблемы назначения наказания. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2001. 544 с.
11. Шеслер А.В. Уголовно-правовая политика. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2018. 78 с.
12. Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 11–12.
13. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. М. : Юрлитинформ, 2020. 440 с.
14. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Обоснованность уголовно-правовых норм с административной преюдицией // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 202–207.
15. Берндт А.А. Криминологическая характеристика, детерминанты, система профилактики розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним и ее координация органами прокуратуры : дис. ... канд. юрид. наук. Ханты-Мансийск, 2024. 283 с.
16. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 110–122.

References

1. Utevskiy, B.S. (1950) *Vina v sovetskom ugovolnom prave* [Guilt in Soviet Criminal Law]. Moscow: Gosyurizdat.
2. Filimonov, V.D. (1970) *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika* [Social Danger of the Criminal's Personality]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Volzhenkin, B.V. (2008) *Izbrannye trudy po ugovolnomu pravu i kriminologii (1963–2007 gg.)* [Selected Works on Criminal Law and Criminology (1963–2007)]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
4. Lunev, V.V. (2000) *Sub'ektivnoe vmenenie* [Subjective Imputation]. Moscow: Spark.
5. Igoshchev, K.E. (1974) *Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Typology of the Criminal Personality and Motivation of Criminal Behavior]. Gorky: Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
6. Filimonov, V.D. (1981) *Kriminologicheskie osnovy ugovolnogo prava* [Criminological Foundations of Criminal Law]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Filimonov, V.D. (1973) *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti otdel'nykh kategoriy prestupnikov i ee ugovolno-pravovoe znachenie* [Social Danger of Personality of Certain Categories of Criminals and Its Criminal-Legal Significance]. Tomsk.
8. Chernenko, T.G. & Masalatina, I.V. (2025) *Obstoyatel'stva, ottyagshchayushchie ugovolnoe nakazanie: nekotorye problemnye voprosy* [Circumstances Aggravating Criminal Punishment: Some Problematic Issues]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1. pp. 108–118.
9. Shesler, A.V. & Vaselovskaya, A.V. (2021) *Obshchestvennaya opasnost' litsa kak osnovanie primeneniya k nemu prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera* [Social Danger of a Person as a Ground for Applying Compulsory Medical Measures to Them]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 15 (4). pp. 426–433.
10. Nepomnyashchaya, T.V. & Stepashin, V.M. (2001) *Problemy naznacheniya nakazaniya* [Problems of Sentencing]. Omsk: Omsk State University.
11. Shesler, A.V. (2018) *Ugovolno-pravovaya politika* [Criminal Law Policy]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
12. Kovalev, M.I. (1982) *Prestuplenie i prostupok* [Crime and Misdemeanor]. In: *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniuyu pravoporyadka i usileniyu bor'by s pravonarusheniyami* [Problems of Improving Legislation to Strengthen Law and Order and Intensify the Fight Against Offenses]. Sverdlovsk. pp. 11–12.
13. Lopashenko, N.A. (2020) *Razmyshleniya ob ugovolnom prave. Printsipy ugovolnogo zakonodatel'stva. Ugovolnyy zakon. Prestuplenie, prostupok i sostav prestupleniya* [Reflections on Criminal Law. Principles of Criminal Legislation. Criminal Law. Crime, Misdemeanor and Corpus Delicti]. Moscow: YurLitinform.
14. Anisimov, V.F. & Akinina, N.Yu. (2018) Validity of Criminal Provisions with Administrative Prejudice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 435. pp. 202–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/435/26
15. Berndt, A.A. (2024) *Kriminologicheskaya kharakteristika, determinanty, sistema profilaktiki roznichnoy prodazhi alkohol'noy produktsii nesovershennoletnim i ee koordinatsiya organami prokuratury* [Criminological Characteristics, Determinants, System of Prevention of Retail Sale of Alcoholic Products to Minors and Its Coordination by Prosecution Authorities]. Law Cand. Diss Khanty-Mansiysk.
16. Shesler, A.V. (2020) "Vor v zakone": kriminal'nyy status ili osnovanie ugovolnoy otvetstvennosti ["Thief in Law": Criminal Status or Ground for Criminal Responsibility]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1 (42). pp. 110–122.

Информация об авторах:

Шеслер А.В. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний (Новокузнецк, Россия); профессор кафедры уголовного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Шеслер С.С. – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Shesler, Dr. Sci. (Law), full professor, professor at the Department of Criminal Law Disciplines at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation); professor at the Department of Criminal Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

S.S. Shesler, Cand. Sci. (Law), docent, associate professor at the Department of Public Law and Law Enforcement, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025;
одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 19.03.2025;
approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 10.06.2025.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 343.132

doi: 10.17223/23088451/25/5

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,
НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Алена Анатольевна Бешкок¹

¹ *Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Краснодар, Россия, alena_yarovaya83@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются действующая нормативная правовая база и сложившаяся следственная практика в части проведения задержания и обыска в жилище, производимые в присутствии несовершеннолетних, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, на досудебной стадии производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следственные действия, задержание, обыск, несовершеннолетних

Для цитирования: Бешкок А.А. Некоторые вопросы соблюдения прав несовершеннолетних, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, на стадии досудебного производства // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 26–30. doi: 10.17223/23088451/25/5

Original article

doi: 10.17223/23088451/25/5

**SOME ISSUES OF PROTECTING THE RIGHTS OF MINORS
NOT INVOLVED IN CRIMINAL PROCEEDINGS AT THE PRETRIAL STAGE**

Alyona A. Beshkok¹

¹ *Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Krasnodar, Russian Federation, alena_yarovaya83@mail.ru*

Abstract. Criminal proceedings are based on upholding fundamental constitutional rights and freedoms, which are often restricted during investigative actions and the exercise of procedural powers by officials conducting preliminary investigations. This article analyzes the current legal framework and established investigative practices regarding the detention of suspects and searches of residences conducted in the presence of minors who are not participants in criminal proceedings during the pretrial stage. The author highlights problems related to certain investigative and procedural actions carried out in the presence of minors during criminal cases and proposes solutions to these problems.

Keywords: criminal proceedings, investigative actions, detention, search, minor

For citation: Beshkok, A.A. (2025) Some issues of protecting the rights of minors not involved in criminal proceedings at the pretrial stage. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 26–30. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/5

Уголовное судопроизводство представляет собой сложный баланс между необходимостью обеспечения правопорядка и защиты общественных интересов, с одной стороны, и соблюдением прав и свобод граждан – с другой.

В данном контексте особенно важным является необходимость защиты прав несовершеннолетних, которые могут становиться невольными участниками уголовного процесса.

Несовершеннолетние, попадая в сферу уголовного судопроизводства, могут испытывать значительное воздействие на свои права и свободы. Это связано с тем, что

многие следственные действия, такие как допросы, обыски или другие процессуальные мероприятия, могут существенно повлиять на их психоэмоциональное состояние и общее благополучие. При этом часто отсутствует необходимая правовая защита, которая могла бы минимизировать негативные последствия.

В данной статье хотелось бы уделить внимание некоторым вопросам соблюдения прав несовершеннолетних, которые вовлечены в процессуальную деятельность вне зависимости от их воли или действий.

Остановимся на таких процессуальных действиях, как задержание и обыск в жилище, которые зачастую

производятся в присутствии несовершеннолетних, проживающих или находящихся вместе с лицом, в отношении которого осуществляется задержание и обыск.

В настоящее время нет ни одного нормативно-правового документа, прямо или косвенно содержащего положений, обязывающих учитывать факт присутствия детей при задержании их родителей или иных совершеннолетних членов семьи, близких для ребенка, или при осуществлении обыска в жилище.

Однако практика показывает, что задержание и обыск зачастую проводятся на глазах несовершеннолетних детей.

Отметим, что указанные процессуальные действия нередко могут сопровождаться применением физической силы в отношении задерживаемого или повреждением имущества во время обыска, что негативно сказывается на психоэмоциональном состоянии несовершеннолетних, особенно детей, которые относятся к категории малолетних.

А.Ю. Колесова, клинический психолог и судебный эксперт, утверждает, что задержание близкого совершеннолетнего родственника, а также обыск жилища в присутствии ребенка, безоговорочно являются психотравмирующим фактором для последнего, которые несут в себе негативные последствия для психического состояния ребенка и его дальнейшего благополучного развития и становления личности [1]. У ребенка, ставшего невольным участником подобных процессуальных действий, формируется чувство страха, потери защиты, утраты доверия и авторитета по отношению ко взрослому человеку, на которого надо равняться.

Иначе говоря, проведение обыска в доме или задержание родителя на глазах у ребенка в результате могут стать причиной формирования у него внутриличностного конфликта и привести к нарушению его развития как полноценного члена общества.

Выше нами упоминалось, что в российском законодательстве нет правовых норм, закрепляющих необходимость учитывать права ребенка при осуществлении подобных силовых процессуальных действий, и практика показывает, что нет четкого алгоритма действий сотрудников правоохранительных органов, позволяющего учитывать права несовершеннолетних и выполнить задержание или произвести обыск, не пугая присутствующих при этом детей.

Анализируя международные и национальные нормы, закрепляющие защиту прав несовершеннолетних, можно прийти к выводу, что в них отсутствует четкий порядок закрепления и соблюдения прав детей при осуществлении таких процессуальных действий, как задержание или производство обыска в жилище.

Международные договоры, участницей которых является Российская Федерация, закрепляют лишь общие принципы защиты прав детей, которыми должны руководствоваться государства при осуществлении любых действий.

Статья 3 Конвенции о правах ребёнка (далее – Конвенция) закрепляет: «во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». Статья 16 этой же

Конвенции устанавливает, что «ни один ребёнок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища». В ст. 19 Конвенции закреплена обязанность государства принимать все необходимые меры с целью защиты ребёнка от любых форм физического или психологического насилия [2].

Комитет по правам ребёнка ещё в 2011 г. призывал стран-участниц выявлять передовые методы проведения процедуры задержания, которые соответствовали бы правам человека и правам ребёнка.

Защита прав ребёнка также обеспечивается международными договорами, регулирующими общую защиту прав человека.

Международный пакт о гражданских и политических правах в ст. 17 (право на частную и семейную жизнь) и 24 (особая охрана прав ребёнка) [3], а также Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах в ст. 10 (в ч. 3 – особая охрана прав ребёнка) и 12 (право на физическое и психологическое здоровье) предусматривают такую защиту [4].

Нормы национального законодательства вслед за международными только вскользь затрагивают необходимость соблюдать права ребенка и оберегать их как физическое, так и психическое здоровье.

Конституционный Суд в постановлении от 20 июня 2018 г. № 25-П, разъясняя смысл ст. 38 и 41 Конституции, отметил «обязанность (государства) по защите прав несовершеннолетних и гарантированию им в приоритетном порядке права на жизнь и права на охрану здоровья как неотъемлемых и неотчуждаемых» [5]. В постановлении от 18 июля 2013 г. № 19-П Конституционный Суд также указал на приоритетный порядок обеспечения безопасности каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях [6]. В п. 2 постановления от 1 февраля 2019 г. № 7-П Конституционный Суд отметил, что ущемление прав ребёнка несовместимо с самой природой положений Конституции, закрепляющих государственные гарантии поддержки и защиты семьи [7].

На основании приведенных правовых норм можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации защита здоровья (включая психологическое и эмоциональное состояние) и обеспечение нормального развития ребёнка является одной из наиболее приоритетных целей. Кроме того, в настоящее время в Российской Федерации ведётся активная политика по защите традиционных семейных ценностей, укреплению и защите института семьи. Из этого следует, что учитывать присутствие детей во время обыска или задержания родителей или иных близких родственников необходимо для обеспечения защиты прав ребенка. Практика проведения обысков в жилище и задержания, сложившаяся в современных реалиях, зачастую сопровождающаяся примене-

нием насильственных методов воздействия в присутствии несовершеннолетних, явно не соответствует целям и содержанию проанализированных нормативных актов.

Процессуальный порядок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, закреплен в ст. 91–92 УПК РФ, однако в этих нормах никоим образом не регулируется и не учитывается присутствие несовершеннолетних [8].

Лишь в ст. 160 УПК РФ вскользь упоминается о том, что если в результате задержания у подозреваемого или обвиняемого остались без присмотра или помощи несовершеннолетние дети, то должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, должно принять меры по передаче таковых родственникам или помещению их в специализированные детские или социальные учреждения.

Такая ситуация нам видится недопустимой. Во-первых, любое процессуальное действие требует соблюдение строгого порядка его осуществления и алгоритма действий, а иногда и ограничивается временными промежутками.

Рассмотрим пример: гражданка Н., недавно освобожденная из мест лишения свободы, решает отметить данное событие в кругу своих знакомых. В ходе распития спиртных напитков в результате внезапно возникшего словесного конфликта она наносит удары своей знакомой гражданке К., в результате чего причиняет ей тяжкий вред здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ). В ходе оперативно-розыскных мероприятий были установлены ее личность, место проживания. В результате возникла необходимость в ее задержании и заключении под стражу, так как она совершила преступление, за которое предусмотрена санкция в виде лишения свободы сроком свыше 3 лет. Кроме того, гражданка Н. имеет неснятую и непогашенную судимость, что указывает на наличие обстоятельств, отягчающих наказание, – рецидив преступлений. В ходе задержания было установлено, что она является мамой несовершеннолетнего ребенка – сына 14 лет, с которым проживает одна, так как отец отбывает наказание за совершение преступления в местах лишения свободы. Единственным родственником, который заслуживает доверия со стороны правоохранительных органов, которому возможно передать на попечительство ребенка, является родная сестра гражданки Н.

Задержание как процессуальное действие происходит, как правило, спонтанно и неожиданно для подозреваемого или обвиняемого, а иногда и для сотрудников правоохранительных органов, его осуществляющих. В данном контексте следует рассматривать задержание как процесс поимки и доставления подозреваемого к следователю или дознавателю для осуществления с его участием дальнейших следственных действий.

За фактическим задержанием подозреваемого следует процедура оформления его процессуального задержания, что тоже вызывает ряд вопросов. Первый: если лицо задержано в тот момент, когда рядом с ним оказался ребенок, как осуществить доставление такого лица к следователю или дознавателю и что делать с ребенком,

ведь передать его на попечение родственникам или в специальные учреждения обладает правом только лицо, осуществляющее предварительное расследование.

Второй вопрос, на который хотелось бы обратить внимание: задержание ограничено сроками. Время фактического задержания и доставления к следователю и составления протокола задержания составляет 3 часа. В какой момент лицо, осуществляющее предварительное расследование и процессуальное задержание лица, должно обеспокоиться интересами ребенка и начать процедуру его передачи родственникам под присмотр. Ведь данная процедура требует времени и надлежащего процессуального оформления и закрепления.

При этом остается только догадываться об эмоциональном, физическом и психологическом состоянии ребенка в момент соблюдения официальных процедур задержания его родителя или иного близкого родственника.

Очевидно, что законодателью необходимо тщательно проработать положения, которые закрепят соблюдение прав ребенка при осуществлении подобного процессуального действия, и если не исключат, то хотя бы минимизируют факторы, которые могут травмировать ребенка [9].

Процессуальный порядок проведения обыска регламентирован ст. 182 УПК РФ. Анализируя данную норму, можно отметить, что она не только не закрепляет обязанность учитывать присутствие детей при осуществлении вхождения (проникновения) в жилое помещение, но и вообще не упоминает о возможности их присутствия. Согласно ч. 11 ст. 182 УПК РФ, «при производстве обыска участвуют лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи». В данной статье ни слова не говорится о несовершеннолетних, не участвующих, но присутствующих при производстве обыска. При этом ч. 8 ст. 182 УПК РФ наделяет правоохранительные органы правом запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска.

В данном случае остается ряд вопросов, на которые невозможно найти ответы в нормах УПК РФ, однако стоило бы.

Например, возникает необходимость в производстве обыска в жилище. Следователь получает судебное разрешение на производство обыска, прибывает по адресу в утреннее время, звонит в дверь, открывает девочка 12 лет. На вопрос следователя о том, есть ли дома кто-то из взрослых, он получает ответ, что нет. В самом начале возникает ситуация, не урегулированная действующим законодательством, когда у должностного лица, прибывшего на проведение обыска, встает вопрос, что же делать, ведь при производстве обыска в жилище должны присутствовать совершеннолетний хозяин или члены его семьи. При этом, выясняя, когда совершеннолетние члены семьи будут дома, ребенок отвечает – вечером. Как поступить в подобной ситуации? Вернуться вечером, ждать? Вернуться вечером – сомнительное решение, так как ребенок наверняка свяжется с родителями и сообщит, что домой приходили сотрудники правоохранительных органов с намерением провести обыск.

Также позволим себе подвергнуть критике принять решение ждать прибытия совершеннолетних, проживающих в данном жилище. Ждать в квартире они не могут и не должны, потому что прежде чем войти в жилище и начать обыск, сотрудник, его осуществляющий, должен ознакомить с постановлением о производстве обыска заинтересованных лиц. Ждать на лестничной площадке – нецелесообразное решение, так как принудительно удерживать подле себя ребенка видится незаконным, а позволить ему закрыть дверь и тем самым дать ему возможность предупредить своих родственников о том, что их ожидают сотрудники полиции, с большой долей вероятности лишит смысла производство данного следственного действия. Лицо может скрыться, уничтожить предметы или документы, которые могут способствовать установлению истины по уголовному делу, или того хуже – посоветовать это сделать ребенку, в то время пока он будет добираться к месту своего жительства.

Другая практическая ситуация: следовательно приходит с обыском, начинается его производство, соблюдая при этом регламент, закрепленный в УПК РФ, но обысковые мероприятия сопровождаются силовыми методами: вскрытием помещений или предотвращением действий, направленных на сокрытие документов или предметов, позволяющих установить истину по уголовному делу,

в отношении совершеннолетних участников, в то время когда там же присутствует несовершеннолетний.

Рассмотренные ситуации и проблемные вопросы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в ходе осуществления задержания и проведения обыска в жилище, показывают острую необходимость в совершенствовании национальных правовых норм, регламентирующих производство указанных процессуальных и следственных действий, которые позволят если не исключить, то минимизировать травмирующие факторы, которые могут повлиять на эмоциональное и психологическое состояние ребенка, невольно вовлеченного в процесс их осуществления.

Нам видится возможным, с целью защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, предусмотреть в ст. 92 и 182 УПК РФ необходимость «привлекать психолога или педагога при производстве задержания и обыска в жилище, если есть основания полагать, что вместе с подозреваемым в момент задержания или в жилище, в котором планируется обыск, могут присутствовать дети».

Присутствие психолога или педагога может помочь снизить уровень стресса у ребенка и обеспечить более комфортную обстановку для его общения со следственными органами.

Список источников

1. Третьякова Е.И. Тактика производства обыска с участием несовершеннолетнего лица // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 4–2. С. 23–27.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). URL: <https://dszn.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-1753-src-1644329512.4469.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Международный пакт от 16 декабря 1966 года «О гражданских и политических правах». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/0a390ed3f46ba7282b4a66cdea68811ea5935936/ (дата обращения: 20.03.2025).
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 20.03.2025).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71870078/> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьей части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной думы». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18072013-n/> (дата обращения: 20.03.2025).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2019 № 7-П «По делу о проверке конституционности подпункта «п» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Г.А. Белоскова». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317320/ (дата обращения: 20.03.2025).
8. Уголовно-процессуальный кодекс. М.: Проспект, 2024. 786 с.
9. Куемжиева С.А. Следственный осмотр, выемка и обыск в расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. 2016. № 123. С. 11–16.

References

1. Tretyakova, E.I. (2016) *Taktika proizvodstva obyska s uchastiem nesovershennoletnego litsa* [Tactics of Conducting a Search with Participation of a Minor]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 4–2. pp. 23–27.
2. UN. (1989) *Convention on the Rights of the Child. (Approved by UN General Assembly 20.11.1989) (Entered into force for USSR 15.09.1990)*. [Online] Available from: <https://dszn.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-1753-src-1644329512.4469.pdf> (Accessed: 20.03.2025). (In Russian).
3. Consultant Plus. (2025) *International Covenant on Civil and Political Rights of 16 December 1966*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/0a390ed3f46ba7282b4a66cdea68811ea5935936/ (Accessed: 20.03.2025). (In Russian).
4. UN. (1966) *International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. (Adopted by UN General Assembly Resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966)*. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (Accessed: 20.03.2025). (In Russian).
5. Constitutional Court of the Russian Federation. (2018) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P of 20 June 2018*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71870078/> (Accessed: 20.03.2025). (In Russian).
6. Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 19-P of 18 July 2013*. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18072013-n/> (Accessed: 20.03.2025). (In Russian).
7. Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 7-P of 1 February 2019*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317320/ (Accessed: 20.03.2025). (In Russian).
8. RF. (2024) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks* [Criminal Procedure Code]. Moscow: Prospekt.

9. Kuyemzhieva, S.A. (2016) Sledstvennyy osmotr, vymka i obysk v rassledovanii prestupleniy protiv sem'i i nesovershennoletnikh [Investigative Examination, Seizure and Search in Investigation of Crimes Against Family and Minors]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU*. 123. pp. 11–16.

Информация об авторе:

Бешкок А.А. – подполковник полиции, преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Краснодар, Россия). E-mail: alena_yarovaya83@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Beshkok, police lieutenant colonel, lecturer at the Criminal Procedure Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: alena_yarovaya83@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.03.2025;
одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 17.03.2025;
approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.1

doi: 10.17223/23088451/25/6

РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ О ЗАМЕНЕ НАКАЗАНИЯ ПО ПРИГОВОРУ В СЛУЧАЕ ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ОТ ЕГО ОТБЫВАНИЯ МИРОВЫМ СУДЬЕЙ

Евгения Васильевна Боровцова¹

¹ Судебный участок № 2 Крапивинского судебного района Кемеровской области, п.г.т. Зеленогорский
Крапивинского района Кемеровской области, Россия, armin-hp1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается институт замены уголовного наказания в случае злостного уклонения от его отбывания в российском уголовно-исполнительном праве. Анализируются правовые основания и процессуальный порядок замены уголовного наказания, исследуются проблемные аспекты обеспечения прав осужденного при рассмотрении данного вопроса в суде. На основе анализа судебной практики и конкретного примера дела рассматриваются особенности определения злостности уклонения от отбывания наказания, порядок исчисления срока нового наказания и выбора вида исправительного учреждения. Особое внимание уделяется вопросу обязательности участия осужденного в судебном заседании при решении вопроса о замене наказания. Предлагаются пути совершенствования правового регулирования данного института.

Ключевые слова: замена наказания, злостное уклонение, обязательные работы, лишение свободы, права осужденного, судебное заседание, уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Боровцова Е.В. Рассмотрение дел о замене наказания по приговору в случае злостного уклонения от его отбывания мировым судьей // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 31–38. doi: 10.17223/23088451/25/6

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/6

CONSIDERATION OF CASES ON SENTENCE MODIFICATION BY MAGISTRATES DUE TO MALICIOUS EVASION OF SERVING SENTENCE

Evgeniia V. Borovtsova¹

¹ Judicial District No. 2 of the Krapivinsky Judicial District of Kemerovo Oblast, Zelenogorsky Urban Settlement
Krapivinsky District of Kemerovo Oblast, Russian Federation, armin-hp1@mail.ru

Abstract. The article examines the institution of criminal punishment substitution in cases of malicious evasion of sentence serving under Russian penal law. Drawing on specific judicial practice, the author analyzes the legal grounds and procedural framework for substituting criminal punishments, while investigating problems of protecting convicts' rights during judicial consideration of such cases. The study explores key aspects including criteria for establishing malicious evasion of punishment, procedures for calculating new sentence terms, and selection of appropriate correctional facilities. Particular emphasis is placed on the mandatory participation of convicts in court hearings regarding punishment substitution. The author proposes improvements to the legal regulation of this institution, arguing that the punishment modification system serves as a crucial mechanism for enhancing penal system effectiveness, maintaining social legal order, fulfilling preventive functions by fostering convicts' compliance with court-ordered punishments. The analysis highlights that current procedural and executive legislation contains no exceptions or restrictions regarding convicts' right to judicial protection – a fundamental principle reflecting the humanistic orientation of modern penitentiary policy. The court case of S., studied by the author, clearly illustrates the functional mechanism for substituting a criminal sentence in the case of malicious evasion of punishment. When considering issues related to the substitution of a sentence in the case of malicious evasion of punishment, judicial authorities are obliged to clarify all circumstances that affect the legality of the decision taken regarding the term or amount of the unserved sentence or the conditions requiring the replacement of the sentence. The author concludes that this institution represents an essential tool for ensuring the inevitability of punitive measures and achievement of preventive objectives in penal legislation.

Keywords: punishment substitution, malicious evasion, compulsory labor, imprisonment, convict's rights, court hearing, penal law

For citation: Borovtsova, E.V. (2025) Consideration of cases on sentence modification by magistrates due to malicious evasion of serving sentence. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 31–38. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/6

В системе исполнения уголовных наказаний особую роль играет правовой механизм замены наказания при установлении факта намеренного уклонения осужденного от исполнения судебного решения. Данный правовой институт обеспечивает неизбежность наказания и достижение целей уголовно-исполнительного законодательства. Система изменения меры наказания выступает ключевым инструментом повышения эффективности уголовно-исполнительной системы и поддержания правового порядка в обществе. Этот механизм также выполняет предупредительную функцию, способствуя формированию у осужденных ответственного отношения к исполнению назначенного судом наказания.

Правовое регулирование института замены наказания основывается на основополагающих принципах уголовно-исполнительного права. Законодательство устанавливает, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством. Важно подчеркнуть, что в отношении реализации осужденными права на судебную защиту процессуальное и исполнительное законодательство не содержит каких-либо исключений или ограничений. Данный принцип является основой всей системы исполнения наказаний и отражает гуманистическую направленность современного пенитенциарного законодательства. При этом законодатель устанавливает четкое соотношение между обеспечением прав осужденных и необходимостью достижения целей наказания. При рассмотрении вопросов, связанных с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, судебные органы обязаны выяснять все обстоятельства, влияющие на законность принимаемого решения относительно срока или размера неотбытого наказания или условий, требующих замены наказания. Данное требование обусловлено необходимостью соблюдения принципа справедливости и индивидуализации наказания. Суд должен тщательно исследовать не только формальные основания для изменения наказания, но и личность правонарушителя, причины его уклонения от исполнения приговора, жизненные обстоятельства и иные факторы, имеющие значение для принятия законного и обоснованного решения. Особое внимание заслуживает процессуальный порядок рассмотрения представлений о замене наказания. Рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, проводится в форме правосудия в открытом судебном заседании. В связи с этим суд разъясняет участникам процесса их права, обязанности и ответственность, обеспечивая возможность их практической реализации. Указанное требование направлено на обеспечение принципа состязательности и равенства сторон в судебном процессе. Открытость судебного заседания также способствует повышению прозрачности судебной системы и укреплению общественного доверия к правосудию. При этом закон предусматривает возможность проведения закрытого судебного заседания в случаях, прямо предусмотренных законодательством [1. С. 61].

Процессуальный регламент судебного рассмотрения ходатайств о трансформации первоначально определенной судом карательной меры требует комплексного и детализированного анализа. Юридический механизм разрешения вопросов, сопряженных с экзекуцией вынесенного судебного вердикта, реализуется посредством публичного судопроизводства. При этом судебная инстанция наделена императивной обязанностью экспликации всем субъектам процессуальных правоотношений их правового статуса, включающего конгломерат правомочий, юридических обязательств и потенциальной юридической ответственности, а также обязана сформировать адекватные условия для полноценной материализации прав, гарантированных действующим законодательством. В контексте пенитенциарной практики особую актуальность приобретает проблематика юридической конверсии наказания вследствие obstructive поведения осужденного. Судебная коллегия, рассматривая вопрос о замене наказания ввиду злостного уклонения субъекта от исполнения судебного приговора, руководствуется не только нормативными предписаниями материального права, но и процессуальными регламентациями, обеспечивающими транспарентность и легитимность правоприменительного процесса. Теоретическая модель современного уголовно-исполнительного права исходит из презумпции необходимости дифференцированного подхода к реализации принципа неотвратимости наказания. В ситуации, когда лицо, подвергнутое уголовно-правовому воздействию, демонстрирует перманентное девиантное поведение, направленное на уклонение от отбывания уголовного наказания, актуализируется вопрос о юридической замене наказания на более строгую санкцию. Судебный орган при рассмотрении вопроса о замене наказания обязан верифицировать наличие квалификационного признака злостности в действиях осужденного, что требует высокой степени юридической экспертизы и скрупулезной оценки фактологического материала. При констатации юридически значимого элемента злостного уклонения от отбывания назначенного наказания суд обладает дискреционными полномочиями по изменению первоначального наказания в более репрессивную форму юридического воздействия.

Данные процессуальные требования выступают гарантией соблюдения фундаментальных принципов правосудия, обеспечивая надлежащую защиту интересов всех сторон. Прозрачность судебного процесса имеет двойную ценность: она не только укрепляет доверие общества к системе правосудия, но и обеспечивает принятие обоснованных и справедливых решений при рассмотрении вопросов о замене наказания, когда осужденный злостно уклоняется от его отбывания.

Открытость судебного разбирательства, характерная для современной правовой системы, напрямую влияет на качество правоприменения при изменении первоначально назначенного наказания. При рассмотрении вопроса о замене наказания из-за намеренного уклонения осужденного от исполнения судебного решения публичность процесса выступает важной гарантией законности принимаемых решений. Обязанность суда разъяснять участникам процесса их правовой статус включает не

только формальное уведомление о процессуальных правах, но и создает условия для их эффективной реализации. Этот аспект судебной деятельности особенно важен при рассмотрении представлений об изменении наказания, когда осужденному грозит ужесточение режима из-за его негативного поведения [2. С. 45].

В юрисдикционной практике зачастую возникают дискуссионные казусы при рассмотрении вопроса о необходимости персонального участия субъекта, подвергнутого уголовно-правовому воздействию, в судебном заседании, осуществляемом в соответствии с нормативными предписаниями ч. 2–7 ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Неоднозначность подхода к вопросу обязательного присутствия осужденного при судебном рассмотрении обусловлена комплексным характером правового регулирования данной сферы и требует обращения к широкому спектру нормативных источников, регламентирующих процедуры на этапе исполнения судебного решения. Указанная правовая проблема становится особенно значимой в ситуациях, когда осужденный преднамеренно избегает взаимодействия с органами уголовно-исполнительной системы либо когда установить его местонахождение не представляется возможным. В подобных обстоятельствах перед судебными органами встает сложный юридический вопрос о правомерности проведения судебного заседания в отсутствие осужденного при соблюдении требования о надлежащем информировании лица о дате и времени предстоящего судебного разбирательства [3. С. 59].

В рамках изучаемой проблемы следует подчеркнуть, что ч. 2 ст. 10 Уголовно-исполнительного кодекса РФ утверждает императив соблюдения законных прав осужденных, закрепленных Основным законом РФ, в том числе право на юридическую защиту при уголовном преследовании, с ограничениями, определенными федеральными нормативными актами. Данное положение выступает базовым для определения процессуального положения осужденного при рассмотрении вопроса о трансформации карательных мер. Необходимо отметить, что соблюдение процедурных прав осужденного должно быть открыто предусмотрено законодательством и не допускает их изменения. Иллюстративным примером из юрисдикционной практики служит дело С., рассмотренное мировым судьей в январе 2024 г. Судебные материалы свидетельствуют, что С. получила наказание по ч. 1 ст. 158 УК РФ в виде обязательных работ в количестве 280 ч. После регистрации в органе исполнения наказания подсудимая регулярно игнорировала выход на обязательные работы без уважительных оснований. Этот случай представляет особый исследовательский интерес, поскольку демонстрирует типовые сложности при реализации данного вида наказания и отражает механизм реагирования правоохранительных структур на преднамеренное уклонение от отбывания санкции. В частности, в интервале с 13.11 по 17.11 и с 20.11 по 24.11 С. отсутствовала на месте исполнения работ без уважительных причин. За допущенные нарушения осужденной были объявлены предостережения о возможной замене обязательных работ более строгим

видом наказания. Следует указать, что контролирующий орган реализовал все необходимые превентивные меры: проводил беседы с осужденной, осуществлял проверки по месту проживания, направлял извещения о необходимости визита в инспекцию. Однако, несмотря на предпринятые действия, осужденная продолжала нарушать порядок отбывания наказания.

При разрешении вопроса о замене наказания судебный орган принимает во внимание комплекс факторов: характер и степень социальной опасности противоправного деяния, личностные характеристики осужденной, причины уклонения от исполнения назначенного наказания. В анализируемом случае суд квалифицировал поведение С. как злостное уклонение от отбывания уголовного наказания, что подтверждалось систематическими пропусками работы при отсутствии уважительных причин. Важным обстоятельством являлось то, что осужденная была должным образом информирована о последствиях нарушения порядка отбывания уголовного наказания, что удостоверилось имеющимися в деле расписками о получении предупреждений. Согласно ч. 3 ст. 49 УИК РФ, при злостном уклонении субъекта от отбывания обязательных работ происходит замена данной санкции на принудительные работы либо изоляцию от общества. При этом временной интервал, в течение которого осужденный фактически отбывал обязательные работы, принимается во внимание при калькуляции продолжительности принудительных работ или лишения свободы, исходя из пропорции: восьмичасовой период обязательных работ эквивалентен одним суткам принудительных работ или одним суткам лишения свободы. Данное законоположение имеет телеологическую направленность на обеспечение уголовно-исполнительной справедливости при замене уголовного наказания более строгим и учет аннулированной части принудительного воздействия. В анализируемом юридическом деле подсудимая С. отбыла 152 ч обязательных работ, неотбытая часть составила 128 ч. При замене наказания судебная инстанция основывалась на неотбытом объеме в размере 128 ч обязательных работ. В соответствии с требованиями п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, ввиду того, что противоправное деяние С. относится к категории умышленных преступлений небольшой тяжести, судом определено отбывание наказания в колонии-поселении.

Центральным элементом процессуальной парадигмы замены наказания выступает гарантирование юридического права осужденного на судебную защиту.

Согласно доктринальным исследованиям, рассмотрение вопроса, ухудшающего правовой статус осужденного, который отсутствует на судебном заседании, конституирует нарушение не только его права на юридическую защиту, но и фундаментального права на законное судопроизводство. Этот принцип имеет особую значимость в контексте замены наказания, поскольку подобное решение существенно влияет на правовое положение осужденного и условия отбывания им наказания. Материализация правомочия на судебную защиту включает в себя потенциальность физического присутствия в

судебном процессе, так и законное право на обретение квалифицированной юридической помощи, предоставление доказательственной базы и инициирование ходатайств к судебной инстанции [4. С. 160].

При этом правомерно диагностировать в подобном судебном процессе нарушение принципа состязательности, поскольку при рассмотрении обозначенного вопроса без участия осужденного отсутствует процессуальный паритет обвинительной и защитной сторон перед судебной инстанцией. Данная эквивалентность предполагает наделение участников возможностью ознакомления с материалами дела и формулирования собственной позиции относительно представленных доводов. Эта норма является фундаментальной для уголовного судопроизводства и приобретает особую значимость при разрешении вопросов, связанных с ухудшением правового статуса осужденного. Отсутствие субъекта, подвергнутого уголовному наказанию, в судебном заседании существенно ограничивает его процессуальные возможности в аспекте доказательственной аргументации, что потенциально может привести к вынесению необъективного решения.

Системный анализ диспозитивного содержания постановлений Пленума Верховного Суда РФ, касающихся аспектов замены уголовного наказания, не сопряженного с изоляцией от социума, на лишение свободы, в сопоставлении с литературным разъяснением уголовно-процессуальных норм не предоставляет единого толкования данного вопроса. Это порождает определенные коллизии в правоприменительной практике и требует дополнительной конкретики со стороны высших судебных органов. В процессе правореализации возникают затруднения при определении присутствия осужденного в судебном заседании, проводимом согласно положениям ч. 2–7 ст. 399 УПК РФ. Двойственность разрешения вопроса об обязательности процессуального участия осужденного обусловлена вышеуказанными факторами и имеет необходимость обращения к иным нормативным актам, регламентирующим правоотношения на стадии исполнения приговора. Часть 2 ст. 10 УИК РФ устанавливает презумпцию обязательности соблюдения прав осужденных, гарантированных Конституцией РФ, включая право на защиту от уголовного преследования, с ограничениями, предусмотренными федеральными законами. Данная норма имеет принципиальное значение для определения объема процессуальных прав осужденного при рассмотрении вопроса о замене наказания. Практика свидетельствует, что наиболее эффективным механизмом обеспечения прав осужденного выступает его непосредственное участие в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене наказания. Это предоставляет судебному органу возможность непосредственно исследовать все аспекты дела, заслушать пояснения осужденного и сформулировать мотивированное решение.

Ключевым компонентом функциональной деятельности инспекции (далее – УИИ) выступает процессуальная формализация юридических фактов, свидетельствующих о злостном уклонении осужденного от исполнения приговора. Данная деятельность регламентируется

системой правовых источников: базовым нормативно-правовым актом – Уголовно-исполнительным кодексом РФ, а также подзаконными нормативными документами ведомственной природы, в частности, приказом Министерства юстиции России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества». Алгоритм документационного оформления по факту уклонения от отбывания назначенного судом уголовного наказания начинается с момента обнаружения инспектором УИИ соответствующего правонарушения, определяющего состав злостного неисполнения наказания, определенного уголовно-исполнительным законодательством.

При этом каждый эпизод нарушения требует надлежащей фиксации. Как правило, формируется акт о невыходе осужденного на обязательные работы, удостоверяемый подписями представителя организации, в которой осужденный должен отбывать наказание, и сотрудника УИИ. При неявке осужденного на регистрацию в УИИ также составляется соответствующий акт. После обнаружения нарушения инспектор УИИ обязан запросить у осужденного письменное объяснение о причинах допущенного нарушения. В случае отказа осужденного предоставить такое объяснение формируется акт об отказе от дачи объяснений. Необходимо подчеркнуть, что вся документация должна быть оформлена согласно требованиям делопроизводства, содержать необходимые реквизиты, подписи уполномоченных лиц. При наличии оснований полагать, что нарушение режима отбывания уголовного наказания носит злостный характер, инспектор УИИ выносит предупреждение о возможности замены уголовного наказания более строгим видом. Предупреждение доводится до сведения осужденного под роспись, копия вручается осужденному. В случае отказа осужденного от подписи в ознакомлении с предупреждением составляется соответствующий акт. Практический опыт показывает, что отказ от подписи нередко становится дополнительным аргументом в пользу квалификации уклонения от отбывания наказания как злостного. После объявления предупреждения осужденному предоставляется возможность устранить допущенные нарушения. В случае если осужденный продолжает нарушать порядок и условия отбывания наказания, инспектор УИИ подготавливает представление в суд о замене уголовного наказания более строгим видом. Представление должно включать следующие сведения:

1. Анкетные данные осужденного.
2. Сведения о приговоре суда, которым назначено наказание.
3. Дата постановки осужденного на учет в УИИ.
4. Подробное описание допущенных нарушений с указанием дат и обстоятельств их совершения.
5. Сведения о мерах, принятых УИИ (беседы, предупреждения).
6. Отношение осужденного к принятым мерам.
7. Объяснения осужденного (при их наличии).
8. Вывод о злостности уклонения от отбывания наказания.

К представлению прилагаются копии материалов индивидуального дела осужденного, подтверждающие эпизоды нарушений и принятые УИИ меры воздействия. В деле С., рассмотренном ранее, к представлению УИИ были приобщены: копия приговора суда, справка о постановке на учет, табель учета рабочего времени, акты о невыходе на работу, письменные пояснения осужденной, предупреждения о возможности замены наказания, расписки о получении осужденной предупреждений. Результативность надзора за осужденными в значительной степени зависит от корректного документационного сопровождения деятельности УИИ. Фундаментальными документационными единицами, в рамках реализации функции контроля УИИ за отбыванием наказания в виде обязательных работ, являются:

- регистрационный журнал лиц, осужденных к обязательным работам – включает информационные данные о лицах, взятых на учет, назначенное наказание по приговору суда и его место исполнения;

- персональное досье осужденного – формируется при начальной постановке субъекта на учет и объединяет весь комплекс материалов, связанных с процессом исполнения наказания (копия приговора, письменное обязательство осужденного об ознакомлении с регламентом и порядком отбывания наказания, официальные предостережения и т.д.);

- хронометрический реестр трудовой активности – ведется по каждому лицу, подвергнутому обязательным работам, отображает показатели отработанных часов, даты выхода на работу, соблюдение трудовой дисциплины;

- процессуальные акты о нарушениях – составляются при обнаружении фактов уклонения, нарушения трудовой дисциплины, игнорирования регистрационных процедур в УИИ.

Особого внимания заслуживают процессуальные документы, проверяющие факт надлежащего уведомления осужденного о его правовом статусе и юридических последствиях нарушения установленного режима исполнения уголовного наказания. При постановке на учет в УИИ субъекту под личную подпись вручается памятка, в которой отражены регламент и условия отбывания наказания, правовой комплекс правомочий и обязательств осужденного, юридическая ответственность за нарушение режима отбывания уголовного наказания. Вся документационная база должна формироваться в строгой последовательности с требованиями ведомственных нормативных актов. Процессуальные ошибки в документальном оформлении могут быть признаны в качестве недопустимых доказательств, и как закономерный результат – юридический отказ судебной инстанции в удовлетворении представления о замене уголовного наказания. В практической деятельности УИИ принципиальное значение имеет процедурная фиксация нарушений режима исполнения наказания. Каждый юридический факт нарушения требует документальной проверки и подтверждения. При констатации уклонения осужденного на обязательных работах издается акт, удостоверяемый подписями представителя организации, в которой субъект должен отбывать наказание, и

должностного лица УИИ. В акте указываются дата, время, место, содержание нарушения, а также свидетельская база нарушения (при наличии таковой). Судебное производство по представлениям УИИ о замене уголовного наказания характеризуется рядом процессуальных особенностей. В соответствии со ст. 399 УПК РФ, вопросы, возникающие с исполнением приговора, подлежат рассмотрению судом в публичном судебном заседании с обязательным участием прокурора. При этом нормативная база предусматривает обязательное извещение о дате и времени судебного заседания как осужденного, так и представителя учреждения или органа, реализующего наказание. Извещение участников процесса осуществляется посредством направления судебных повесток. В случае неявки осужденного, надлежащим образом уведомленного о дате и времени судебного заседания, суд наделен полномочиями рассмотреть вопрос в его отсутствие. Однако данное правомочие применимо исключительно при надлежащем извещении осужденного.

Для надлежащего извещения осужденного о судебном заседании судебный орган направляет повестку по адресу, указанному в представлении УИИ. В случае, когда достоверно известно о фактическом проживании осужденного по иному адресу, повестка направляется также по фактическому месту адреса. Если местонахождение осужденного неизвестно, суд может принять решение о его розыске. К материалам, направляемым в суд, УИИ прилагает следующую документацию:

1. Представление о замене наказания.
2. Копию судебного приговора.
3. Справку о постановке на профилактический учет.
4. Документы, подтверждающие факты нарушений режима отбывания наказания (акты, объяснительные справки, предупреждения).
5. Информацию о личностных характеристиках осужденного.
6. Характеристики с места трудовой или образовательной деятельности (при наличии).
7. Сведения о мерах, предпринятых УИИ для обеспечения исполнения наказания.
8. Иные документы, имеющие юридическое значение, для решения вопроса о замене уголовного наказания.

В судебном заседании представитель УИИ аргументирует необходимость замены уголовного наказания, апеллируя к конкретным эпизодам злостного уклонения осужденного от исполнения приговора суда. Прокурор формулирует свою правовую позицию по представлению.

Осужденный и его защитник (при наличии такового) обладают процессуальными правами представлять пояснения, предъявлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы. По итогам рассмотрения представления суд принимает постановление об удовлетворении либо отклонении ходатайства УИИ. В постановлении должны содержаться юридические основания принятого решения. В случае замены уголовного наказания суд определяет категорию и продолжительность нового наказания, а также вид исправительного учреждения (при замене на лишение свободы). Для гарантирования

обязательной явки осужденного в судебное заседание предусмотрены специфические инструменты процессуального принуждения – принудительный привод. Привод реализуется органами внутренних дел по поручению суда или руководителя УИИ. Для осуществления привода формируется постановление, содержащее основания для его применения, а также персональные данные лица, подлежащего приводу. Постановление передается для исполнения в территориальный орган внутренних дел.

В ситуации, когда местонахождение осужденного не установлено, УИИ направляет в суд представление о замене уголовного наказания, а также ходатайство об объявлении осужденного в розыск. Розыск осужденного осуществляется органами внутренних дел по поручению суда. Для инициирования розыска суд выносит соответствующее постановление [5. С. 10]. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 30 УИК РФ, осужденный, злостно уклоняющийся от исполнения обязательных работ, местонахождение которого неизвестно, подлежит официальному объявлению в розыск и может быть подвергнут процессуальному задержанию на период до 48 часов. Данный период задержания может быть продлен судебной инстанцией до 30 суток. Эмпирическая база правоприменительной практики свидетельствует о том, что наиболее эффективное функциональное взаимодействие уголовно-исполнительной инспекции и правоохранительных структур при реализации розыскных мероприятий в отношении осужденных достигается при наличии четко структурированного алгоритмического протокола действий и оперативной передаче информационных потоков между задействованными субъектами. В отдельных субъектах Российской Федерации разработаны и применяются совместные правовые документы УИИ и органов внутренних дел, регламентирующие порядок такого взаимодействия. В случае успешного задержания осужденного процессуальные материалы незамедлительно передаются в судебную инстанцию для решения вопроса о применении в отношении данного субъекта меры процессуального принуждения в виде ареста. Судебный орган осуществляет рассмотрение указанного вопроса в установленный законом срок, не превышающий 48 часов с момента поступления соответствующих материалов в судебную канцелярию. При этом присутствие осужденного в судебном заседании является обязательным. При решении вопроса о заключении осужденного под стражу суд учитывает характер и тяжесть совершенного преступления, посткриминальное поведение осужденного, наличие или отсутствие постоянного места жительства и иные значимые обстоятельства. Продолжительность содержания под стражей ограничена 30 сутками.

Необходимо подчеркнуть, что применение мер принуждения должно соответствовать характеру нарушений и личностным характеристикам осужденного. Необоснованное применение таких мер может повлечь нарушение прав осужденного и, как следствие, отмену решения суда о замене уголовного наказания. В деле С., рассмотренном ранее, не возникло необходимости в применении мер принуждения, поскольку осужденная

явилась в судебное заседание самостоятельно и признала факт нарушения режима отбывания уголовного наказания. Однако она ходатайствовала о предоставлении возможности отбыть оставшуюся часть наказания в виде обязательных работ, ссылаясь на семейные обстоятельства. Суд не обнаружил оснований для удовлетворения данной просьбы, учитывая систематический характер нарушений и отсутствие уважительных причин. Эффективность института замены наказания более строгим в значительной степени определена качественными характеристиками подготовки материалов уголовно-исполнительной инспекцией, неукоснительным соблюдением процессуальных императивов при рассмотрении представлений в судебной инстанции, а также взаимодействием всех органов, участвующих в механизме замены наказаний.

Особого внимания заслуживает такое правомочие осужденного, как направление им ходатайства об участии в рассматриваемом судебном заседании. Поскольку целью рассмотрения указанного вопроса является изменение правового статуса осужденного вследствие замены ему уголовного наказания, не сопряженного с изоляцией от общества, лишением свободы, логично отметить, что подобное ходатайство не может быть инициировано осужденным, который уклоняется от контроля УИИ и (или) от исполнения наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы. В деле С. судебный орган принял во внимание совокупный комплекс обстоятельств: характер и степень общественной опасности противоправного деяния, за которое она осуждена приговором суда от 02.10.2023, информацию о ее личностных характеристиках, факторы, влияющие на ее уклонение от отбывания назначенного ей уголовного наказания в виде обязательных работ. На основании этого суд пришел к выводу о необходимости замены уголовного наказания в виде обязательных работ на лишение свободы. Необходимо акцентировать внимание на том, что отсутствие волеизъявления осужденного об участии в судебном заседании расценивается судебными органами неоднозначно: для одних – это процессуальное препятствие для проведения судебного заседания, поскольку, согласно их правовой позиции, будет нарушена ст. 16 УПК РФ, для других – это основание для проведения судебного заседания без участия осужденного в соответствии с ч. 2 ст. 399 УПК РФ. Разнородность судебной практики по анализируемому вопросу наблюдается и в текущий период, что было установлено по результатам исследования правоприменительной деятельности в различных территориальных субъектах Российской Федерации. Это свидетельствует о необходимости формирования единообразного подхода к решению данного процессуального вопроса.

При решении вопроса о замене уголовного наказания суд должен руководствоваться не только формальными основаниями для квалификации осужденного как злостно уклоняющегося от отбывания наказания, но и учитывать конкретные обстоятельства дела, индивидуальные характеристики осужденного, причины допущенных нарушений.

Такой подход обеспечивает справедливость и индивидуализацию наказания. В подведении итогов целесообразно акцентировать внимание на ряде принципиальных аспектов, связанных с процессуальным регламентом замены уголовного наказания в случае злостного уклонения от его отбывания. Прежде всего, необходимо акцентировать значимость соблюдения процессуальных гарантий прав осужденного при рассмотрении вопроса о замене наказания. Как определяет анализ судебной практики, наиболее острым является вопрос о процессуальном участии осужденного в судебном заседании. Существующие расхождения в правоприменительной практике требуют законодательного урегулирования данной проблематики. Исследованный юридический случай С. наглядно иллюстрирует функциональный механизм замены уголовного наказания в случае злостного уклонения от его отбывания. Судебной инстанцией были учтены все обстоятельства дела: качественные характеристики нарушений регламента отбывания наказания, персональные особенности осужденной, ее отношение к назначенному наказанию. Замена обязательных работ на лишение свободы была определена злостным характером нарушений и отсутствием уважительных причин неявки на обязательные работы. Принципиальным аспектом является расчет продолжительности нового уголовного наказания при замене обязательных работ лишением свободы.

Согласно законодательным нормам, неисполненная часть наказания составляет из расчета один день изоляции от общества за восемь часов обязательных работ. В деле С. неотбытый объем составил 128 часов обязательных работ, что при расчете составило 16 дней лишения свободы. Особое внимание приобретает вопрос о типе исправительного

учреждения при замене уголовного наказания в лишение свободы. В соответствии с требованиями уголовного законодательства, при совершении преступления небольшой тяжести субъекту, ранее не подвергавшемуся изоляции от общества, определяется отбывание наказания в колонии-поселении. При рассмотрении вопроса о замене уголовного наказания судебные органы обязаны указывать обоснованность применения к осужденному предупреждений, установленных в ч. 1 ст. 29, ч. 2 ст. 46, ч. 2 ст. 58 УИК РФ. В деле С. было установлено, что предупреждения были сформулированы обоснованно, осужденная была надлежащим образом предупреждена о юридических последствиях нарушения порядка отбывания уголовного наказания. Исследование судебной практики демонстрирует, что основными факторами замены наказания выступают: систематическое игнорирование соблюдения обязательств, нарушение регламента отбывания наказания, уклонение от надзорных функций уголовно-исполнительной инспекции. При этом судебные инстанции принимают во внимание как формальные основания для квалификации осужденного как злостно уклоняющегося от отбывания наказания, так и фактические обстоятельства дела.

В заключение необходимо акцентировать внимание на том, что институт замены уголовного наказания в случае злостного уклонения от его отбывания представляет собой важнейший механизм обеспечения неотвратимости карательного воздействия и достижения профилактических целей уголовно-исполнительного законодательства. Эффективность данного института в значительной степени определена корректной реализацией норм материального и процессуального права, изучением всех обстоятельств дела и обеспечением процессуальных гарантий юридических прав осужденного.

Список источников

1. Николок В.В. Обзор практики заключения судами под стражу (продления срока задержания) осужденных, скрывшихся в целях уклонения от отбывания наказания (п. 18 ст. 397 УПК РФ) // Российское правосудие. 2015. № 7 (111). С. 61–81.
2. Николок В.В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15, № 4. С. 43–52.
3. Николок В. В. Заочный арест осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания // Уголовный процесс. 2014. № 12 (120). С. 58–69.
4. Пупышева Л.А. Из опыта проведения изучения судебной практики рассмотрения судами вопросов, связанных с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания (пункты 2, 18, 181 ст. 397 УПК РФ) // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. Уголовный процесс. 2021. № 3 (98). С. 156–166.
5. Булатов Б.Б., Николок В.В. Привод как мера принуждения в стадии исполнения приговора // Российский следователь. 2013. № 13. С. 9–12.

References

1. Nikolyuk, V.V. (2015) Obzor praktiki zaklyucheniya sudami pod strazhu (prodleniya sroka zaderzhaniya) osuzhdennykh, skryvshikhsya v tselyakh uklo-neniya ot otybyvaniya nakazaniya (p. 18 st. 397 UPK RF) [Review of Judicial Practice of Detention (Extension of Detention Term) of Convicts Who Absconded to Evade Serving Sentences (Clause 18 Article 397 of the Criminal Procedure Code)]. *Rossiyskoe pravosudie*. 7 (111). pp. 61–81.
2. Nikolyuk, V.V. (2015) Rasprostranyaetsya li institut mer presecheniya na stadiyu ispolneniya prigovora? [Does the Institute of Restrictive Measures Apply to the Sentence Execution Stage?]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 15 (4). pp. 43–52.
3. Nikolyuk, V.V. (2014) Zaochnnyy arest osuzhdennoego, uklonyayushchegosya ot otybyvaniya nakazaniya [In Absentia Arrest of a Convict Evading Sentence Execution]. *Ugolovnyy protsess*. 12 (120). pp. 58–69.
4. Pupsheva, L.A. (2021) Iz opyta provedeniya izucheniya sudebnoy praktiki rassmotreniya sudami voprosov, svyazannykh s zamenoy nakazaniya v sluchae zlostnogo uklo-neniya ot ego otybyvaniya (punkty 2, 18, 181 st. 397 UPK RF) [From the Experience of Studying Judicial Practice of Courts Considering Issues Related to Sentence Replacement in Case of Malicious Evasion of Its Execution (Clauses 2, 18, 181 Article 397 of the RF Criminal Procedure Code)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. Ugolovnyy protsess*. 3 (98). pp. 156–166.
5. Bulatov, B.B. & Nikolyuk, V.V. (2013) Privod kak mera prinuzhdeniya v stadii ispolneniya prigovora [Compulsory Attendance as a Coercive Measure at the Sentence Execution Stage]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 13. pp. 9–12.

Информация об авторе:

Боровцова Е.В. – мировой судья судебного участка № 2 Крапивинского судебного района Кемеровской области (п.г.т. Зеленогорский Крапивинского района Кемеровской области). E-mail: armin-hpl@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Borovtsova, magistrate, Judicial District No. 2 of the Krapivinsky Judicial District of Kemerovo Oblast (Zelenogorsky Urban Settlement, Krapivinsky District, Kemerovo Oblast, Russian Federation). E-mail: armin-hp1@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.02.2025;
одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 24.02.2025;
approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.131.5

doi: 10.17223/23088451/25/7

СОБЛЮДЕНИЕ СРОКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Рустам Рашитович Габдулин¹, Елена Викторовна Носкова^{2,3}

¹ Московская коллегия адвокатов «Габдулин и Партнеры», Москва, Россия

² ЗСФ ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева», Томск, Россия

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ info@gabdulin.pro

^{2,3} NoskovaElena@mail.ru

Аннотация. Законодательные требования к соблюдению процессуальных сроков предварительного расследования призваны обеспечивать права участников уголовного процесса. Вместе с тем они выступают в качестве необходимых условий и гарантий законности при производстве по уголовным делам. Выявленные в ходе анализа правоприменительной практики случаи несоблюдения процессуальных сроков в ходе следствия и разнообразие способов преодоления нормативных требований указывают на необходимость научного осмысления и выработки рекомендаций, обеспечивающих дополнительные гарантии права на защиту.

Ключевые слова: сроки предварительного расследования, право на защиту, полномочия защитника

Для цитирования: Габдулин Р.Р., Носкова Е.В. Соблюдение сроков предварительного расследования как необходимое условие обеспечения права на защиту // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 39–43. doi: 10.17223/23088451/25/7

Original article

doi: 10.17223/23088451/25/7

COMPLIANCE WITH PRELIMINARY INVESTIGATION TIME LIMITS AS A NECESSARY CONDITION FOR ENSURING THE RIGHT TO DEFENSE

Rustam R. Gabdulin¹, Elena V. Noskova^{2,3}

¹ Moscow "Gabdulin and Partners" Bar Association, Moscow, Russian Federation

² West Siberian Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Tomsk, Russian Federation

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ info@gabdulin.pro

^{2,3} NoskovaElena@mail.ru

Abstract. It is crucial to focus attention on implementing high-quality departmental procedural control, monitoring not only literal compliance with criminal procedure law but also accounting for the interpretive priorities established by the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the necessity to observe the rights and lawful interests of persons involved in criminal proceedings. The Supreme Court of the Russian Federation must develop its legal position regarding unreasonable prolongation of preliminary investigation time limits and abuse of authority by preliminary investigation officials, and reflect this position in guidelines ensuring uniform application of criminal procedure law, particularly concerning court consideration of complaints under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Furthermore, a standardized professional protocol should be established for defense attorneys to enhance defense quality in cases like those examined here, while maintaining the crucial balance between private and public interests in criminal proceedings.

Keywords: preliminary investigation time limits, right to defense, powers of defender

For citation: Gabdulin, R.R. & Noskova, E.V. (2025) Compliance with preliminary investigation time limits as a necessary condition for ensuring the right to defense. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 39–43. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/7

Детальная регламентация уголовно-процессуальной формы и необходимость соблюдения требований УПК РФ при производстве по уголовным делам – неоспоримо

важная составляющая реализации назначения уголовного судопроизводства и неременное условие соблюдения принципов уголовного процесса.

Участию адвокатов-защитников в собирании доказательств при производстве по уголовным делам посвящены многочисленные труды отечественных и зарубежных исследователей. Ими вскрыт целый ряд проблем и предложено авторское видение путей их разрешения или нивелирования негативных последствий. Однако большинство из них направлено на коренное преобразование типа уголовного процесса или кардинальную смену парадигмы доказывания.

Не поддерживая идею революционных преобразований в законодательстве и науке, в рамках настоящей статьи авторами изучены примеры неординарной адвокатской практики за 2022 и 2024 гг. в Московской области, городе федерального значения Москва, Приморском крае, Кемеровской области и на основе имеющейся эмпирической базы сформулированы предложения, направленные на совершенствование современного отечественного УПК и правоприменительной практики. Главным образом, рекомендации, направленные на преодоление процессуальных барьеров в ходе осуществления профессиональной деятельности адвоката-защитника, носят практико-ориентированный характер.

Как верно отмечают исследователи, «процессуальные сроки выступают одним из основных средств обеспечения прав участников, гарантией законности уголовного судопроизводства» [1. С. 2]. В то же время внимание авторов настоящей статьи обратила на себя сформировавшаяся в отдельных регионах порочная практика несоблюдения процессуальных сроков в ходе предварительного расследования.

Согласно ст. 162 УПК РФ, ординарный срок предварительного расследования в два месяца при определенных условиях с соблюдением требований закона может быть продлен до двенадцати месяцев руководителями ведомств, осуществляющих следствие в регионах страны. Причем «дальнейшее продление срока предварительного следствия может быть произведено только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями». В этой связи Конституционный Суд РФ в определениях от 26.03.2020 № 759-О, от 19.10.2010 № 1412-О-О, от 22.04.2014 № 878-О, от 02.07.2015 № 1541-О, 1542-О и 1543-О подчеркнул, что порядок продления срока следствия, предусмотренный ч. 6 ст. 162 УПК РФ, может применяться лишь в качестве исключения из общих правил. Данный порядок не предполагает злоупотребления

правом, а предусмотрен для обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства и принципа законности путем устранения выявленных нарушений и препятствий к дальнейшему движению дела¹.

При этом, согласно сформировавшимся механизмам ведомственного контроля, уголовные дела, по которым срок следствия продлен свыше двенадцати месяцев, и вся процессуальная деятельность следователя по ним становятся объектами пристального внимания со стороны руководства соответствующих государственных органов и должностных лиц, специально уполномоченных на осуществление процессуального надзора.

Совершенно предсказуемо, что подобная перспектива не слишком вдохновляет рядовых следователей, чья профессиональная деятельность нередко связана с объективной необходимостью расширения временных границ доказывания по уголовным делам, представляющим правовую и фактическую сложность. Думается, именно этим объясняется их стремление избежать уведомления центрального аппарата профильного ведомства о продолжении расследования за пределами годичного срока. В помощь следователю законодатель предусмотрел ряд процессуальных институтов, недобросовестное применение которых было выявлено нами при осуществлении защиты по уголовным делам, возбужденным по фактам совершения преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 2 ст. 285 УК РФ, ч. 4 ст. 33, ч. 2 ст. 285 УК РФ, ч. 6 ст. 290 УК РФ и ч. 5 ст. 291 УК РФ.

В первую очередь, бросились в глаза случаи предъявления дополнительных обвинений, в действительности оказывающиеся безосновательными, от части которых в последующем следствие отказывается (уголовное преследование по ним прекращается в связи с истечением сроков давности или по реабилитирующим основаниям), однако дающие возможность продлить период производства по основному уголовному делу. В качестве обоснования указывается «установление новых обстоятельств», причем обвинение неоднократно уточняется для обеспечения возможности производства следственных действий, в том числе допроса обвиняемого по инициативе следователя.

Именно этот путь позволил продлить сроки предварительного расследования свыше 12 месяцев (каждый раз на один месяц 00 суток), не обращаясь к руководству следственного органа за пределами субъекта Российской Федерации – до 15 месяцев – с 03.06 до 03.09.2023. Забегая вперед, нельзя не отметить, что в конкретном

¹ См. Определения Конституционного Суда РФ: от 26.03.2020 № 759-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гапонова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2.1 части первой статьи 39, частью шестой статьи 162, пунктом 1 части первой статьи 208 и частью второй статьи 211 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 19.10.2010 № 1412-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фирулева Александра Андреевича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 22.04.2014 № 878-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева Олега Леонидовича на нарушение его конституционных прав статьей 4, частью первой статьи 34, частью шестой статьи 162, частью первой статьи 215

и частью первой статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 02.07.2015 № 1541-О «По жалобе гражданина Тихуна Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 02.07.2015 № 1542-О «По жалобе гражданина Шагана Валерия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 02.07.2015 № 1543-О «По жалобе гражданки Пахомовой Надежды Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2025).

деле дополнительное расследование после приостановки производства по уголовному делу продлевалось до 7 ноября 2024 г.

Во-вторых, наблюдалось формальное, недобросовестное составление следователем обвинительного заключения с намерением предоставить возможность руководителю следственного органа по субъекту Российской Федерации неоднократно возвращать уголовное дело следователю с указаниями о производстве дополнительного расследования. Таким образом, под видом исполнения обязанностей по процессуальному руководству и контролю за следствием используются полномочия, предусмотренные п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, с целью предоставить дополнительное время для осуществления уголовного преследования. В отдельных случаях руководителем следственного органа при возвращении уголовного дела без обоснования и мотивировки устанавливается конкретный срок, например месячный, для производства дополнительного расследования.

То есть в ряде случаев под видом выполнения требований ч. 5 ст. 162, ст. 217, ст. 218 и ст. 220 УПК РФ имитируется направление уголовного дела с обвинительным заключением руководителю следственного органа для согласования. В тот же день руководитель следственного отдела возвращает уголовное дело следователю с указаниями о производстве дополнительного расследования, обосновывая свое решение пределами предоставленных ему полномочий. Возможно, только у авторов настоящей статьи складывается впечатление, что данная последовательность процессуальных действий была заранее согласована, но настораживает их идентичность (с точки зрения срока принятия решения, его обоснования, формулировок, устанавливаемого срока дополнительного расследования) и систематичность.

В этой связи нельзя обойти вниманием искусственно создаваемые ситуации возвращения уголовного дела руководителем следственного органа для производства дополнительного расследования ввиду того, что на момент поступления уголовного дела для согласования и направления прокурору в порядке ч. 6 ст. 220 УПК РФ требования ст. 217 УПК РФ не были выполнены – обвиняемые и их защитники не ознакомлены с материалами уголовного дела в полном объеме.

В-третьих, были выявлены случаи, когда посредством полномочий, предоставленных ст. 208–211 УПК РФ, а также ч. 6 ст. 162 УПК РФ следователи приостанавливали производство по уголовному делу, а вскоре по требованию непосредственного руководителя, надзирающего прокурора или по собственной инициативе его возобновляли, чем фактически продлевали сроки предварительного расследования в обход процедуры согласования данного решения с руководителями следственных органов за пределами субъекта Российской Федерации. В соответствии с ч. 6 ст. 162 УПК РФ, «при возобновлении производства по приостановленному или прекращенному уголовному делу, а также при возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия руководитель следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, вправе

устанавливать срок предварительного следствия в пределах одного месяца со дня поступления уголовного дела к следователю вне зависимости от того, сколько раз оно до этого возобновлялось, прекращалось либо возвращалось для производства дополнительного следствия, и вне зависимости от общей продолжительности срока предварительного следствия». Тем самым законодатель сам предоставил правоприменителю возможность необоснованно долго вести предварительное расследование, внешне соблюдая требования закона, однако прикрывая этим недобросовестность и откровенные злоупотребления полномочиями.

Систематичность использования данного полномочия опять же наводит на размышления о соответствии правоприменительной практики позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который допускает его исключительно в качестве исключения из общих правил, а не ординарного пути преодоления требований, предъявляемых к порядку продления сроков предварительного расследования. В качестве вариантов злоупотребления Конституционный Суд как раз и указывает на необоснованные приостановления, неоднократные направления для производства дополнительного следствия и т.п. В качестве обоснования авторской позиции следует привести обоснованную позицию судьи Фрунзенского районного суда г. Владивостока, выраженную в постановлении об удовлетворении жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ [2], и апелляционное постановление Приморского краевого суда по апелляционному представлению прокурора на него № 22К-5921/2023 от 28.11.2023 [3].

Наряду с этим установлены случаи необоснованных отмен постановлений следователя при проверке материалов проверки сообщения о преступлении или материалов уголовного дела руководителем следственного органа (полномочие предусмотрено п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ) для обеспечения видимости активной следственной деятельности, а также нагнетания репрессивного воздействия на участников уголовного судопроизводства. В конечном итоге это обеспечивает видимость наличия оснований продления сроков предварительного расследования ввиду того, что теперь расследование представляет особую сложность.

Неординарным способом затягивания сроков предварительного расследования является необоснованное перенаправление жалоб, поданных защитником или самим обвиняемым в порядке ст. 124 УПК РФ, руководителем следственного отдела, которому была адресована, вышестоящему руководству следственного органа под видом обеспечения более высокого качества рассмотрения обращения участника уголовного судопроизводства. Последующие требование предоставить материалы уголовного дела, производство проверки по жалобе, согласование и формулирование позиции по конкретному случаю в совокупности с остальными действиями следователя и руководителя следственного органа были направлены на «утяжеление» конструкции уголовного судопроизводства.

Думается, в совокупности они послужили основанием затягивания сроков предварительного расследова-

ния и нарушения принципа разумности срока уголовного судопроизводства, закрепленного законодателем в ст. 6.1 УПК РФ.

Согласованность межведомственной позиции демонстрирует частичное удовлетворение жалоб, поданных в порядке ст. 124 УПК РФ, прокурором. Примечательно, что часть жалобы, которая была удовлетворена, относится к тем решениям, которые ранее уже были устранены руководителем следственного органа путем отмены. Однако прокурор, согласившийся с доводами заявителя жалобы (защитника), признал обжалуемые действия незаконными и/или необоснованными, отметив при этом и нарушение разумного срока уголовного судопроизводства.

При внимательном систематическом изучении правоприменительной практики представляется возможным сформулировать предположение о фальсификации процессуальных документов и волоките со стороны следственных органов. В свою очередь, формализованный подход к исполнению должностных полномочий придал видимость соблюдения уголовно-процессуальной формы, позволил избежать дисциплинарной ответственности лиц, ведущих предварительное расследование, но в конечном итоге привел к волоките и явному злоупотреблению должностными полномочиями. Особо удручает, что данные факты происходят с молчаливого согласия руководителей следственных органов. Наблюдается тенденция стремления искусственно обойти требования, предусмотренные ч. 5 ст. 162 УПК РФ и предъявляемые к порядку продления срока следствия свыше 12 месяцев лишь в исключительных случаях Председателем Следственного комитета Российской Федерации,

руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями.

Подытоживая проведенный анализ правоприменительной практики, следует сформулировать несколько важнейших выводов:

1. Важно сосредоточить внимание на осуществлении качественного внутриведомственного процессуального контроля не только за буквальным соблюдением норм уголовно-процессуального закона, но и с учетом тех акцентов, которые расставляет Конституционный Суд Российской Федерации, а также необходимости соблюдения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

2. Необходимо выработать позицию Верховного Суда Российской Федерации относительно вопросов затягивания сроков предварительного расследования, злоупотребления правомочиями лицами, ведущими предварительное следствие, а также отразить ее в рекомендациях, направленных на обеспечение единообразного применения уголовно-процессуального закона, например, о практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

3. Следует выработать алгоритм профессиональной деятельности адвокатов, направленный на повышение качества осуществления защиты в ситуациях, подобных тем, которые послужили объектом внимания авторов настоящей статьи, с учетом важности обеспечения баланса частных и публичных начал в уголовном процессе.

Список источников

1. Стуконог И.В. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению соблюдения сроков в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 34 с.
2. Постановление Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 26.09.2023 по делу № 3/10-285/23. URL: Фрунзенский районный суд г. Владивостока Приморского края (дата обращения: 10.03.2025).
3. Апелляционное постановление № 22К-5921/2023 от 28 ноября 2023 г. по делу № 3/10-285/23. URL: СудАкт.ру (дата обращения: 10.03.2025).

References

1. Stukonog, I.V. (2020) *Protsessual'nye polnomochiya prokurora po obespecheniyu soblyudeniya srokov v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva* [Procedural Powers of the Prosecutor to Ensure Compliance with Time Limits in Pretrial Stages of Criminal Proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
2. Frunzensky District Court of Vladivostok. (2024) *Resolution of the Frunzensky District Court of Vladivostok dated 26.09.2023 in case No. 3/10-285/23*. [Online] Available from: <http://frunzensky.vld.sudrf.ru/> (Accessed: 10.03.2025). (In Russian).
3. Sudact.ru. (2023) *Appellate Resolution No. 22K-5921/2023 dated 28 November 2023 in case No. 3/10-285/23*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/> (Accessed: 10.03.2025). (In Russian).

Информация об авторах:

Габдулин Р.Р. – генерал-майор юстиции в отставке, адвокат, председатель Московской коллегии адвокатов «Габдулин и Партнеры» (Москва, Россия). E-mail: info@gabdulin.pro

Носкова Е.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса ЗСФ ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева» (Томск, Россия); доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: NoskovaElena@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.R. Gabdulin, retired Major General of Justice, attorney, chairman, Moscow "Gabdulin and Partners" Bar Association (Moscow, Russian Federation). E-mail: info@gabdulin.pro

E.V. Noskova, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Criminal Procedure Department, West Siberian Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation); associate professor at the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Activities of the Law Institute, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: NoskovaElena@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.02.2025;
одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 25.02.2025;
approved after reviewing 07.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.131.2

doi: 10.17223/23088451/25/8

НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА: ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ И ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ

Алена Владимировна Грищенко¹

¹ Томский областной суд, Томск, Россия, alyona180497@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена реализации начала непосредственности при исследовании доказательств в дореволюционной России. На основе анализа положений Устава уголовного судопроизводства 1864 года, практики Правительствующего Сената, а также мнений дореволюционных исследователей сформулированы пределы ограничения непосредственности судебного разбирательства и гарантии ее реализации.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства 1864 года, непосредственность судебного разбирательства, баланс частных и публичных интересов, досудебные и судебные гарантии непосредственности

Для цитирования: Грищенко А.В. Непосредственность в уголовном процессе России по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года: пределы ограничения и гарантии реализации // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 44–52. doi: 10.17223/23088451/25/8

Original article

doi: 10.17223/23088451/25/8

IMMEDIACY IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE UNDER THE 1864 STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS: LIMITS OF RESTRICTION AND IMPLEMENTATION GUARANTEES

Alyona V. Grishchenko¹

¹ Tomsk Regional Court, Tomsk, Russian Federation, alyona180497@yandex.ru

Abstract. Shortly after the adoption of the 1864 Statute of Criminal Proceedings, it became evident that implementing immediacy in its pure form was impossible, as it intersected with other values of criminal procedure. Restrictions on immediacy were deemed permissible only when there was a substantial threat to another procedural value, which the court reasonably chose to prioritize in a specific case. Crucially, the court had to verify that protecting this competing interest was unachievable without limiting immediacy. Prerevolutionary legislation established both judicial and pretrial implementation guarantees for immediacy when restricted. These guarantees were linked to bringing the court closer to the facts under investigation and providing parties with the opportunity to challenge evidence. The understanding of immediacy varied depending on the type of evidence examined: for witness testimony and physical evidence, it was implemented in its pure form; for expert opinions, it involved significant conventionality; while for investigative act protocols, only formal immediacy was applied.

Keywords: Statute of Criminal Proceedings (1864), immediacy of judicial proceedings, balance of private and public interests, pretrial and judicial guarantees of immediacy

For citation: Grishchenko, A.V. (2025) Immediacy in Russian criminal procedure under the 1864 Statute of Criminal Proceedings: Limits of restriction and implementation guarantees. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 44–52. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/8

Непосредственность давно была присуща судебному разбирательству. В России о ней можно говорить с принятия Александром II в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС). Правда, изначально, ввиду отсутствия в УУС понятия непосредственности, в теории уголовного процесса последняя отождествлялась с устностью (ст. 625 УУС).

Лишь в 70-е гг. XIX в. эти принципы стали различать: под устностью понималось устранение бумажного способа разрешения дела только по письменным доказательствам, под непосредственностью – устранение,

насколько это возможно, всего того, что стоит между судьей, постановляющим приговор, и предметом исследования [1. С. 33].

Начало непосредственности занимало важное место в системе ценностей уголовного процесса пореформенного периода. Основное ее назначение виделось в содействии интересам правосудия.

Как отмечалось в дореволюционной России, «истина познается или непосредственно, путем собственного самопознания, или посредственно, путем усвоения того, что непосредственно испытывают другие» [2. Т. XXIII.

С. 486]. Отдавая приоритет первому способу познания истины, В.К. Случевский полагал, что именно «благодаря непосредственности деятельность судьи охраняется от вторжения в его суждение субъективного элемента лиц, стоящих между ним и исследуемым событием» [3. С. 53]. Д.Г. Тальберг также считал, что «чем большее число лиц существует между судьей и предметом исследования, тем более увеличиваются шансы неправильного понимания дела» [4. Т. 1. С. 35–36]. По мнению данных исследователей, по возможности любое судебное решение должно быть результатом личного непосредственного наблюдения судьи, логическим следствием увиденного и слышанного им [3. С. 53; 4. Т. 1. С. 35–36]. Л.Е. Владимиров также полагал, что «именно первоисточник должен составлять средство для добывания истины, в то время как второисточник может быть терпим только как неизбежное исключение» [5. С. 143–144]. При этом только при участии сторон суд получал возможность, с одной стороны, осмотреть мельчайшие стороны дела, с другой – сохранить положение лично не заинтересованного в деле органа [6. С. 165].

Как отмечалось в литературе того периода, «начала уголовного процесса должны быть проникнуты признанием двух интересов: интереса публичного, требующего наказания виновного за совершенное преступление, и интересов обвиняемого, личные права которого должны быть гарантированы во имя того же общественного блага» [7. С. 103–104]. При этом дореволюционное законодательство и практика его применения исходили из необходимости учета частных интересов и иных участников процесса, а назначение непосредственности виделось в содействии защите прав и свобод всех лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Наконец, еще один аспект назначения непосредственности можно сформулировать исходя из требования, чтобы судебное решение не только устанавливало истину, было справедливым, но и воспринималось в качестве такового. К.И.А. Миттермайер по этому поводу обоснованно отмечал, что «предварительное следствие, скрываясь во мраке канцелярской тайны, возбуждает недоверие, особенно тогда, когда публика, с введением в действие гласности и устности, привыкла оказывать доверие только тем судебным действиям, в законности и правильности исполнения коих она могла сама убедиться» [8. Т. XXIII. С. 513].

Вместе с тем очень скоро у теоретиков и практиков сложилось понимание того, что реализовать непосредственность в ее чистом виде невозможно. В определенных случаях отказ от производных доказательств может не только не способствовать истине, но и препятствовать ее установлению (например, при отказе от оглашения показаний умершего ко времени рассмотрения дела в суде свидетеля). При решении вопроса об оглашении показаний свидетеля, находящегося в «дальней отлучке», интерес в непосредственном исследовании показаний вступает в противоречие с обеспечением разумного срока уголовного судопроизводства.

Когда при признании подсудимым вины дело рассматривается без исследования доказательств, непосредственность соприкасается с интересом, направленным на ускорение и удешевление производства по делу.

При отказе свидетеля, давшего показания против близких лиц на досудебном этапе, от дачи показаний в суде необходимо иметь в виду интерес в защите семейных отношений. Помимо этого, потребность в ограничении непосредственности объективно возникает в связи с возможными ситуациями злоупотребления своим субъективным правом (со стороны частных лиц) или дискреционными полномочиями (со стороны прокурора, а также суда) при принятии решения о форме исследования доказательств. Как отмечал К.И.А. Миттермайер, «законодатель, боясь злоупотреблений, отступает от konsekventного проведения основного начала и, посредством различных изъятий, ослабляет раз принятый принцип» [9. Т. XXI. С. 17].

На основе анализа положений УУС 1864 г., практики его применения и юридической доктрины попробуем проследить, как в дореволюционный период отечественного уголовного процесса предлагалось искать баланс между частными и публичными интересами, которые могли быть затронуты при ограничении непосредственности, и какие гарантии ее реализации при этом предусматривались.

1. Пределы ограничения непосредственности и гарантии ее реализации при исследовании показаний свидетеля и потерпевшего. Условно можно выделить три ситуации, при которых непосредственность исследования показаний свидетеля (потерпевшего) могла быть ограничена: при невозможности обеспечения явки в судебное заседание; при наличии существенных противоречий в показаниях или невозможности получения показаний в судебном заседании; с согласия сторон. Рассмотрим данные основания подробнее.

1.1. Ограничение непосредственности при невозможности обеспечения явки свидетеля, потерпевшего в судебное заседание. В соответствии со ст. 626 УУС, «не воспрещается прочтение в судебном заседании письменных показаний свидетелей, не явившихся в суд за смертью, болезнью, совершенной дряхлостью или дальней отлучкой» [10]. Указанные основания распространялись на возможность оглашения показаний и потерпевшего. Поскольку принятие решения об оглашении показаний по данному основанию не требовало согласия сторон и было возможно, в том числе, когда обвиняемый желал воспользоваться правом на допрос свидетеля, положения о возможности оглашения показаний только в ограниченных случаях (при наличии «законных причин») являлись важнейшей гарантией непосредственности.

Кроме того, часть оснований для оглашения показаний неявившегося свидетеля была связана с объективной невозможностью его допроса в судебном заседании. Так, по мнению С.И. Викторского, «в случаях, когда источник доказательства ко дню заседания исчезает (например, умирает свидетель), а без соответствующего доказательства судебное расследование будет не полно, предпочтительнее ознакомиться с ним из описания, чем совсем его проигнорировать» [1. С. 34].

Можно предположить, что «совершенная дряхлость» как основание оглашения показаний должна была тоже толковаться как объективная невозможность свидетеля в силу возраста явиться в суд. Вместе с тем на

практике встречались судебные решения, когда указанное основание понималось несколько шире. Так, при рассмотрении 26 апреля 1867 г. дела в отношении Ч. суд огласил показания свидетеля Б., который даже не вызывался в суд по причине «дряхлости». С учетом общего правила о недопустимости прочтения показаний невызывавшихся свидетелей¹ в газете «Судебный вестник» г. Н.Ст. указал: «Следовало вызвать свидетеля Б. в суд на основании общих правил, и если бы он по дряхлости не явился, требование о прочтении его письменных показаний нашло бы себе полное оправдание» [6. С. 390]. Однако Н.Л., не считая, что суд в указанном решении отклонился от основных начал судопроизводства, в другом номере этой же газеты отметил: «Поскольку причины, дающие право прочитывать показания неявившегося свидетеля, могут быть заранее известны прокурору, бесполезно вносить в список свидетелей лиц, явка которых до очевидности представляется невозможной или затруднительной» [6. С. 450]. Гарантии реализации непосредственности в данном случае Н.Л. видел в следующем: во-первых, оглашенные показания свидетеля составляли косвенную улику, и, во-вторых, они были известны Ч. на предварительном следствии, в связи с чем он мог опровергнуть данные показания. Правительствующий Сенат занял позицию, аналогичную позиции Н.Л., и счел возможным прочтение показаний свидетеля Б. по данному уголовному делу [6. С. 546].

Толкование положений ст. 626 и ст. 388 УУС в их взаимосвязи давало основания полагать, что с учетом интереса в осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок оглашать показания свидетеля было возможно, если его явке в судебное заседание мешают особые препятствия и нельзя ожидать его появления в ближайшее время. При таком понимании болезнь, дающая право на оглашение показаний, должна была лишать лицо возможности отлучиться из дома, а дальняя отлучка – состоять в нахождении в отдаленности, при которой без особенного затруднения в суд явиться невозможно. Вместе с тем постепенно Правительствующий Сенат расширил и это основание оглашения показаний за счет «нерозыскания» свидетеля, а в качестве гарантии непосредственности выработал требование приятия всех возможных мер к розысканию². Причины такого расширительного толкования заключались в противоречиях между ограничительным перечислением изъятий из общего правила об изустном производстве по делу и практическими условиями отправления правосудия: «из-за громадности расстояний, дурных путей сообщения и экономических условий сельского населения, породивших стремление к переселениям и к уходу на заработки, неявка на суд свидетелей превратилась в заурыдное явление» [11. С. 158].

Другим условием оглашения показаний свидетеля (потерпевшего) являлась существенность их показаний. Так, согласно решению Правительствующего Сената от 27 марта 1869 г. № 324, «показание, признанное несущественным, не могло быть прочитано, в том числе, если свидетель не явился по законным основаниям» [12. С. 478]. Это означает, что ограничение непосредственности было возможно лишь при угрозе нарушения иного интереса (в данном случае публичного интереса, обусловленного необходимостью исследования существенных показаний в целях установления истины по делу). И наоборот, один лишь факт признания судом показаний не явившегося по законной причине свидетеля существенными не налагал на суд непременной обязанности огласить показания, если об этом не просили стороны или суд сам не считал это необходимым³. Иными словами, оглашение показаний было возможно, лишь когда имелась необходимость предпочесть непосредственности иной подлежащий защите интерес. Кроме того, судебная практика дает основания полагать, что результаты сопоставления ценностей уголовного процесса при принятии решения о непризнании показаний существенными должны были найти отражение в мотивированном судебном решении⁴.

Как видно из приведенного анализа, оглашение показаний «отсутствующего» свидетеля (потерпевшего) было возможно при одновременном соблюдении двух условий: наличие «законной причины» неявки и признание судом показаний существенными. Иные комбинации указанных условий влекли за собой другие правовые последствия. Так, Правительствующий Сенат ориентировал суды обсуждать вопрос о существенности показаний, когда стороны просили отложить заседание для обеспечения явки свидетеля⁵. Если свидетель не явился в суд по причинам, законом прямо не предусмотренным, но суд признал его показания существенными, они в интересах непосредственности не прочитывались, но судебное заседание в интересах установления истины по делу подлежало отложению. При признании судом показаний несущественными они в целях реализации непосредственности также не прочитывались, но и заседание отложению не подлежало (вероятно, ввиду бесполезности для установления истины по делу и в интересах разумного срока уголовного судопроизводства).

Таким образом, предел ограничения непосредственности при неявке свидетеля (потерпевшего) в судебное заседание предлагалось находить следующим образом.

Во-первых, решение об оглашении показаний в данном случае могло быть принято только в результате сопоставления интереса в беспрепятственной реализации непосредственности с иными ценностями уголовного процесса.

¹ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 07 августа 1870 года № 634 «По делу Подпоручика Фролова».

² Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 06 февраля 1870 года № 111 «По делу мещанина Павла Шатихина».

³ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 09 апреля 1869 года № 351 «По делу крестьянина Лютикова».

⁴ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 15 февраля 1874 года № 97 «По делу мещан Морткина, Егорова и др.».

⁵ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 01 ноября 1867 года № 605 «По делу мещанина Русакова и крестьянина Марьева».

Во-вторых, в результате сопоставления указанных ценностей суд должен был прийти к выводу о необходимости оказания иному подлежащему защите интересу в конкретной ситуации предпочтения перед непосредственностью.

В-третьих, результат сопоставления ценностей уголовного процесса должен был найти отражение в мотивированном судебном решении.

Дореволюционным законодательством и практикой его применения также предусматривались гарантии реализации непосредственности: как судебные (обязательность вызова свидетеля в суд, возможность оглашения его показаний при «законности» причин неявки, необходимость осуществления всех разумных мер для розыска свидетеля и т.д.), так и досудебные. В качестве последних особое значение имело право обвиняемого оспорить полученные по уголовному делу показания. Так, в соответствии со ст. 448 УУС, «допрос, снятый со свидетеля в отсутствие обвиняемого, прочитывался ему, и обвиняемый имел право опровергать сделанные против него показания и просить следователя о предложении свидетелю новых вопросов» [10]. Указанное положение, являвшееся условием использования показаний без непосредственного исследования в судебном заседании, представляло важнейшую гарантию реализации непосредственности и права обвиняемого на защиту.

1.2. Ограничение непосредственности при наличии существенных противоречий в показаниях свидетеля, потерпевшего или невозможности получения их показаний в судебном заседании. Согласно ст. 627 УУС, «не возбраняется прочитывать прежние показания явившегося свидетеля по отобранию от него новых, если изустные его показания не согласны с письменными, данными на предварительном следствии» [10]. По мнению С.И. Викторского, «положения о возможности прочитывать прежние показания явившегося свидетеля не уничтожают непосредственности и устности, а способствуют лишь уяснению уголовно-судебной истины» [1. С. 38]. И.Я. Фойницкий считал оглашение таких показаний «отступлением от начала непосредственности, однако менее глубоким по сравнению со ст. 626 УУС» [13. Т. 2. С. 301]. К.И.А. Миттермайер же, напротив, полагал чтение показаний присутствующих в суде свидетелей по указанному основанию весьма опасным, так как такие показания даются в отсутствие судьи [9. Т. XXI. С. 21]. Попробуем разобраться, в каких случаях оглашение показаний, данных на предварительном следствии, при существенном им противоречии показаний, данных в судебном заседании, считалось оправданным ограничением непосредственности.

Прежде всего, до окончания допроса свидетеля сторонами оглашать его показания было нельзя: прочтение

показаний ввиду наличия в них противоречий было возможно лишь в крайних случаях, когда «разноречие не разъяснилось ни изустным показанием свидетеля, ни его ответами на вопросы»¹. Кроме того, прочтение письменных показаний явившегося в суд свидетеля «могло быть разрешено судом только тогда, когда несогласие изустных и письменных показаний подавало повод к сомнению, в каком из них надлежит признать истинное изложение известных лицу обстоятельств дела»². Таким образом, использование дополнительного источника считалось оправданным, если первоисточник не был полным и точным или если у суда возникали сомнения в его достоверности.

При этом гарантия непосредственности заключалась в отнесении вопроса о противоречиях, требующих оглашения показаний, к компетенции суда [14. С. 192]. Дореволюционная судебная практика не предоставляла сторонам право требовать прочтения показаний свидетеля в том случае, когда суд не усматривал разноречия в показаниях³. Таким образом, суд был наделен правом по своей инициативе определять, порождают ли противоречия в показаниях сомнения, требующие для установления истины оглашения показаний, данных в ходе предварительного расследования. Более того, в целях установления истины прочтение письменного показания свидетеля могло быть допущено по усмотрению суда безотносительно от ходатайства сторон⁴.

Определенные гарантии были выработаны и для предотвращения злоупотребления судом своим правом на оглашение показаний явившегося свидетеля. Так, было сформулировано понятие «разногласия» как «изложение одних и тех же обстоятельств не в одинаковом виде и значении» (показания свидетеля в суде о фактах, о которых его не допрашивали на предварительном следствии, разногласием не признавались)⁵. При наличии разногласий в показаниях свидетеля суду надлежало оглашать их лишь в части, «не согласной с изустным показанием». Кроме того, как справедливо отмечал Л.Е. Владимиров, «причина противоречий в показаниях главным образом заключается в односторонности и часто тенденциозности допросов, против чего есть только одно действительное средство – право перекрестного допроса свидетелей» [5. С. 370]. Эта досудебная гарантия, как отмечалось ранее, была предусмотрена ст. 448 УУС.

Судебной практикой были выработаны и иные основания оглашения показаний явившихся свидетелей. Например, могли быть оглашены показания свидетелей, которые хотя и явились в суд, но отказались дать показания, в том числе «по причине забывания», свидетелей, которые «вследствие болезни не могли давать показания ни изустно, ни письменно»⁶.

¹ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 26 января 1868 года № 49 «По делу отставного титулярного Советника Билбасова».

² Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 11 декабря 1870 года № 1505 «По делу казака Степана Кобзара и крестьянина Егора Павленко».

³ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 22 марта 1868 года № 191 «По делу крестьянина Румянцова и ямщика Рязанова».

⁴ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 04 декабря 1868 года № 806 «По делу крестьянина Степанова».

⁵ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 06 марта 1875 года № 163 «По делу купеческих сыновей Голацких».

⁶ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 04 октября 1869 года № 796 «По делу отставного Губ.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности оглашения показаний свидетеля, состоящего с обвиняемым в близких отношениях. Согласно практике Правительствующего Сената, в случае, если свидетель, находящийся с подсудимым в родстве, несмотря на разъяснение права отказаться от дачи показаний, дал показания на предварительном следствии и в суде, при наличии между такими показаниями противоречий они могли быть оглашены. Подлежали оглашению показания свидетеля, состоящего с подсудимым в родстве, и в том случае, когда свидетель, не заявив положительно о желании воспользоваться правом не давать показания, уклонялся от дачи показаний. Иные правовые последствия наступали только в том случае, если лицо не дало показания в связи с тем, что «пожелало устранить себя от свидетельствования на суде по праву, предоставленному ст. 705 УУС»¹. В последнем случае, ввиду сознательного устранения лица от свидетельствования против родственника, суд отказывал в прочтении показаний.

Таким образом, предел ограничения непосредственности при наличии противоречий в показаниях свидетеля (потерпевшего) и при невозможности получения его показаний в суде предлагалось находить следующим образом. Во-первых, использование досудебных показаний по данному основанию было возможно только после допроса свидетеля в суде (либо убеждения в невозможности получения показаний явившегося свидетеля) и только в том случае, если имелись сомнения в точности, полноте и достоверности судебных показаний. Во-вторых, оглашение показаний было возможно только тогда, когда суд пришел к необходимости оказания предпочтения интересу в установлении истины по делу перед беспрепятственной реализацией непосредственности. В-третьих, судом должна была быть признана невозможность достижения истины посредством исследования показаний, данных в суде. Баланс между непосредственностью и интересом, направленным на защиту семейных отношений, выстраивался иначе. В случае, если свидетель недвусмысленно воспользовался принадлежащим ему правом отказаться от дачи показаний против близких лиц, интерес, направленный на защиту семейных отношений, фактически совпадал с интересом в беспрепятственной реализации непосредственности, которая в данном случае ограничена быть не могла. Если же таким правом свидетель не воспользовался, уклонился от дачи показаний или наоборот дал показания, противоречащие ранее данным, в целях установления истины ограничение непосредственности считалось обоснованным.

Секр. Николая Горского»; Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 09 июля 1873 года № 607 «По делу крестьян Казуркина, Калиничева, Яшенкина, Мешковых, Чурова и мещанина Матвеева».

¹ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 24 ноября 1872 года № 1487 «По делу рядового Клячкина»; Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 18 мая 1873 года № 562 «По делу крестьян Вербенковых, Крикуновых и других»; Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 12 июня 1870 года № 448 «По делу жены отставного рядового Марьи Коняхиной».

1.3. Ограничение непосредственности с согласия сторон. Несмотря на отсутствие прямого указания в законе, дореволюционная судебная практика позволяет выделить еще одно основание для оглашения показаний свидетеля и потерпевшего – с согласия сторон. Такой вывод следует из ряда решений Правительствующего Сената, не признававшего право стороны ссылаться в кассационной жалобе на незаконность оглашения показаний свидетеля (потерпевшего), если эта сторона изъявила согласие на прочтение актов предварительного следствия².

2. Пределы ограничения непосредственности и гарантии ее реализации при исследовании показаний подсудимого. По замыслу авторов УУС «показания обвиняемого не должны иметь значение уголовного доказательства по делу и могут представляться лишь «как средство в руках обвиняемого к самозащите» [3. С. 58]. В связи с этим наличие допроса, а также его процедура в дореволюционной России зависели от того, признавал подсудимый себя виновным или нет.

Так, признающему свою вину подсудимому предлагались вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется (ст. 680 УУС); при этом если признание подсудимого не возбуждало сомнения, суд, не производя дальнейшего исследования, мог перейти к прениям (ст. 681 УУС). В то же время, несмотря на сделанное подсудимым признание, суд, присяжные, прокурор и участвующие в деле лица могли потребовать судебного исследования, и в таком случае суд приступал к рассмотрению и проверке доказательств (ст. 682 УУС).

Как видно из приведенных положений закона, признание подсудимым своей вины автоматически не устраняло непосредственное исследование доказательств. УУС исходил из необходимости непосредственного исследования как минимум показаний подсудимого для проверки сделанного им признания (для предотвращения самооговора и установления истины по делу). Гарантией же такого допроса являлось его проведение лишь лицом, представляющим по своему положению беспристрастие, – председательствующим [14. С. 218].

Помимо показаний подсудимого, при признании последним своей вины непосредственно могли быть исследованы и иные доказательства по делу. Так, суд по собственной инициативе или по ходатайству присяжных, прокурора, участвующих в деле лиц был наделен правом непосредственного исследования доказательств, вызывающих сомнения и требующих уточнения. Кроме того, самому сознавшемуся подсудимому

² Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 04 декабря 1868 года № 859 «По делу мещанина Григорьева и Коллежского Секретаря Батракова»; Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 15 февраля 1894 года № 4 «По делу кандидата прав Александра Салтыкова»; Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 29 мая 1874 года № 360 «По делу купеческого племянника Красикова и фельдшера Караулова».

необходимо было задать вопрос, считает ли он необходимым производство судебного следствия [12. С. 525]. Как видно, интерес в установлении истины превалировал над интересом, направленным на ускорение и удешевление уголовного судопроизводства, что зачастую вело к непосредственному исследованию доказательств по делу.

Теперь рассмотрим правовые последствия, наступавшие при непризнании подсудимым своей вины. Допрашивать подсудимого непосредственно после отрицания им своей вины в соответствии с дореволюционным законодательством было нельзя. Положения ст. 683 УУС лишь закрепляли обязанность суда при рассмотрении каждого доказательства спросить подсудимого, не признающего в преступлении, не желает ли он в оправдание свое представить какие-либо объяснения или опровержения [10]. В случаях, когда суд вместо предложения подсудимому представить опровержение доказательства предлагал ему вопросы, клонящие к изобличению, судебная практика признавала нарушение прав подсудимого. Так, решением Правительствующего Сената от 16 мая 1873 г. были признаны противоречащими ст. 683 УУС вопросы председательствующего, направленные на выявление сущности письменных показаний подсудимого: «на предварительном следствии Вы показали, что не видели в селе Д., что Вы теперь скажете?»; «на предварительном следствии Вы показали, что опечатали бюро и двери спальни, а впоследствии, что опечатали все хранилища, как Вы объясните это разноречие?» [14. С. 219–220].

Предложить подсудимому вопросы председательствующий и с его разрешения члены суда непосредственно, а присяжные – через председательствующего в соответствии со ст. 684 УУС могли лишь по обстоятельствам дела, представившимся им недостаточно разъясненными¹. Из буквального смысла указанной статьи следует, что допрос подсудимого сторонами предусмотрен не был. Применительно к представителю обвинительной власти это объяснялось несправедливостью предоставления прокурору действий, посягающих на равноправие сторон: «такой характер имел бы допрос подсудимого прокурором, при котором первый должен был бы отвечать прокурору, не имея права в свою очередь предлагать ему вопросы» [6. С. 479].

Изначально УУС не признавал возможным оглашать письменные показания подсудимого: «невозможно допустить обличение подсудимого посредством прочтения данного им при предварительном следствии показания, в котором он сознавался в своей вине или показывал несогласно с объяснениями на суде, так как эта мера вынуждала бы от подсудимого признания, которого суд не должен домогаться подобными средствами» [14. С. 194]. Правительствующий Сенат также вынужден был в целом ряде решений охранять право подсудимого находиться вне риска оглашения его показаний [11. С. 158–159].

Вместе с тем к началу XX в. запрет по общему правилу на оглашение показаний обвиняемого, признававшего свою вину на предварительном следствии и отрицавшего ее в суде, подвергся существенной критике. Как отмечалось в юридической литературе, «поскольку обратно взятое признание не могло быть опровергаемо ни ссылкой на первоначальные показания обвиняемого, ни изобличением противоречий, у присяжных отнималась возможность проверить все показания подсудимого» [11. С. 162]. По мнению дореволюционных исследователей, запрет оглашения показаний обвиняемого вредил не только интересам правосудия, но и самому подсудимому, поскольку при сознании последний мог бы рассчитывать на снисхождение присяжных и суда [11. С. 162]. Недоумение вызывала и возможность допрашивать свидетелей (полицейских, чиновников) о показаниях подсудимого, данных им на дознании (хотя бы в них и заключалось признание), при запрете оглашать показания, данные перед судебным органом [11. С. 172]. Правда, с учетом судебной природы предварительного следствия акты, составленные судебным следователем, вызывали большее доверие общества, в результате чего в 1908 г. Сенатом был разрешен допрос судебных следователей о сознании обвиняемого.

Представляется, сами по себе положения УУС, обязывающие председательствующего выяснять у подсудимого при рассмотрении каждого доказательства, «не желает ли он в свое оправдание представить какие-либо объяснения или опровержения» (ст. 683 УУС), как и закрепляющие право предлагать подсудимому вопросы по всем обстоятельствам дела, «представляющимся недостаточно разъясненными» (ст. 684 УУС), демонстрировали невозможность последовательного выдерживания запрета допрашивать несознающего подсудимого. Тем более, что эффективность гарантии, которой был обставлен фактический допрос подсудимого в данном случае, в виде напоминания ему права не отвечать на предложенные вопросы, представлялась весьма спорной (очевидно, использование этого права подрывало доверие присяжных).

В результате к 1911 г. практика Правительствующего Сената разрешила оглашать показания обвиняемого, данные им на предварительном следствии [3. С. 58]. С изменением судебной практики на противоположную той, что существовала с момента утверждения Устава, гарантии непосредственности виделись в обязанности суда оценить внешние и внутренние условия (содержание) первого сознания обвиняемого и проверить содержание новых показаний, отрицающих первое; в праве подсудимого оспаривать и опроверживать правдивость признания, «доказывая всеми допустимыми способами незаконность приемов для добытия сознания, несоответствие признания обстоятельствам дела и другим показаниям, добытым на предварительном или судебном следствии» [11. С. 167, 176].

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы. При признании подсудимым своей вины ускорение уголовного судопроизводства (с одновременным

¹ Указанные положения относились к подсудимым, как признающим, так и не признающим свою вину.

ограничением непосредственности) было возможно только после убеждения суда в отсутствии самооговора в ходе обстоятельного допроса подсудимого беспристрастным судом. Гарантией реализации непосредственности и одновременно установления истины по делу при признании подсудимым своей вины являлась возможность непосредственного исследования и иных, помимо показаний подсудимого, доказательств по делу, вызывающих у суда или иных участников процесса сомнения и требующих уточнения. При непризнании же подсудимым своей вины судебная практика дореволюционной России прошла длительный путь от полного запрета оглашения досудебных показаний обвиняемого до разрешения такового, с предоставлением возможности подсудимому оспорить правдивость данного им ранее признания, а суду – дать оценку первоначальному признанию подсудимого и его показаниям, отрицавшим признание.

3. Пределы ограничения непосредственности и гарантии ее реализации при исследовании вещественных доказательств. Одним из следствий начала непосредственности в дореволюционной России являлось предъявление для личного осмотра вещественных доказательств. Так, в соответствии со ст. 696 УУС, «вещественные доказательства должны быть внесены в заседание суда и положены перед судьями, если не встретится к тому препятствий в объеме или качестве вещей» [10]. После осмотра судьями и присяжными вещественные доказательства должны были быть предъявлены подсудимому и потерпевшему (ст. 697 УУС), кроме того, вещественные доказательства, относящиеся к предмету показаний, подлежали предъявлению каждому свидетелю по делу (ст. 725 УУС). Предел непосредственного восприятия участниками процесса вещественных доказательств, на наш взгляд, достаточно точно сформулирован в дореволюционной литературе: «письменный или устный отчет о вещественных доказательствах иных лиц мог быть допущен только в случае физической невозможности их личного осмотра» [4. Т. 1. С. 36].

Дореволюционная судебная практика тоже придавала большое значение непосредственности исследования вещественных доказательств. Так, по делу А., обвиняемого в совершении кражи со взломом, защитник просил предъявить присяжным и свидетелям железный лом, однако окружной суд ему в этом отказал. Проверая законность и обоснованность приговора, Правительствующий Сенат признал отказ суда в непосредственном исследовании вещественного доказательства существенным отступлением от порядка судопроизводства¹. Вместе с тем неисследование в судебном заседании предметов могло быть поставлено в вину суду только при признании их в ходе предварительного следствия вещественными доказательствами. Так, в решении № 1910 от 1871 г. Правительствующий Сенат не посчи-

тал нарушением неудовлетворение требования подсудимых о предоставлении вещественных доказательств, так как «последние не были приложены к делу» [14. С. 230]. Высший судебный орган исходил из того, что если обвиняемый считает, что какая-то изъятая у него вещь может служить вещественным доказательством, он должен просить следователя о приобщении к делу вещественного доказательства, а при отказе следователя – принести жалобу в окружной суд, чего по данному делу сделано не было.

4. Пределы ограничения непосредственности и гарантии ее реализации при исследовании заключения и показаний эксперта («сведущего лица»). Применительно к заключению и показаниям эксперта условие непосредственности может быть реализовано со значительной долей условности, поскольку суд при допросе эксперта или при оглашении его заключения не исследует первоначальный источник сведений. В то же время в большей степени непосредственность исследования судом доказательств присуща заслушиванию показаний эксперта, а не прочитыванию его заключения. Последовательно выдерживая принцип непосредственности, дореволюционный законодатель отдавал приоритет допросу «сведущих лиц»² перед оглашением их заключений. Такой подход приближал суд и иных участников процесса к носителю первичной информации («сведущему лицу»), пусть и не относящейся к событию преступления в целом, но содержащей сведения о промежуточных обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Так, в соответствии со ст. 690 УУС, «для объяснения испытания, произведенного “сведущими людьми”, суд мог вызвать в судебное заседание такое лицо и потребовать от него отчета в его действиях» [10]. Возможность суда по собственной инициативе принять решение о допросе «сведущих лиц» являлась важной гарантией реализации непосредственности и установления истины по делу. Сторонам же допрос «сведущих лиц» позволял реализовать право оспорить полученное на досудебной стадии заключение эксперта. Безусловно, заключение эксперта могло быть оглашено, однако удовлетворение просьбы стороны о таком оглашении обязательным для суда не являлось, тем более при нахождении в суде экспертов, которыми была произведена экспертиза³.

При неявке «сведущего лица» суд мог ограничиться прочтением составленного на предварительном следствии заключения (ст. 687 УУС). Такое оглашение было возможно по просьбе сторон или когда судьи, присяжные признают это необходимым. Принимая решение об оглашении заключения эксперта, суд исходил из необходимости установления истины по делу, по которому, в силу неявки «сведущего лица», установить обстоятельства, требующие специальных познаний, без нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства невозможно.

¹ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 21 июня 1867 года № 260 «По делу крестьянина Антонова».

² УУС не содержал термина «эксперт», вместо него использовалось понятие «сведущие люди».

³ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 27 апреля 1877 года № 95 «По делу о злоупотреблениях в бывшем Московском коммерческом ссудном банке».

В соответствии со ст. 691 УУС, «сведущие люди», производившие судебно-химические или микроскопические исследования не в месте судебного следствия, не подлежали вызову в заседание суда для объяснений и заменялись местными врачами и фармацевтами» [10]. Данное положение было обусловлено, с одной стороны, представлением о нежелательности постоянного отвлечения специалистов от работы, с другой – пониманием важности непосредственного допроса при одновременном осознании заменяемости «сведущих людей». Таким образом, в механизме непосредственности находили отражение публичные интересы правосудия, состоящие в наиболее полном и точном установлении обстоятельств произошедшего, частные интересы «сведущих лиц», освобождавшихся от явки в суд ввиду дальности расстояния, частные интересы обвиняемого, получавшего возможность оспорить используемое против него доказательство.

Кроме того, положения ст. 692 УУС предоставляли суду возможность как по ходатайству сторон, присяжных, так и по собственной инициативе назначить новое исследование через избранных им или указанных сторонами «сведущих людей», что являлось важнейшей гарантией непосредственности.

5. Пределы ограничения непосредственности и гарантии ее реализации при исследовании протоколов следственных действий и иных документов. В соответствии со ст. 687 УУС, «в судебном заседании по ходатайству сторон или по инициативе суда, присяжных заседателей могли быть прочитаны протоколы об осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках» [10]. По указанным правилам подлежали оглашению и иные документы¹, если они были приобщены к материалам дела в качестве письменных доказательств, указаны в обвинительном акте, а их содержание не могло стать известным суду через свидетельские показания².

Вместе с тем под перечисленными в ст. 687 УУС документами закон понимал лишь акты, составленные на следствии, а не изъятые у подсудимого или иных лиц вещественные доказательства. Материалы, заключающие в себе сознание подсудимого в преступлении, также на основании ст. 687 УУС оглашены быть не могли.

При исследовании протоколов следственных действий начало непосредственности реализуется в формальном понимании, поскольку судом непосредственно воспринимается зафиксированный в документальной форме результат деятельности органов следствия в досудебном производстве, а не сама реальность. Для гарантирования реализации непосредственности само по себе нахождение документа в деле, даже при невозможности замены его содержания свидетельскими показаниями, не вело к безусловному его прочтению. Так, суд мог отказать в прочтении следственного документа, не имеющего отношения к делу, однако должен был подробно изложить мотивы такого решения³. Отсутствие возражений противной стороны против прочтения актов предварительного следствия также не вело к безусловному оглашению.

Кроме того, при признании по ходатайству сторон, присяжных или по собственной инициативе протокола осмотра «не имеющим достоверности или надлежащей полноты» суд мог поручить одному из своих членов или судебному следователю произвести новый осмотр (ст. 688 УУС). В чрезвычайных же случаях «для ближайшего удостоверения в событии важного преступления» суд мог в полном составе выехать на место преступления и открыть там судебное заседание (ст. 689 УУС). Возможность осуществления следственного действия самим судьей, как представляется, также являлось важной гарантией непосредственности и установления истины по уголовному делу.

Список источников

1. Викторский С.И. Русский уголовный процесс : учеб пособие. М. : Городец, 1997. 447 с.
2. Беликов Ст. Об уголовных доказательствах вообще // Журнал Министерства юстиции : [ежемесячное приложение к «Судебному вестнику»] / под ред. А. Чебышева-Дмитриева. СПб. : Министерство юстиции Российской империи, 1865. Т. XXIII. С. 486.
3. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: Судостроительство – судопроизводство. 4-е изд., перераб. и доп. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. XIV. 670 с.
4. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. Т. 1. Киев : Товарищество печатного дела и торговли И.Н. Кушнерев и К°, 1889. X. 318 с.
5. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. 462 с.
6. Судебный вестник : газета Министерства юстиции. СПб. : [б. и.], 1866–1877.
7. Щегловитов И.Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства (Вступительная лекция, читанная в Императорском Училище правоведения 10 сентября 1903 года) // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 9 (Ноябрь). С. 95–153.
8. Миттермайер К.И.А. Участие полиции в предварительном следствии // Журнал Министерства юстиции : [ежемесячное приложение к «Судебному вестнику»] / под ред. А. Чебышева-Дмитриева. СПб. : Министерство юстиции Российской империи, 1865. Т. XXIII.
9. Миттермайер К.И.А. Новый проект русского уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции : [ежемесячное приложение к «Судебному вестнику»] / под ред. А. Чебышева-Дмитриева. СПб. : Министерство юстиции Российской империи, 1864. Т. XXI.
10. Устав уголовного судопроизводства // Конституция РФ [Б.м.], 2003–2024. URL : <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 23.05.2024).
11. Давневский В.П. О прочтении на судебном следствии показаний подсудимого, свидетелей и справок о судимости // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 7.

¹ В порядке ст. 687 УУС могли оглашаться, например, заключение эксперта, акты полицейского дознания, в которых изложены обстоятельства, сопровождавшие обнаружение преступления, и т.д.

² Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 18 мая 1882 года № 20 «По делу Мордко и Хаима Левинных».

³ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 23 октября 1878 года № 47 «По делу крестьянина Матвея Ховалкина».

12. Шрамченко М.П. Устав уголовного судопроизводства: С позднейшими узаконениями, законодат. мотивами, разъясн. Правительствующего сената и циркуляра М-ва юст. / сост. за обер-прокурор. столом и.о. обер-секр. угол. кассац. деп. Прав. Сената М. Шрамченко и юрисконсульт-ом М-ва юст. В. Ширковым. 4-е изд., пересм. и доп. (свод зак. т. 16, ч. 1, изд. 1892 г. и по прод. 1906 г.) СПб. : Н.К. Мартынов, 1909. LXXII, 1192 с.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд., пересм. и доп. СПб. : Сенатская типография, 1910. Т. 2. 572 с.
14. Анисимова И.П. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с разъяснениями их по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. 9-е доп. изд. СПб. : Тип. Ретгера и Шнейдера, 1874.

References

1. Viktorov, S.I. (1997) *Russky ugolovny protsess* [Russian Criminal Procedure]. Moscow: Gorodets.
2. Belikov, St. (1865) Ob ugolovnykh dokazatel'stvakh vobshche [On Criminal Evidence in General]. In: Chebyshev-Dmitriev, A. (ed.) *Zhurnal Ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice]. Vol. XXIII. Saint Petersburg: Ministry of Justice of the Russian Empire. p. 486.
3. Sluchevsky, V.K. (1913) *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa: Sudoustroystvo – sudoproizvodstvo* [Textbook of Russian Criminal Procedure: Judicial System – Legal Proceedings]. 4th ed. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
4. Talberg, D.G. (1889) *Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Russian Criminal Proceedings]. Vol. 1. Kyiv: Tovarishestvo pechatnogo dela i tovgovli I.N. Kushnerev i K°.
5. Vladimirov, L.E. (2000) *Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh* [The Doctrine of Criminal Evidence]. Tula: Avtograf.
6. *Sudebny vestnik* [Judicial Bulletin]. (1866–1877) Saint Petersburg.
7. Shcheglovitov, I.G. (1903) Osnovnye nachala sovremennogo ugolovnogo sudoproizvodstva [Basic Principles of Modern Criminal Proceedings]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 9 (November). pp. 95–153.
8. Mittermaier, K.I.A. (1865) Uchastie politsii v predvaritel'nom sledstvii [Police Participation in Preliminary Investigation]. In: Chebyshev-Dmitriev, A. (ed.) *Zhurnal Ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice]. Vol. XXIII. Saint Petersburg: Ministry of Justice of the Russian Empire. p. 513.
9. Mittermaier, K.I.A. (1864) Novy proekt russkogo ugolovnogo sudoproizvodstva [New Draft of Russian Criminal Proceedings]. In: Chebyshev-Dmitriev, A. (ed.) *Zhurnal Ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice]. Vol. XXI. Saint Petersburg: Ministry of Justice of the Russian Empire. p. 17.
10. Garant.ru. (2024) *Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva* [Statute of Criminal Proceedings]. (2003–2024) [Online] Available from: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (Accessed: 23.05.2024).
11. Danevsky, V.P. (1897) O prochtenii na sudebnom sledstvii pokazany podsudimogo, svideteley i spravok o sudimosti [On Reading the Testimonies of the Accused, Witnesses and Criminal Records During Judicial Investigation]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 7. p. 158.
12. Shramchenko, M.P. (1909) *Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva* [Statute of Criminal Proceedings]. 4th ed. Saint Petersburg: N.K. Martynov.
13. Foinitsky, I.Ya. (1910) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Course of Criminal Proceedings]. Vol. 2. 3rd ed. Saint Petersburg: Senatskaya Tipografiya.
14. Anisimova, I.P. (1874) *Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s raz'yasneniyami ikh po resheniyam kassatsionnykh departamentov Pravitel'stvyuyushchego Senata* [Judicial Statutes of November 20, 1864, with Explanations According to Decisions of the Cassation Departments of the Governing Senate]. 9th ed. Saint Petersburg: Tip. Retgera i Shneidera.

Информация об авторе:

Грищенко А.В. – помощник судьи Томского областного суда (Томск, Россия). E-mail: alyona180497@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Grishchenko, judge assistant, Tomsk Regional Court (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alyona180497@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025;
одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 04.03.2025;
approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.

Научная статья
УДК 343.131

doi: 10.17223/23088451/25/9

СВОЙСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОГО АКТА

Даниил Андреевич Жилинский¹

¹ *Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия, da.zhilinsky@mail.ru*

Аннотация. Вопрос разграничения процессуальных решений и процессуальных актов продолжительное время является актуальным для понимания сущности отдельных уголовно-процессуальных институтов. Вместе с тем у этих двух понятий есть и точки пересечения: процессуальное решение обладает признаками, которые позволяют в уголовно-процессуальном смысле рассматривать процессуальное решение в качестве процессуального акта.

Ключевые слова: процессуальное решение, процессуальный акт, признаки процессуальных решений

Для цитирования: Жилинский Д.А. Свойства процессуального решения в уголовном судопроизводстве как процессуального акта // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 53–56. doi: 10.17223/23088451/25/9

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/9

THE PROPERTIES OF A PROCEDURAL DECISION IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS A PROCESSING ACT

Daniil A. Zhilinsky¹

¹ *Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation, da.zhilinsky@mail.ru*

Abstract. Every concept in legal science possesses a set of defining properties or characteristics. A procedural decision can be examined in the criminal procedural sense as a processing act, as evidenced by certain inherent attributes, which demonstrate the relationship of the examined concept across different dimensions. One particularly relevant dimension emerges when examining attributes that confirm procedural decisions as processing acts in criminal procedure. These defining attributes include the procedural form of the decision, which may constitute either an independent processing act issued to resolve a specific matter, or a component of a processing act reflecting a particular criminal procedural action during which the relevant decision was made. Legally mandated requirements concerning the substantive content of procedural decisions as well as the prescribed procedure for their issuance are intrinsically uphold the fundamental principle of legality: any procedural decision must be rendered in accordance with established legal procedures and grounded in applicable legal norms. The binding authority of such decisions mandates strict adherence when properly rendered. Moreover, the exclusive authority to render procedural decisions by state bodies and officials competent to conduct criminal proceedings within their statutory jurisdiction constitutes a fundamental guarantee of such decisions' legality, as the range of authorized decision-makers is expressly defined by legal norms. Competent bodies and officials shape the substance of procedural decisions through authoritative directives and mandatory responses to juridical questions, thus revealing these decisions' core nature as processing acts. Based on the comprehensive analysis of their inherent properties, we maintain it is entirely justified to conceptualize procedural decisions in criminal procedure precisely as processing acts.

Keywords: procedural decision, processing act, attributes of procedural decisions

For citation: Zhilinsky, D.A. (2025) The properties of a procedural decision in criminal proceedings as a processing act. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 53–56. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/9

При всем многообразии подходов к доктринальному оформлению любого используемого в юридической науке понятия зачастую их определение складывается из выделенных автором признаков, представляющих собой ключевые особенности, позволяющие отличить то или иное явление от смежных или вовсе не имеющих явных точек пересечения. Говоря о понятии процессуального решения, также нельзя игнорировать признаки этого уголовно-процессуального феномена, поскольку именно их выявление позволяет как определить уникальные черты, присущие решениям, так и рассмотреть

их же с позиции соотношения с другими юридическими институтами. В связи с тем, что процессуальное решение является довольно сложным и многогранным понятием, которое может быть рассмотрено в разных плоскостях, полагаем необходимым рассмотреть признаки процессуального решения с точки зрения их проявления в уголовно-процессуальном аспекте, т.е. выявить свойства, присущие процессуальному решению как процессуальному акту, поскольку вопрос разграничения этих двух понятий долгое время был предметом научного интереса ученых-процессуалистов.

Действительно, оба этих понятия имеют тесную связь. В юридической науке процессуальный акт, как правило, понимается в качестве облаченного в установленную законом форму акта правоприменения [1. С. 6–7]. Уголовно-процессуальный закон в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) определяет приговор, постановление, определение и судебные акты в качестве решений, подразумевая при этом, что все они являются процессуальными актами. В конечном итоге вполне можно согласиться с М.И. Бажановым, утверждающим, что именно в процессе последовательного принятия процессуальных актов отражается движение по достижению в рамках уголовного дела объективной истины, поскольку в рамках этого процесса происходит познание и дальнейшее закрепление объективной действительности [2. С. 217], что неразрывно связано с содержательной частью этих процессуальных актов, которую и представляют собой принятые по уголовному делу процессуальные решения.

Применительно к рассмотрению процессуального решения в качестве процессуального акта можно указать на наличие следующих признаков:

1. Процессуальная форма решения. Процессуальное решение обязательно должно быть облачено в соответствующую форму, которая представляет собой либо самостоятельный процессуальный акт, изданный для решения конкретного вопроса, либо часть процессуального акта, отражающего определенное уголовно-процессуальное действие, в ходе которого было принято соответствующее процессуальное решение. Зачастую процессуальное решение представляет собой самостоятельный поименованный в законе акт правоприменения: комплексный анализ ст. 5 УПК РФ позволяет выделить в качестве таковых вердикт, определение, постановление и приговор. В этой же статье в качестве процессуальных решений выделяются судебное решение, а также его разновидности: промежуточное и итоговое.

Вместе с тем не всегда для принятия процессуального решения требуется оформление самостоятельного акта: может быть достаточно лишь части такового. Ярким примером такой ситуации будет отражение процессуального решения в протоколе судебного заседания в случае, если судье для вынесения решения не пришлось удалиться в совещательную комнату при рассмотрении вопроса о приобщении к материалам дела ходатайства одного из участников уголовного процесса. При этом стоит отметить, что в таком случае правовая природа протокола по-прежнему не позволяет рассматривать его в качестве самостоятельного процессуального решения, поскольку в уголовном судопроизводстве основной функцией протокола является лишь фиксация юридически значимой информации [3. С. 112].

2. Регламентированные законом требования к содержанию процессуальных решений, а также определенный законом порядок их вынесения. В целях обеспечения принципа законности, одним из проявлений которого является четкое соблюдение юридических норм и правовых предписаний [4], принятие любого процессу-

ального решения должно иметь под собой установленное законом основание. На момент возникновения реальной жизненной ситуации, требующей правового решения, юридический образ типичной жизненной ситуации без лишней детализации уже определен и закреплён в правовой норме [5. С. 87], поэтому государственному органу или должностному лицу для принятия процессуального решения необходимо правильно сопоставить фактические обстоятельства подлежащего разрешению уголовно-правового спора с законодательно установленной позицией, обуславливающей возможность или невозможность принятия соответствующего процессуального решения. Вместе с тем, например, при рассмотрении вопроса о прекращении уголовного преследования на основании ст. 28 УПК РФ, суд, следователь или дознаватель должен не только проверить формальное соответствие установленных обстоятельств для юридической возможности принятия деятельного раскаяния лица, но и определить, действительно ли прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием будет наилучшим итогом производства по уголовному делу. Если будет установлено и должным образом мотивировано, что лицо не представляет опасности как для фактических потерпевших по уголовному делу, так и для общества в целом, то только в этом случае уголовное преследование будет прекращено.

3. Обязательный характер исполнения. Обязательность нормы права означает неукоснительное соблюдение нормы права всеми участниками общественных отношений [6. С. 51]. В свою очередь, на обязательных для исполнения всеми субъектами нормах права основаны и правоприменительные акты, в качестве которых мы и рассматриваем процессуальные решения.

Согласно части четвертой ст. 21 УПК РФ, требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Применительно к судебным решениям ст. 392 УПК РФ установлено, что вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Согласно части второй этой же статьи, за неисполнение вышеуказанных решений установлена уголовная ответственность, предусмотренная ст. 315 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Эта же позиция закреплена, например, и в ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Таким образом, комплексный анализ содержания ст. 21 и 315 УПК РФ, а также иных актов федерального законодательства позволяет обоснованно говорить о том, что законодатель закрепил юридические предпосылки распространения свойства обязательности не только на

нормативные правовые акты, но и на акты правоприменения, включающие в себя процессуальные решения, принимаемые субъектами уголовного процесса.

4. Вынесение процессуальных решений только уполномоченными осуществлять уголовное судопроизводство в пределах своей компетенции государственными органами и должностными лицами. Процессуальные решения от других управленческих решений отличает в том числе и субъект их принятия, определенный законодателем путем перечисления указанных субъектов уголовного процесса в дефиниции, установленной п. 33 ст. 5 УПК РФ. При этом следует понимать, что все процессуальные решения в соответствии с полномочиями, которыми наделяется государственный орган или должностное лицо, должны быть направлены на защиту прав и законных интересов данных субъектов уголовно-процессуальных отношений [7. С. 62], однако в то же время данными процессуальными решениями права и законные интересы гражданина могут ограничиваться в той мере, в какой это предусмотрено ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

5. В процессуальных решениях выражается властное распоряжение уполномоченных органов и должностных лиц – процессуальные решения выступают одной из форм реализации ими своих полномочий, сопряженных при этом с началом, движением и прекращением уголовно-процессуальных отношений. Властные волеизъявления субъектов принятия процессуальных решений имеют конкретную направленность – принимая процессуальное решение, должностное лицо или орган создают юридический факт, влекущий за собой последствия в виде начала, движения или прекращения отношений, складывающихся в рамках конкретного уголовного судопроизводства. Например, при наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, следователь или иное лицо, указанное в ст. 146 УПК РФ, выносит постановление о возбуждении уголовного дела, юридическим последствием которого будет производство расследования; постановление о передаче дела по подследственности обеспечивает движение уголовного расследования и в

то же время изменяет правоотношения в части круга лиц, задействованных в процессе расследования; постановление о прекращении уголовного дела, соответственно, прекращает возникшее уголовно-правовое правоотношение.

6. В процессуальных решениях содержатся ответы на правовые вопросы. П.А. Лупинская писала о том, что в процессуальных решениях «не только даются ответы на вопросы, касающиеся наличия или отсутствия юридически значимых обстоятельств, при которых могут быть совершены определенные правовые действия, но и указывается решение о самом действии», а «процессуально-правовые решения содержат ответы на вопросы “что установлено” и “как действовать” для достижения поставленной цели» [8. С. 12–13].

Эта особенность процессуальных решений позволяет отличить решения от таких процессуальных актов, как протоколы следственных и судебных действий, в которых посредством фиксации лишь удостоверяются факт производства, содержание и результаты следственных действий. Именно насколько правильным был ответ на поставленные перед должностным лицом или государственным органом вопросы, зависят законность и объективность процессуальных решений. При этом при ответе на данные вопросы следователю или иному лицу следует понимать, что данные посредством принятия решения ответы могут иметь самостоятельное значение и в дальнейшем могут быть обжалованы лицом, права и законные интересы которых оно затрагивает [9. С. 218].

Таким образом, процессуальное решение отражает содержательную сторону определенного вывода или заключения указанного в уголовно-процессуальном законе субъекта его принятия, в то время как термином «процессуальный акт» мы обозначаем внешнее выражение этого вывода, закрепленного в установленной законом форме. Как итог, на наш взгляд, вполне справедливо рассматривать понятие процессуального решения через призму его признаков в уголовно-процессуальном смысле, т.е. как процессуальный акт.

Список источников

1. Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 485 с.
2. Бажанов М.И. Об истинности процессуальных актов в советском уголовном судопроизводстве // Проблемы социалистической законности на современном этапе развития советского государства : тезисы докладов межвузовской научной конференции, октябрь 1968 г. Харьков, 1968. С. 216–219.
3. Юлбердина Л.Р. Протокол судебного заседания как средство документальной фиксации уголовно-процессуальных действий // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 112–116.
4. Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 384 с.
5. Масленникова Л.Н. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 448 с.
6. Бошно С.В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. 2014. № 4. С. 49–60.
7. Качалов В.И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 492 с.
8. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. М., 1976. 168 с.
9. Ендольцева А.В. Уголовный процесс : учеб. пособие. М., 2013. 427 с.

References

1. Zagainova, S.K. (2008) *Sudebnye акты v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: teoreticheskie i prikladnye problemy* [Judicial Acts in Civil and Arbitration Proceedings: Theoretical and Applied Problems]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
2. Bazhanov, M.I. (1968) Ob istinnosti protsessual'nykh aktov v sovetskom ugovolnom sudoproizvodstve [On the Truthfulness of Procedural Acts in Soviet Criminal Proceedings]. In: *Problemy sotsialisticheskoy zakonnosti na sovremennom etape razvitiya sovetskogo gosudarstva* [Problems of Socialist Legality at the Current Stage of Development of the Soviet State]. Kharkov. pp. 216–219.

3. Yulberdina, L.R. (2018) Protokol sudebnogo zasedaniya kak sredstvo dokumental'noy fiksatsii ugovolno-protsessual'nykh deystviy [Minutes of Court Session as a Means of Documentary Recording of Criminal Procedural Actions]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 3 (45). pp. 112–116.
4. Morozova, L.A. (2024) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. 6th ed. Moscow: Norma; INFRA-M.
5. Maslennikova, L.N. (2023) *Dokazyvanie i prinyatie resheniy v sostyazatel'nom ugovolnom sudoproizvodstve* [Evidence and Decision-Making in Adversarial Criminal Proceedings]. 2nd ed. Moscow: Norma; INFRA-M.
6. Boshno, S.V. (2014) Norma prava: ponyatiya, svoystva, klassifikatsiya i struktura [Rule of Law: Concepts, Properties, Classification and Structure]. *Pravo i sovremennye gosudarstva*. 4. pp. 49–60.
7. Kachalov, V.I. (2018) *Proizvodstvo po ispolneniyu itogovykh sudebnykh resheniy v rossiyskom ugovolnom protsesse* [Proceedings for the Execution of Final Court Decisions in Russian Criminal Procedure]. Law Dr. Diss. Moscow.
8. Lupinskaya, P.A. (1976) *Resheniya v ugovolnom sudoproizvodstve: ikh vidy, sodержание i formy* [Decisions in Criminal Proceedings: Their Types, Content and Forms]. Moscow.
9. Endol'tseva, A.V. (2013) *Ugolovny protsess* [Criminal Procedure]. Textbook. Moscow.

Информация об авторе:

Жилинский Д.А. – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия). E-mail: da.zhilinsky@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.A. Zhilinsky, postgraduate student at the Department of Criminal Law Disciplines, Theory and History of State and Law, Ivan Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russian Federation). E-mail: da.zhilinsky@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.02.2025;
одобрена после рецензирования с; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 27.02.2025;
approved after reviewing ccc28.03.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.131

doi: 10.17223/23088451/25/10

К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ЗАЯВЛЕНИЯ ЗАЩИТНИКОМ ХОДАТАЙСТВ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Роман Петрович Комаров¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kom86@inbox.ru*

Аннотация. Одним из действенных способов опровержения обвинения является заявление защитником ходатайств о признании недопустимыми доказательств, полученных стороной обвинения. Вопрос о том, на какой стадии процесса целесообразно заявить ходатайство, имеет важное значение, так как от этого во многом зависят результат его разрешения и эффективность защиты в целом. В статье анализируются проблемы, связанные с выбором момента заявления ходатайства об исключении доказательств на разных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: адвокат-защитник, ходатайство, недопустимые доказательства, исключение доказательств, стадия уголовного процесса

Для цитирования: Комаров Р.П. К вопросу о моменте заявления защитником ходатайств об исключении недопустимых доказательств // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 57–61. doi: 10.17223/23088451/25/10

Original article

doi: 10.17223/23088451/25/10

ON THE TIMING OF DEFENSE MOTIONS TO EXCLUDE INADMISSIBLE EVIDENCE

Roman P. Komarov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kom86@inbox.ru*

Abstract. Under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a defense attorney has the right to file a motion to have evidence declared inadmissible both during pretrial and judicial proceedings. However, Part 3 of Article 88 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not include the defense attorney among the persons authorized to file such a motion at the preliminary investigation stage. During judicial proceedings, the defense attorney has the right to file a motion to exclude inadmissible evidence at the preliminary hearing stage, as expressly provided for in Part 1 of Article 235 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, or, according to Part 1 of Article 271 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, when preparing the case for trial. The defense attorney may also file such a motion directly during the trial until the closing arguments. Though some scholars argue that a motion to exclude evidence should be filed at the stage of the proceedings when the grounds for it become known, the defense attorney has the right to independently determine the time of its filing, taking into account the specific circumstances of the case. At the preliminary investigation stage, defense attorneys rarely use the opportunity to file motions to have evidence declared inadmissible, both due to the lack of interest on the part of investigators and interrogators in having the evidence they have collected declared inadmissible, and due to imperfections in the mechanism for filing and considering such motions. During judicial proceedings, defense attorneys rarely take the opportunity to file motions regarding the inadmissibility of evidence at the preliminary hearing stage, since courts often deny them as untimely. Moreover, the prosecution gets an opportunity to remedy the violations committed. Mostly, defense attorneys prefer to file such motions during the trial stage. The defense attorney must decide on the timing of filing a motion to exclude evidence, guided by their experience and knowledge, based on the specific circumstances of the case, the interests of the client, and in consultation with them.

Keywords: defense attorney, motion, inadmissible evidence, exclusion of evidence, stage of criminal proceedings

For citation: Komarov, R.P. (2025) On the timing of defense motions to exclude inadmissible evidence. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 57–61. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/10

Заявление ходатайства об исключении доказательств, полученного с нарушением закона, является важным инструментом в руках защитника для опровержения обвинения.

Как указывал И.Я. Фойницкий, «всякий защитник обязан употребить все законные способы, служащие к опровержению обвинения и облегчению участи подсудимого» [1. С. 22].

Таким образом, возникает закономерный вопрос, необходимо ли защитнику заявлять о недопустимости доказательств на любой стадии процесса, как только ему станут известны основания для этого?

В соответствии с УПК РФ, защитник вправе заявить ходатайство о признании недопустимыми доказательств как в досудебном, так и в судебном производстве. Между тем в ч. 3 ст. 88 УПК РФ защитник не указан в

числе лиц, которые вправе заявлять такое ходатайство на стадии предварительного расследования. В то же время ему предоставлены права, согласно п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, заявлять ходатайства и отводы, а также, в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, использовать иные, не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты. Данные положения в некоторой степени восполняют существующий правовой пробел. Однако правовая неопределенность в этом вопросе сохраняется.

Адвокат-защитник вправе заявить ходатайство о признании недопустимыми доказательств в любой момент в ходе проведения предварительного расследования, так как уголовно-процессуальный закон не регламентирует, когда может быть заявлено такое ходатайство, и не содержит запрета на его заявление. Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 217 УПК РФ, по окончании ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела следователь выясняет, какие у них имеются ходатайства или иные заявления. Таким образом, сторона защиты также вправе заявить данное ходатайство при подписании протокола об ознакомлении с материалами дела. В ходе судебного производства защитник вправе заявить ходатайство об исключении недопустимых доказательств на этапе предварительного слушания, о чем прямо указано в ч. 1 ст. 235 УПК РФ, либо, согласно ч. 1 ст. 271 УПК РФ, при подготовке дела к судебному разбирательству. Также защитник вправе заявить такое ходатайство непосредственно в ходе судебного разбирательства вплоть до прений сторон, так как, согласно ч. 2 ст. 291 УПК РФ, после разрешения ходатайств и выполнения связанных с этим необходимых судебных действий председательствующий объявляет судебное следствие оконченным и переходит к судебным прениям.

В юридической литературе существует мнение о том, что ходатайство, направленное на устранение недоработок следствия, наносящих вред обвиняемому, к которым относится и ходатайство об исключении доказательств, должно быть заявлено на той стадии процесса, когда стали известны основания для этого. В противном случае будет нарушено требование ст. 53 УПК РФ, обязывающее защитника использовать все не запрещенные законом средства и способы защиты [2. С. 28]. Однако из тактических соображений стороне защиты может быть выгодно «попридержать» доводы о недопустимости доказательств для того, чтобы заявить их позднее. Также заявление защитником ходатайства об исключении доказательств может противоречить позиции обвиняемого в случае признания им вины в предъявленном обвинении, что является недопустимым с точки зрения адвокатской этики и соблюдения права подозреваемого или обвиняемого на защиту. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката [3], адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного.

Поэтому более обоснованной видится точка зрения тех ученых, которые указывают на то, что защитник вправе самостоятельно определять момент заявления ходатайства

об исключении доказательств. Так, А.Н. Красильников, М.С. Белоковылский говорят о необходимости учитывать многообразие ситуаций, в которых приходится осуществлять защиту адвокату-защитнику, и указывают на отличие процессуального интереса адвоката как субъекта доказывания от процессуального интереса государственных органов [4]. В.Н. Буробин также указывает на важность своевременности заявления ходатайств защитником. Следует согласиться с автором, что любое ходатайство защитника должно быть продумано, согласовано с подзащитным и, самое главное, не осложнять его положение, приносить ему только пользу [5. С. 393].

Как показало изучение уголовных дел, большинство защитников предпочитают заявлять о недопустимости доказательств именно на стадии судебного разбирательства, так как защитник уже ознакомлен с материалами дела в полном объеме и, соответственно, имеет возможность более полно обосновать свою позицию. Кроме того, на данной стадии у стороны обвинения остается меньше возможностей устранить допущенные на стадии предварительного расследования нарушения, так как все следственные действия уже проведены. При этом с точки зрения состязательности и наличия у защитника иного процессуального интереса, чем у должностных лиц государственных органов, защитнику выгодно лишить сторону обвинения ее доводов и сузить возможности обвинения по устранению допущенных в ходе предварительного расследования нарушений.

Остановимся на рассмотрении проблемных вопросов заявления ходатайства о признании недопустимыми доказательств на различных стадиях уголовного процесса.

На стадии предварительного расследования, в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ, признать доказательства недопустимыми может прокурор, следователь или дознаватель. Как справедливо отмечает, М.Э. Каац, следователи крайне редко принимают решения о недопустимости доказательств по собственной инициативе вследствие незаинтересованности в исключении доказательств, которые ими были собраны [6. С. 239]. При изучении практики таких случаев выявлено не было. Трудно поспорить с тем, что решение по ходатайству защитника предопределено, ведь оно адресовано следователю, который является, по сути, его процессуальным противником, участником со стороны обвинения. Следователь по своему усмотрению вправе принять решение об удовлетворении заявленных ходатайств либо отказать в их удовлетворении [7. С. 67]. Нежелание следователя или дознавателя признавать собранные доказательства недопустимыми также может объясняться правилом, что при собирании доказательств лучше их «перебрать», чем недобрать [8. С. 36].

Следователю или дознавателю не всегда может быть понятно, являются ли допущенные нарушения существенными и повлекут ли они признание доказательств недопустимыми. В связи с этим им проще оставить решение вопроса о допустимости доказательств на усмотрение прокурора или суда. Таким образом, обязанность защитника принять все возможные меры к защите интересов подозреваемого, обвиняемого на практике сталкивается с отсутствием заинтересованности должностных

лиц признавать собственные нарушения существенными и исключать недопустимые доказательства.

Однако откладывание заявления ходатайства о признании недопустимыми доказательств на стадию судебного разбирательства также не всегда может быть оправдано. На практике встречаются ситуации, когда несвоевременное, по мнению суда, заявление защитником ходатайства о признании доказательств недопустимыми влечет отказ в его удовлетворении. Так, например, по уголовному делу по обвинению нескольких подсудимых по п. «а» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ, ч. 4 ст. 180 УК РФ Мариинский городской суд Кемеровской области не нашел оснований для удовлетворения доводов стороны защиты о признании недопустимыми ряда доказательств в связи с нарушением, по мнению защиты, права на неприкосновенность жилища. В качестве основания для отказа в удовлетворении ходатайства суд указал, что ни защитники, ни подсудимые не заявляли о недопустимости оспариваемых доказательств в ходе предварительного следствия либо подготовки к судебному заседанию¹.

Защитник также может реализовать свое право на заявление ходатайства о признании недопустимыми доказательств на стадии предварительного расследования путем обращения к прокурору, который осуществляет надзор за процессуальной деятельностью предварительного следствия и имеет соответствующие полномочия направить уголовное дело в суд либо возвратить уголовное дело для производства дополнительного расследования. При этом прокурор как лицо, которое не осуществляет предварительное расследование и на котором лежит обязанность поддерживать обвинение в суде, может быть более заинтересован в исключении недопустимых доказательств и проведении тщательной проверки по уголовному делу с целью исключения оправдательного приговора либо возвращения дела прокурору в ходе судебного производства. В то же время следует согласиться с мнением Р.В. Костенко о том, что ч. 3 ст. 88 УПК РФ прямо не предусматривает обязанность вынесения прокурором отдельного мотивированного постановления о признании какого-либо доказательства недопустимым [9. С. 116]. Также не разработаны механизм и сроки разрешения прокурором ходатайства о признании недопустимыми доказательств на предварительном следствии. Не определено, возможно ли заявление такого ходатайства только на этапе ознакомления с материалами дела либо в любой момент предварительного расследования в ходе осуществления прокурором надзора за деятельностью органов предварительного следствия и дознания. Соответственно, отсутствие проработанного порядка разрешения прокурором ходатайства о признании недопустимыми доказательств создает сложности при реализации на практике защитником права на его заявление.

В судебном производстве адвокаты-защитники довольно редко пользуются возможностью заявлять хода-

тайство об исключении доказательств на этапе предварительного слушания, так как зачастую суды отказывают в удовлетворении данного ходатайства в связи с его несвоевременностью по причине того, что суд не изучил материалы дела и не может сделать обоснованный вывод о допустимости того или иного доказательства. Верно сказано, что в такой ситуации суд констатирует наличие сомнений в допустимости или недопустимости доказательств и недоказанность оснований для их исключения [10]. Можно также согласиться с мнением Н.С. Гаспаряна о том, что сложившаяся судебная практика, когда суды крайне редко исключают основополагающие доказательства в ходе предварительного слушания, превращает ст. 235 УПК РФ в мертвую процессуальную норму [11. С. 42]. Однако необходимо отметить, что не только практика судов и судейское усмотрение препятствуют реализации защитником права на заявление ходатайства об исключении доказательств на этапе предварительного слушания. Существуют объективные препятствия в реализации этого права. Недопустимыми являются не любые доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, а только те, при формировании которых были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления. При этом ст. 75 УПК РФ не содержит исчерпывающего перечня недопустимых доказательств либо четких критериев для определения существенности допущенных нарушений. Таким образом, суду практически всегда необходимо изучить материалы дела в полном объеме, чтобы принять решение об удовлетворении ходатайства защитника либо об отказе в его удовлетворении, в случае если суд придет к выводу, что допущенные нарушения являются устраняемыми.

Кроме того, даже в случае удовлетворения на этапе предварительного слушания ходатайства защиты об исключении недопустимых доказательств, согласно ч. 7 ст. 235 УПК РФ, при рассмотрении уголовного дела по существу суд по ходатайству стороны обвинения вправе повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым. Данное положение ставит под сомнение полезность заявления ходатайства об исключении доказательств защитником. Следует согласиться с мнением, что рассмотрения одного и того же вопроса дважды в разных стадиях уголовного процесса, позволяют нивелировать результаты предварительного слушания, на котором было принято решение об исключении доказательства [12. С. 134]. Несмотря на то, что посредством применения ч. 7 ст. 235 УПК РФ возникает возможность исправить допущенные в предварительном слушании ошибки, для стороны защиты данное обстоятельство не может быть признано благоприятным в связи с тем, что один и тот же судья в процессе производства по уголовному делу может изменить свое мнение несколько раз [13]. Кроме того, доводы стороны за-

¹ См.: Архив Мариинского городского суда Кемеровской области, уголовное дело № 1-2/2024 по обвинению Б. по п. «а» ч. 6 ст. 171.1 УК

РФ, ч. 4 ст. 180 УК РФ, п. «а», «б» ч. 2 ст. 171.3 УК РФ, ч. 2 ст. 174.1 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, ч. 1 ст. 167 УК РФ.

щиты становятся известны обвинению, у которого появляется возможность устранить допущенные нарушения либо обосновать их несущественность.

В качестве итога можно отметить, что защитнику необходимо, руководствуясь своими опытом и знаниями, исходя из конкретных обстоятельств дела, интересов доверителя и по согласованию с ним, принимать решение о моменте заявления ходатайства об исключении доказательств. Необходимо учитывать, что именно защита в уголовном процессе в наибольшей степени заинтересована в проверке допустимости доказательств, так как в целом работа защитника построена на критике и поиске ошибок в доказательствах, сформированных стороной обвинения. Поэтому если защитник упустит момент для заявления ходатайства о признании недопустимыми доказательств, это отразится на результатах и эффективности защиты в целом.

В целях совершенствования механизма реализации защитником права на заявление ходатайства о признании недопустимыми доказательств, необходимо в ч. 3 ст. 88 УПК РФ указать защитника в перечне лиц, которым предоставлено право на его заявление.

Отсутствие защитника в данной норме выглядит крайне нелогичным, так как заявление ходатайства об исключении недопустимых доказательств является главным оружием защиты против обвинения, и, как показал анализ практики, заявляются такие ходатайства именно защитниками. Также необходимо указать в ч. 3 ст. 88 УПК РФ обязанность прокурора вынести мотивированное постановление по результатам рассмотрения ходатайства о признании недопустимыми доказательств со ссылкой на порядок и сроки его рассмотрения.

Список источников

1. Фойницкий И.Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное. СПб. : [б. и.], 1885. 64 с.
2. Леви А.А., Игнатьева М.В., Капица Е.И. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. М. : Юрлитинформ, 2003. 128 с.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 04.04.2025).
4. Красильников А.Н., Белоковильский М.С. Качество профессиональной защиты: от нравственной обязанности к правовой // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 04.04.2025).
5. Адвокатская деятельность : учеб.-практ. пособие / под ред. В.Н. Бурбина. М. : ИКФ «ЭКМОС», 2003. 624 с.
6. Каац М.Э. К вопросу о совершенствовании механизма признания доказательств недопустимыми // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 237–243.
7. Ясельская В.В. О совершенствовании порядка разрешения ходатайств на стадии предварительного расследования // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 67–69.
8. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 80 с.
9. Костенко Р.В. Исключение доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовным делам // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 113–117.
10. Калиновский К.Б. Презумпция недопустимости доказательства, полученного с нарушением уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы права и судебной власти в современном российском обществе : материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 34–37. URL: <https://kalinovskiy-k.narod.ru/p/2009-1.htm?ysclid=m8nesppskt223892557> (дата обращения: 25.02.2025).
11. Гаспарян Н.С. Исключение доказательств, полученных с нарушением закона (теория и систематизированная практика). М. : Граница, 2018. 372 с.
12. Тарасова Ю.И. Некоторые проблемы исключения доказательств на предварительном слушании // Право и практика. 2021. № 1. С. 132–138.
13. Буфетова М.Ш., Романцов А.М. Актуальные проблемы заявления защитником ходатайства об исключении доказательства в стадии подготовки дела к судебному заседанию // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 04.04.2025).

References

1. Foinitsky, I.Ya. (1885) *Zashchita v уголовном protsesse kak sluzhenie obshchestvennoe* [Defense in Criminal Proceedings as Public Service]. Saint Petersburg: [s.n.].
2. Levi, A.A., Ignatieva, M.V. & Kapitsa, E.I. (2003) *Osobennosti predvaritel'nogo rassledovaniya prestupleniy, osushchestvlyаемого s uchastiem advokata* [Features of Preliminary Investigation of Crimes Conducted with the Participation of a Lawyer]. Moscow: YurLitinform.
3. Consultant Plus. (2021) *Kodeks professional'noy etiki advokata* [Code of Professional Ethics for Lawyers]. (Adopted by the First All-Russian Congress of Lawyers on 31.01.2003) (as amended on 15.04.2021). Available from: Consultant Plus legal reference system. (Accessed: 04.04.2025).
4. Krasilnikov, A.N. & Belokovil'skiy, M.S. (2025) *Kachestvo professional'noy zashchity: ot npravstvennoy obyazannosti k pravovoy* [Quality of Professional Defense: From Moral to Legal Duty]. Available from: Consultant Plus legal reference system. (Accessed: 04.04.2025).
5. Burobin, V.N. (ed.) (2003) *Advokatskaya deyatel'nost'* [Advocacy]. Moscow: EKMOS.
6. Kaats, M.E. (2020) K voprosu o sovershenstvovanii mekhanizma priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi [On Improving the Mechanism for Recognizing Evidence as Inadmissible]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 11 (2), pp. 237–243.
7. Yaselskaya, V.V. (2015) On Improving the Procedure for Considering Motions at the Preliminary Investigation Stage. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (6), pp. 67–69. (In Russian).
8. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Dokazatel'stva i dokazyvanie v уголовном protsesse Rossii* [Evidence and Proof in Russian Criminal Procedure]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Kostenko, R.V. (2016) Isklyucheniye dokazatel'stv, poluchennykh s narusheniem trebovaniy UPK RF, v khode dosudebnogo proizvodstva po уголовным delam [Exclusion of Evidence Obtained in Violation of the RF Criminal Procedure Code Requirements During Pretrial Proceedings in Criminal Cases]. *Obshchestvo i pravo*. 3 (57), pp. 113–117.
10. Kalinovsky, K.B. (2009) [Presumption of Inadmissibility of Evidence Obtained in Violation of Criminal Procedure Law]. *Aktual'nye problemy prava i sudebnoy vlasti v sovremenom rossiyskom obshchestve* [Current Problems of Law and Judicial Power in Modern Russian Society]. Conference Proceedings. Krasnodar, pp. 34–37. [Online] Available from: <https://kalinovskiy-k.narod.ru/p/2009-1.htm> (Accessed: 25.02.2025). (In Russian).
11. Gasparyan, N.S. (2018) *Isklyucheniye dokazatel'stv, poluchennykh s narusheniem zakona (teoriya i sistematizirovannaya praktika)* [Exclusion of Illegally Obtained Evidence (Theory and Systematized Practice)]. Moscow: Granitsa.
12. Tarasova, Yu.I. (2021) Nekotorye problemy isklyucheniya dokazatel'stv na predvaritel'nom slushanii [Some Problems of Excluding Evidence at Preliminary Hearing]. *Pravo i praktika*. 1. pp. 132–138.

13. Bufetova, M.Sh. & Romantsov, A.M. (2025) *Aktual'nye problemy zayavleniya zashchitnikom khodataystva ob isklyucheni dokazatel'stva v stadii podgotovki dela k sudebnomu zasedaniyu* [Current Issues of a Defense Attorney's Motion to Exclude Evidence at the Stage of Preparing a Case for a Court Hearing]. Available from: Consultant Plus legal reference system. (Accessed: 04.04.2025).

Информация об авторе:

Комаров Р.П. – соискатель кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kom86@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.P. Komarov, external postgraduate student, Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Activities, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kom86@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.03.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 26.03.2025;
approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.137.5

doi: 10.17223/23088451/25/11

СЛЕДСТВЕННОЕ УСМОТРЕНИЕ ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА О ВЫБОРЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Тамара Николаевна Михайлова¹, Олеся Дмитриевна Вастьянова²

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, crim.just@mail.ru

² Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, vas11e88@mail.ru

Аннотация. Анализ роли следователя при решении вопроса о выборе мер пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого свидетельствует о высокой степени ответственности, возложенной на данного субъекта. Наделяя следователя полномочиями действовать по усмотрению, законодатель рассчитывает на его профессиональную компетентность, психологическую подготовленность и глубокое понимание возрастных и психоэмоциональных особенностей личности несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого).

Ключевые слова: несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый, следователь, меры пресечения

Для цитирования: Михайлова Т.Н., Вастьянова О.Д. Следственное усмотрение при решении вопроса о выборе меры пресечения в отношении несовершеннолетнего // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 62–69. doi: 10.17223/23088451/25/11

Original article

doi: 10.17223/23088451/25/11

INVESTIGATIVE DISCRETION IN SELECTING PRETRIAL MEASURES FOR JUVENILE DEFENDANTS

Tamara N. Mikhailova¹, Olesya D. Vastyanova²

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru

² Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation, vas11e88@mail.ru

Abstract. Current criminal procedural legislation of the Russian Federation provides for a set of restrictive measures designed to ensure proper conduct of criminal proceedings. A distinct category among these measures comprises pretrial measures – coercive mechanisms applied by legally authorized officials to suspects and defendants to prevent potential obstructions to case investigation. A special participant in criminal proceedings is the juvenile defendant, who may likewise be subjected to various pretrial measures differing in nature and severity during criminal proceedings. Analysis of investigators' role in selecting appropriate pretrial measures for juveniles reveals the considerable responsibility and complexity involved in balancing case circumstances with the juvenile's personal characteristics. When making procedural decisions, investigators must conduct thorough and comprehensive assessments of factual case circumstances, including age-related and psychoemotional characteristics of the juvenile, as well as legally significant facts of the alleged criminal offense. Crucially, any application of pretrial measures must adhere to principles of justice and humanity, while serving statutory objectives under criminal procedure law, particularly ensuring the juvenile's appearance before investigative authorities and court and preventing further criminal activity. Failure to comply with these requirements violates juveniles' rights and undermines the legality and validity of investigators' decisions. After the legal analysis, the author concludes that effective implementation of juvenile justice in Russia requires further development of legal frameworks governing pretrial measures for juvenile suspects/defendants and enhanced investigator training in child psychology, pedagogy, and specifics of differentiated criminal procedure for juveniles. This approach will enable the state to maintain an optimal balance between protection of juveniles' rights and the need to maintain legality and public order.

Keywords: juvenile, suspect, defendant, investigator, pretrial measures

For citation: Mikhailova, T.N. & Vastyanova, O.D. (2025) Investigative discretion in selecting pretrial measures for juvenile defendants. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 62–69. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/11

Современное общество характеризуется высокой динамикой развития, что связано с возникновением новых подсистем общественных отношений, требующих в том числе и нормативно-правовой регламентации.

При этом создание новой нормы права – трудоемкий, растянутый во времени процесс, сопряженный с известными сложностями, в силу чего законодателю не всегда

удается корректно согласовать вновь появившиеся нормы с другими, уже имеющимися в распоряжении общества, что, является непосредственной причиной правовых коллизий и неопределенностей правового регулирования.

Однако «коллизийность» правовых норм – вовсе не единственная сложность в использовании правовых

предписаний. Не меньшие проблемы правоприменительно создают и часто используемые законодателем при конструировании норм закона так называемые оценочные правовые категории, зачастую обозначаемые термином «усмотрение», встречающимися, в том числе, и в конструкции некоторых уголовно-процессуальных норм.

Степень дискуссионности рассматриваемой категории наглядно демонстрирует та полемика, которая сложилась на страницах юридической печати по ее поводу. Авторами предлагаются различные подходы к обозначению категории «усмотрение» в деятельности субъекта правоприменения, а также пределов его использования в отношении вовлекаемых в уголовное судопроизводство лиц. При этом нельзя не отметить, что в этих исследованиях анализ данного феномена проводится, как правило, применительно к носителю власти – субъекту принятия уголовно-процессуального решения без учета процессуального статуса того участника, в отношении которого «усмотрение» применяется. В связи с этим нам представляется интересным рассмотреть особенности реализации «усмотрения» следователя в связи с принятием им решения о применении меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому.

Современный законодатель уделяет особое внимание несовершеннолетним правонарушителям. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (далее по тексту – УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (далее по тексту – УПК РФ) содержат отдельные главы, посвященные вопросам установления возраста уголовной ответственности, видам наказания несовершеннолетних, принудительным мерам воспитательного воздействия и особенностям производства по уголовным делам в отношении данной категории участников. Как известно, УПК РФ закрепляет положение, согласно которому особый порядок уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних распространяется на лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста 18 лет (ст. 420 УПК РФ). При этом согласно положениям ст. 128 УПК РФ, лицо признается достигшим возраста уголовной ответственности не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится данный день, т.е. с нуля часов следующих суток.

В целях обеспечения надлежащего порядка производства по уголовному делу к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому могут быть применены предусмотренные УПК РФ меры уголовно-процессуального принуждения. При этом международные стандарты в области защиты прав детей указывают на то, что к несовершеннолетнему меры принуждения, связанные с ограничением свободы, могут применяться лишь в качестве крайних мер в течение наиболее короткого периода времени [1. С. 142].

Совокупность мер уголовно-процессуального принуждения представляет собой особый принудительный механизм, применяемый специально уполномоченными законом лицами к участникам уголовного судопроизводства с целью предотвращения возможного возникновения препятствий в расследовании уголовного дела и

обеспечения надлежащего порядка уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальным законом меры уголовно-процессуального принуждения подразделяются на три группы: задержание, меры пресечения и иные меры принуждения. Каждая из этих групп выполняет свою специфическую функцию в рамках уголовного процесса.

Особое место среди них занимают меры пресечения как наиболее существенные по содержанию ограничения прав и свобод личности, которые применяются в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в целях воспрепятствования его возможности скрыться от следствия и суда, продолжить преступную деятельность, воспрепятствовать установлению истины по делу или совершить новые преступления. Выбор конкретной меры пресечения должен быть основан на совокупности обстоятельств, характеризующих личность подозреваемого или обвиняемого, тяжести совершенного преступления и других факторах, имеющих значение для дела (ст. 99 УПК РФ).

Особенности применения в отношении несовершеннолетнего правонарушителя мер пресечения обусловлены психозмоциональной незрелостью подростка, несформированностью его волевых качеств. Непродуманный выбор меры со стороны органов уголовного преследования может привести к негативным последствиям и дальнейшей ресоциализации подростка. В правоприменительной практике, к сожалению, нередко наблюдается формальный, алгоритмизированный подход следователя к процедуре избрания и применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Между тем усмотрение следователя, реализуемое при определении оптимальной меры пресечения, оказывает существенное влияние на условия содержания несовершеннолетнего в период предварительного расследования. Таким образом, адекватная реализация усмотрения следователя является критически важной для обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства.

Для начала установим, как именно формируется усмотрение следователя при принятии решения об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

На подготовительном этапе прежде чем принять соответствующее решение, следователь проводит анализ вмененного в вину несовершеннолетнему обвинения, исследует вопросы его квалификации, а также возможные варианты наказаний, предусмотренных конкретной статьей УК РФ и потенциально «угрожающих» несовершеннолетнему. Исходя из произведенного анализа, формируются условия для избрания той или иной меры пресечения в отношении него. При этом видится правильным при составлении ходатайства в суд следователю, если это окажется необходимым, не просто механически переносить указанные в ст. 97 УПК РФ основания, а оценивать каждое с точки зрения возможного противоправного поведения со стороны несовершеннолетнего обвиняемого, подтвержденного фактическими обстоятельствами.

При принятии процессуального решения в отношении несовершеннолетнего следователю надлежит осуществить также глубокий анализ материалов, характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого), с целью оценки вероятности реализации следующих деструктивных сценариев:

1. Уклонение от процессуальных действий: оценка риска дезертирства из-под юрисдикции органов предварительного расследования и суда. Индикаторами высокого риска этого выступают: анамнестические данные о противодействии задержанию, систематическое игнорирование повесток без уважительных оснований, нарушение режима ранее примененных мер пресечения.

2. Рецидив преступной деятельности: определение возможности продолжения противоправной активности. Факторами, указывающими на повышенный риск рецидива, являются: наличие неснятой или непогашенной судимости, задержание в процессе совершения нового преступления, а также иные обстоятельства, свидетельствующие о склонности к девиантному поведению.

3. Обструкция судопроизводства: оценка вероятности действий, направленных на создание препятствий для объективного и всестороннего расследования уголовного дела. Обструкция в данном контексте понимается как намеренное создание несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым необоснованных преимуществ в ходе судопроизводства и нарушение установленного процессуального порядка.

Для применения меры пресечения к несовершеннолетнему не требуется реализации всех указанных сценариев, достаточно одного из них. Главное, чтобы органы предварительного расследования в максимальной степени использовали индивидуальный подход к изучению личности каждого несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и применяли к нему меры пресечения, в максимальной степени способствующие его ресоциализации.

После оценки оснований следователь приступает к изучению обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, именуемых в юридической литературе мотивами избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого лица. Современный законодатель к ним относит: тяжесть совершенного преступления; сведения о личности подозреваемого или обвиняемого: его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. Как видим, одним из обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, является возраст обвиняемого (подозреваемого), в том числе достиг ли он совершеннолетия не только к моменту совершения преступления, но и к моменту производства по уголовному делу.

К сожалению, в российском уголовном процессе отсутствует надлежащая правовая основа для осуществления взаимодействия со специальными субъектами, которые обеспечили бы органы предварительного расследования и суд необходимой информацией о подростке [2. С. 12]. Предпочтительной, на наш взгляд, представляется позиция авторов, обосновывающих необходимость взаимодействия следователя и подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее по

тексту – ПДН), цель контактирования с которыми видится в «объединении усилий, направленных на полное выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений несовершеннолетними, в принятии мер к их устранению» [3. С. 95]. В докладе заместителя Председателя СК России Е.Е. Леоненко было обращено особое внимание на значимость конструктивного взаимодействия с профильными комиссиями и службами в целях выявления несовершеннолетних и их семей, находящихся в зоне риска и нуждающихся в адресной профилактической работе [4]. На наш взгляд, привлечение таких специальных субъектов представляется востребованным в свете нынешних правовых реалий и сможет способствовать созданию необходимых организационно-правовых условий в процессе рассмотрения и разрешения дел в отношении несовершеннолетних судами.

Основываясь на собранном в отношении несовершеннолетнего характеризующем материале, сочетая познавательные приемы и аргументационно-логические операции, исходя из усмотрения, следователь приходит к выводу о целесообразности применения той или иной меры пресечения. При этом, несмотря на то, что по общему правилу в отношении обвиняемого (подозреваемого) может быть избрана только одна мера пресечения, в соответствии с требованиями одной из новелл уголовно-процессуального законодательства, при избрании меры пресечения в виде залога или домашнего ареста суд вправе возложить на подозреваемого, обвиняемого обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Принимая во внимание повышенную уязвимость несовершеннолетних в уголовном процессе, законодатель устанавливает особые требования к избранию мер пресечения в отношении данной категории лиц. Целью является не только обеспечение надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого и его явки в органы предварительного расследования и суд, но и минимизация негативного воздействия уголовного преследования на его психическое и физическое развитие, а также социальную адаптацию.

Выбор конкретной меры пресечения должен основываться на всестороннем анализе личности несовершеннолетнего, его возраста, состояния здоровья, семейного положения, условий жизни и воспитания, а также характера и степени общественной опасности совершенного им деяния. Необходимо учитывать мнение педагогов, психологов и социальных работников, знакомых с ситуацией несовершеннолетнего.

Анализ гл. 13 УПК РФ свидетельствует о том, что не все из предусмотренных законом мер пресечения могут быть применены к несовершеннолетнему обвиняемому (подозреваемому), что также должно учитываться следователем при избрании меры пресечения. Так, например, мера пресечения в виде наблюдения командования воинской части ни при каких условиях не может быть применена к нему, что очевидно [5. С. 220].

Если говорить об избрании мер пресечения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), нельзя обойти вниманием специальную меру,

предусмотренную исключительно для несовершеннолетних, – присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, которая, по замыслу законодателя, может быть применена к нему исключительно до достижения совершеннолетнего возраста.

Следует отметить, что данная мера пресечения не является новой для отечественного уголовного судопроизводства. Возможность ее применения была предусмотрена еще УПК РСФСР, однако она находила и находит очень редкое применение в практической деятельности. Причин тут сразу несколько.

Во-первых, как показывает практика, правоприменитель считает, что она не обладает достаточным принудительным потенциалом для воспрепятствования дальнейшей противоправной деятельности со стороны несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Во-вторых, довольно абстрактно в УПК РФ отражен и перечень лиц, на которых может быть возложен контроль за обеспечением надлежащего поведения несовершеннолетнего. На законодательном уровне не установлены необходимые характеристики для определения лица, заслуживающего доверие со стороны несовершеннолетнего правонарушителя, способного должным образом обеспечить контроль за его поведением. Так, например, возникает закономерный вопрос: может ли следователь усматривать возможность возложения ответственности на родителей, опекунов, попечителей в случае неоднократного нарушения закона со стороны несовершеннолетнего? Полагаем, что в данном случае следователь имеет все основания для вывода об утрате должного контроля за несовершеннолетним.

К сожалению, ознакомиться с официальными статистическими данными относительно применения присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в правоприменительной практике не представляется возможным, поскольку ни судебная система, ни одно ведомство не ведет подобной официальной статистики. При этом, согласно ч. 2 ст. 423 УПК РФ, при решении вопроса об избрании в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр в порядке, установленном ст. 105 УПК РФ.

В свое время Е.В. Марковичева разработала предложения по расширению перечня специализированных мер пресечения в отношении несовершеннолетних посредством установления определенных требований к поведению несовершеннолетнего [6. С. 224]. Аналогичного мнения придерживается О.В. Баландюк, полагая, что данные изменения могли бы поспособствовать не только эффективной реализации меры пресечения в виде присмотра, но и привести к положительным результатам в возможном исправлении и перевоспитании несовершеннолетнего [7. С. 97].

Представленные мнения, безусловно, заслуживают внимания, однако, на наш взгляд, мера пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым по-прежнему обладает нереализованным профилактическим потенциалом, предполагая

включение в уголовно-процессуальные отношения специальных, заслуживающих доверия со стороны несовершеннолетнего, общества и государства лиц, контролирующих образ жизни подростка в силу родственных или иных близких отношений (законные и личные поручители), либо в силу осуществления педагогических функций и возложения обязанностей в области опеки и попечительства (должностные поручители). С помощью привлечения данных лиц достигается цель обеспечения надлежащего поведения подростка и формирование у последнего негативного отношения к совершенному им преступлению.

Еще одной мерой, возможной для избрания в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого является запрет определенных действий, которая предусмотрена ст. 105.1 УПК РФ.

Запрет определенных действий является относительно мягкой мерой пресечения, позволяя следователю гибко реагировать на изменяющиеся обстоятельства дела и учитывать индивидуальные особенности личности несовершеннолетнего. Возможность комбинирования запретов с залогом или домашним арестом расширяет арсенал средств воздействия и позволяет адаптировать меру пресечения к конкретной ситуации, обеспечивая баланс между интересами правосудия и правами несовершеннолетнего лица. Согласно статистическим данным за 2023 г., в отношении несовершеннолетних подозреваемых было принято 70 решений об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, помимо этого, в 145 случаях были приняты решения о возложении обязанностей на обвиняемого, подозреваемого по соблюдению запретов при избрании залога и домашнего ареста [8].

Однако применение запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в совокупности с мерами пресечения в виде домашнего ареста или залога должно быть тщательно обосновано в процессуальном решении. При обосновании ходатайства об избрании домашнего ареста либо залога следователю необходимо четко мотивировать, какие именно запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, необходимо дополнительно возложить на несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Важно избегать избыточного ограничения прав и свобод несовершеннолетнего, что может негативно сказаться на процессе реабилитации и ресоциализации несовершеннолетнего.

На каждом этапе формирования усмотрения следователя по избранию оптимально подходящей к конкретной ситуации меры пресечения следует помнить об ответственном подходе, требующем от следователя не только знания закона, но и глубокого понимания возрастной психологии, а также умения учитывать индивидуальные особенности и потребности несовершеннолетнего. Применение запрета определенных действий как самостоятельно, так и в сочетании с другими мерами пресечения может стать эффективным инструментом как для обеспечения порядка производства по уголовному делу, так и защиты прав несовершеннолетних, если оно осуществляется с учетом всех требований закона и с соблюдением принципа законности.

В проведенном нами ранее исследовании мы обосновали необходимость совершенствования меры пресечения в виде присмотра посредством ее комбинирования с запретами, предусмотренными ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ [9. С. 97–98]. Предлагаемая модель требует разработки четкого алгоритма взаимодействия лица, осуществляющего присмотр за несовершеннолетним, с органами предварительного расследования и другими субъектами профилактики. Наряду с этим было бы не лишним определить также критерии выбора и подготовки лиц, способных эффективно осуществлять присмотр, а также разработать систему мониторинга и оценки эффективности данной меры пресечения.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что эффективность мер пресечения в значительной мере зависит от степени вовлеченности несовершеннолетнего в процесс ресоциализации. Комбинированный присмотр, предполагающий активное участие лица, осуществляющего контроль, в разработке и реализации индивидуальной программы коррекции поведения, способствует формированию у подростка чувства ответственности за свои действия и стимулирует его стремление к позитивным изменениям. Внедрение такого механизма позволит не только повысить эффективность уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, но и будет способствовать снижению подростковой преступности, формированию у подрастающего поколения уважительного отношения к закону и общественным нормам. Дальнейшие исследования в этой области представляются весьма актуальными и перспективными для совершенствования системы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Особое место в системе мер, направленных на обеспечение надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства, занимает мера пресечения в виде домашнего ареста, регламентированная ст. 107 УПК РФ. Применение домашнего ареста в отношении несовершеннолетних, как и любой другой меры пресечения, осуществляется на основании мотивированного ходатайства следователя и требует судебного санкционирования. Это обеспечивает соблюдение принципов законности и охраны прав и свобод несовершеннолетних, находящихся в сфере уголовного судопроизводства.

Согласно имеющимся данным, за период 2023 г. было принято 271 решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. Данный показатель свидетельствует о том, что домашний арест является достаточно распространенной мерой пресечения в отношении этой категории лиц, что, в свою очередь, обуславливает необходимость углубленного изучения оснований и условий его применения, а также обеспечения эффективности этой меры пресечения в контексте предупреждения совершения новых преступлений и обеспечения явки в органы предварительного расследования и суд.

Домашний арест в действующей редакции представлен в более строгом виде, нежели запрет определенных

действий, и предполагает полную изоляцию несовершеннолетнего в жилом помещении, в котором тот проживает, на период производства по уголовному делу. При этом закон допускает при избрании домашнего ареста налагать на подозреваемого, обвиняемого определенные дополнительные запреты, например, запрет общения с определенными лицами; запрет отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; запрет использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Полагаем, что при избрании данной меры пресечения следователю следует учитывать негативные факторы, влияющие на психоэмоциональное состояние подростка, выраженные в отсутствии возможности дальнейшего продолжения обучения, посещения дополнительных секций и кружков, общения со сверстниками и т.д. Такой тип жизнедеятельности может привести к снижению межличностной социальной активности подростка и привести к замкнутости, скованности несовершеннолетнего, проблемам ресоциализационного характера.

Самой строгой мерой пресечения, которая может быть применена к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, является заключение под стражу. Именно данная мера пресечения полностью ограничивает личную свободу несовершеннолетнего лица, в частности, свободу передвижения и иные личные свободы.

Согласно статистическим данным за 2023 г., в отношении несовершеннолетних подозреваемых было принято 702 решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, что превышает количество случаев избрания запрета определенных действий и домашнего ареста, вместе взятых. Почему следователи вынуждены ходатайствовать об избрании в отношении несовершеннолетнего именно данной меры пресечения? Некоторые авторы полагают, что основной причиной являются неразвитость системы мер пресечения [10. С. 8], дефицит их разнообразия в российском уголовном процессе [11. С. 9]. В общем-то с этим можно согласиться, но лишь отчасти. На наш взгляд, корень проблемы кроется в несколько «механичном» подходе следователя, производящего оценку оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ.

Не секрет, что наиболее часто применяемой на практике мерой пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому является подписка о невыезде и надлежащем поведении. К сожалению, следователи при избрании мер пресечения не учитывают в должной степени правовые границы между несовершеннолетними и совершеннолетними участниками уголовного судопроизводства, не проводят принципиального разграничения между общими уголовно-процессуальными правилами и специальными правилами ювенального судопроизводства. Безусловно, именно подписка о невыезде и надлежащем поведении является мерой пресечения, минимально ограничивающей права и свободы несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, затрагивая лишь свободу передвижения подростка, в интересах обеспечения его присутствия в месте ведения предварительного расследования по уголовному делу. Пагубная практика повсеместного применения данной

меры пресечения к несовершеннолетним свидетельствует о несколько шаблонном подходе правоприменителя, подмене и незаинтересованности в применении меры в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Как показало интервьюирование следователей и дознавателей, применяя такую психолого-принудительную меру пресечения к несовершеннолетнему лицу, как подписка о невыезде, обязательства по ее исполнению в большей степени все-таки возлагаются на законных представителей несовершеннолетнего лица. Именно на порядочность и добросовестность данных лиц рассчитывают органы предварительного расследования при выборе несовершеннолетнему в качестве меры пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Практика показывает, что такие меры пресечения, как личное поручительство и залог, в отношении несовершеннолетнего лица используются крайне редко. Однако, на наш взгляд, в отличие от заключения под стражу, которое оказывает серьезное психотравмирующее воздействие на подростка и может негативно повлиять на его дальнейшую социализацию, личное поручительство и залог предполагают более мягкий и ориентированный на ресоциализацию подход. Традиционная аргументация следователей, объясняющая редкое применение указанных мер, сводится к сомнениям в эффективности их воздействия на личность несовершеннолетнего правонарушителя. Данная позиция, как правило, опирается на следующие предположения:

- ограниченное влияние авторитета. Считается, что авторитет поручителя (родителя, опекуна, педагога) может быть недостаточным для сдерживания подростка от противоправного поведения, особенно в случаях, когда преступление совершено под влиянием сверстников или иных негативных факторов;

- недостаток осознанности. Предполагается, что несовершеннолетние в силу возрастных особенностей не всегда осознают всю меру ответственности, возлагаемую на них в связи с применением меры пресечения в виде личного поручительства или залога;

- отсутствие достаточных финансовых ресурсов. В отношении залога распространенной проблемой является отсутствие у семьи несовершеннолетнего достаточных средств для внесения требуемой суммы, что делает данную меру недоступной для значительной части подростков, совершивших преступления.

Критический анализ такой позиции выявляет ряд проблем. Во-первых, умаляется потенциал позитивного влияния института поручительства на формирование правосознания несовершеннолетнего. Участие значимого взрослого в жизни подростка, попавшего в сложную ситуацию, может стать важным фактором его исправления и возвращения к нормальной жизни. Во-вторых, не учитываются возможности индивидуального подхода к определению размера залога, который может быть адаптирован к финансовым возможностям семьи.

В свете сказанного перспективы повышения эффективности личного поручительства и залога в отношении несовершеннолетних могут выглядеть следующим образом:

1. Тщательный отбор поручителей. Необходимо разработать критерии оценки потенциальных поручителей, учитывающие их личностные качества, авторитет в глазах подростка, готовность к активному участию в процессе ресоциализации и способность обеспечить соблюдение несовершеннолетним условий, установленных судом.

2. Индивидуализация размера залога. Размер залога должен определяться с учетом материального положения семьи несовершеннолетнего и тяжести совершенного преступления. Необходимо предусмотреть возможность поэтапного внесения залога или использования в качестве залога ценного имущества.

3. Психологическое сопровождение. Важно обеспечить психологическое сопровождение как несовершеннолетнего, так и поручителя с целью повышения эффективности взаимодействия и оказания необходимой помощи в преодолении трудностей, возникающих в процессе применения меры пресечения.

4. Повышение правовой грамотности. Необходимо проводить разъяснительную работу с несовершеннолетними и их законными представителями о сущности и последствиях применения личного поручительства и залога.

Недооценка потенциала личного поручительства и залога в отношении несовершеннолетних правонарушителей является серьезной проблемой, препятствующей реализации принципов гуманизма и индивидуализации уголовного судопроизводства. Пересмотр сложившейся практики, разработка четких критериев применения данных мер пресечения, индивидуальный подход к каждому конкретному случаю, а также повышение правовой грамотности участников уголовного процесса позволят расширить сферу применения личного поручительства и залога, способствуя ресоциализации несовершеннолетних и снижению рецидивной преступности.

Дальнейшие исследования в этой области, направленные на изучение влияния различных факторов на эффективность применения данных мер пресечения, представляются крайне актуальными и необходимыми для совершенствования системы правосудия в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, проведенный в рамках исследования правовой анализ применяемых к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому мер пресечения отчетливо демонстрирует необходимость их модификации в отношении данного участника уголовного судопроизводства, которые, с одной стороны, смогли бы в должной степени обеспечить нормальное производство по уголовному делу, с другой – в максимально возможном варианте оказывали воспитательное воздействие на личность несовершеннолетнего правонарушителя.

Что касается роли следователя в контексте применения ограничительных мер процессуального характера в отношении несовершеннолетних, она сопряжена с рядом сложностей. Прежде всего речь идет о возрастных особенностях несовершеннолетних, их психоэмоциональном состоянии, а также уровне готовности идти на контакт со следователем. Законодатель при конструировании норм уголовно-процессуального права наделил следователя высоким уровнем ответственности, возлагаемой, в том числе и

при решении вопроса о выборе определенной меры пресечения. Усмотрение следователя в процессе принятия данного решения играет значительную роль, в особенности если речь идет о несовершеннолетнем нарушителе норм уголовного закона. Именно в рамках ювенального судопроизводства следователь как субъект, обладающий процессуальной независимостью, должен профессионально оценить фактические данные, установленные в рамках

осуществления предварительного следствия; определить юридически значимые факты совершенного преступления; учесть возрастные особенности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и только после этого, реализуя государственно-властные полномочия, основываясь на принципах уголовного судопроизводства, принять решение об избрании конкретной меры пресечения.

Список источников

1. Михайлова Т.Н., Грибунов О.П. Уголовно-процессуальные особенности задержания несовершеннолетнего лица // ЮРИСТЪ-ПРАВОВЕДЪ. 2021. № 1. С. 141–146.
2. Марковичева Е.В. К вопросу об участии в уголовном судопроизводстве по делам в отношении несовершеннолетних социальных работников // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 2. С. 11–15.
3. Николок В.В., Гусев В.А. Привлечение инспектора по делам несовершеннолетних органов внутренних дел к участию в работе следственно-оперативной группы // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 93–100.
4. URL: <https://krk.sledcom.ru/news/item/1921872/> (дата обращения: 15.04.2025).
5. Емельянова А.А. К вопросу о заключении под стражу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 218–224.
6. Марковичева Е.В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2011. 484 с.
7. Баланчук О.В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 250 с.
8. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2004–2024 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.12.2024).
9. Вастьянова О.Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России. М. : Юрлитинформ, 2024. 144 с.
10. Марковичева Е.В. Альтернативы заключению под стражу для несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2019. № 2. С. 8–11. EDN VPGKMO.
11. Калиновский К.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. EDN VPGKMO.
12. Михайлова Т.Н., Унжакова С.В. Уголовно-процессуальные особенности применения мер принуждения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому : учеб. пособие. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. 80 с.

References

1. Mikhailova, T.N. & Gribunov, O.P. (2021) Ugolovno-protsessual'nye osobennosti zaderzhaniya nesovershennoletnego litsa [Criminal Procedural Features of Detaining Minors]. *YURIST'-PRAVOVED*. 1. pp. 141–146.
2. Markovicheva, E.V. (2013) K voprosu ob uchastii v ugolovnom sudoproizvodstve po delam v otnoshenii nesovershennoletnikh sotsial'nykh rabotnikov [On the Participation of Social Workers in Criminal Proceedings Concerning Juveniles]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii*. 2. pp. 11–15.
3. Nikolyuk, V.V. & Gusev, V.A. (2022) Privlechenie inspektora po delam nesovershennoletnikh organov vnutrennikh del k uchastiyu v rabote sledstvenno-operativnoy gruppy [Involvement of Juvenile Affairs Inspector of Internal Affairs Bodies in the Work of Investigative-Operative Group]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 4 (64). pp. 93–100.
4. *Sledstvennyy komitet Rossiyskoy Federatsii* [Investigative Committee of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://krk.sledcom.ru/news/item/1921872/> (Accessed: 15.04.2025).
5. Emelyanova, A.A. (2020) K voprosu o zaklyuchenii pod strazhu nesovershennoletnego podozrevaemogo, obvinyaemogo [On the Issue of Detaining a Juvenile Suspect or Accused]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*. 2. pp. 218–224.
6. Markovicheva, E.V. (2011) *Kontseptual'nye osnovy yuvenalnogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Conceptual Foundations of Juvenile Criminal Proceedings]. Law Dr. Diss. Orenburg.
7. Balandyuk, O.V. (2015) *Ispolnenie mer ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya* [Execution of Criminal Procedural Coercion Measures]. Law Cand. Diss. Omsk.
8. Cdep.ru. (2024) *Osnovnye statisticheskie pokazateli deyatel'nosti sudov obshchey yurisdiktsii za 2004–2024 g.* [Key Statistical Indicators of General Jurisdiction Courts Activity for 2004–2024]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Accessed: 11.12.2024).
9. Vastyanova, O.D. (2024) *Zapret opredelennykh deystviy kak mera presecheniya v ugolovnom protsesse Rossii* [Prohibition of Certain Actions as a Restrictive Measure in Russian Criminal Procedure]. Moscow: YurLitinform.
10. Markovicheva, E.V. (2019) Alternativy zaklyucheniyu pod strazhu dlya nesovershennoletnikh [Alternatives to Detention for Juveniles]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii*. 2. pp. 8–11.
11. Kalinovskiy, K.B. (2018) *Zapret opredelennykh deystviy kak mera presecheniya* [Prohibition of Certain Actions as a Restrictive Measure]. *Ugolovnyy protsess*. 6.
12. Mikhailova, T.N. & Unzhakova, S.V. (2021) *Ugolovno-protsessual'nye osobennosti primeneniya mer prinuzhdeniya k nesovershennoletnemu podozrevaemому, obvinyaemому* [Criminal Procedural Features of Applying Coercive Measures to Juvenile Suspects and Accused]. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Информация об авторах:

Михайлова Т.Н. – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Вастьянова О.Д. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (Красноярск, Россия). E-mail: vas11le88@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.N. Mikhailova, Cand. Sci. (Pedagogics), docent, associate professor at the Criminal Procedure Department, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

O.D. Vastyanova, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Criminal Procedure Department, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: vas11le88@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.02.2025;
одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 27.02.2025;
approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.140.02

doi: 10.17223/23088451/25/12

К ВОПРОСУ О ДОКАЗЫВАНИИ ЭЛЕМЕНТОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Дмитрий Анатольевич Мезинов¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mez_da@mail.ru*

Аннотация. В статье применительно к доказыванию элементов субъективной стороны преступлений экстремистской направленности продемонстрированы некоторые негативные тенденции практической деятельности органов уголовного преследования и суда, а также выдвинуты предложения по их преодолению.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, субъективная сторона преступления, экстремистские преступления

Для цитирования: Мезинов Д.А. К вопросу о доказывании элементов субъективной стороны преступлений экстремистской направленности // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 70–74. doi: 10.17223/23088451/25/12

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/12

ON PROVING THE SUBJECTIVE ELEMENTS OF EXTREMIST CRIMES

Dmitry A. Mezinov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mez_da@mail.ru*

Abstract. The article demonstrates negative trends in the practical work of criminal prosecution authorities and courts concerning the proving of subjective elements of extremist crimes. Using two criminal cases involving public calls for extremist activities committed via the Internet as examples, the author reveals two interrelated trends. The first negative trend is the insufficiently critical assessment by criminal prosecution bodies and courts of forensic expert reports examining defendants' speech products in these cases. The second negative trend is these authorities' inadequate and superficial analysis of the contextual circumstances of actions deemed extremist, along with the personal characteristics of defendants. To address the first trend, the author emphasizes the crucial need to strictly adhere to the principle of free evaluation of evidence under Article 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and specifically emphasized regarding the assessment of expert conclusions in two rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation when proving extremist crimes. This requires accounting for the scientific and methodological shortcomings in linguistic, psychological, religious studies, historical and other forensic examinations of speech products conducted in such cases. Consequently, prosecution authorities and courts must pay closer attention to alternative forms of specialized knowledge application permitted by law, particularly specialist conclusions and testimony. This would enable them to evaluate existing expert reports more critically yet substantively. Regarding the second trend, the author stresses the mandatory proving of motives for all extremist crimes, as well as direct intent and purpose for most such offenses. Accurately establishing these subjective elements requires comprehensive analysis of the situational context of allegedly extremist actions and defendants' personal characteristics. This requirement mirrors provisions in a special ruling by the Plenum of the Supreme Court addressing this category of crimes.

Keywords: criminal procedural proving, subjective elements of crime, extremist crimes

For citation: Mezinov, D.A. (2025) On proving the subjective elements of extremist crimes. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 70–74. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/12

Сложности в доказывании элементов субъективной стороны преступления, таких как форма вины, мотив и цель преступления, в первую очередь, вызваны самим характером этих элементов, их отнесенностью к области психических явлений, устанавливаемых по конкретным уголовным делам лишь опосредованно через изучение их внешних проявлений в самом преступном деянии, а также в до- и постпреступных поведенческих актах

субъекта преступления. К сожалению, наряду с отмеченными объективно обусловленными трудностями, надлежащему установлению элементов субъективной стороны преступлений в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел могут мешать и определенные недостатки самой практической деятельности органов уголовного преследования и суда по доказыванию этих элементов преступлений. Причем

эти недостатки могут приобрести устойчивый, постоянно повторяющийся характер, проявляясь как негативные тенденции практической деятельности. Так, наличие такого рода негативных тенденций практики доказывания элементов субъективной стороны преступления применительно к преступлениям экстремистской направленности автор настоящей статьи предполагал, исходя из сведений, воспринятых из различных источников. Ознакомление с двумя уголовными делами, завершёнными постановлением обвинительных приговоров по преступлениям, квалифицированным как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», т.е. по ч. 2 ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], дало достаточно наглядные подтверждения наличия двух взаимосвязанных негативных тенденций практики доказывания элементов субъективной стороны преступлений экстремистской направленности.

Первая тенденция – недостаточная критичная оценка следователями, а затем прокурорами и судьями (далее по тексту перечисленные субъекты объединяются понятием «властные субъекты доказывания») заключений судебных экспертиз, проводимых в целях исследования продуктов речевой деятельности подозреваемых и обвиняемых по рассматриваемым уголовным делам. Другими словами, властные субъекты доказывания явно переоценивают возможности таких экспертиз и преувеличивают доказательственное значение получаемых по их итогам заключений экспертов. Имеются в виду наиболее часто проводимая лингвистическая экспертиза, а также психологическая, религиоведческая, историческая и некоторые другие виды экспертиз.

Вторая тенденция (заметно усиливающаяся проявлением первой) – недостаточно глубокий и всесторонний анализ и учет властными субъектами доказывания обстоятельств обстановки (конкретной ситуации) осуществления действий, оцениваемых как проявление экстремизма, а также характеристик личности обвиняемых, без чего невозможно точное и правильное установление обстоятельств субъективной стороны состава преступления. В частности, по изученным делам о преступлениях, квалифицированных по ч. 2 ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), просматривались недостаточный анализ и неучет контекста дискуссий в сообществах социальной сети и мессенджера, в рамках которых обвиняемыми были размещены перепосты с комментариями к ним, в которых были усмотрены признаки состава такого преступления.

Итак, обратимся к более подробному рассмотрению отмеченной первой тенденции. Учитывая, что большая часть составов преступлений экстремистской направленности связана с нарушением юдизированных норм социальной коммуникации, такие преступления часто выражаются в вербальной форме – включают в себя устные высказывания и письменные тексты запрещенного уголовным законом содержания и информационного статуса [2. С. 9]. Оценка властными субъектами доказывания вербальных действий как преступных, конечно,

требует использования специальных знаний в соответствующей области, наиболее устоявшейся и признанной формой которых в уголовном процессе выступает судебная экспертиза. Выводы проведенных в отношении вербальных продуктов человеческой коммуникации лингвистических, психологических, религиоведческих, исторических и некоторых других судебных экспертиз действительно значимы и, по сути, предопределяют констатацию властными субъектами доказывания наличия в этих продуктах признаков составов преступлений экстремистской направленности.

Несмотря на большую значимость перечисленных судебных экспертиз, властным субъектам доказывания при оценке выводов экспертов следует, во-первых, не забывать о закреплённом в ст. 17 действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3] принципе свободы оценки доказательств, специально оговоренном применительно к оценке заключений экспертов в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» [4] и п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [5]. Руководствуясь положениями, отражающими этот принцип, ни одно из доказательств, в том числе заключение эксперта, не следует считать имеющим заранее установленную силу и приоритет над другими доказательствами, и, как и все иные доказательства, заключение эксперта должно оцениваться по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. Тем более, на вопросы правового характера властные субъекты доказывания должны отвечать самостоятельно и не копируя выводы заключений экспертов. Во-вторых, учитывать, что методическое обоснование судебных экспертиз, проводимых в отношении вербальных продуктов человеческой коммуникации, несмотря на наработанную экспертную практику части из них (имеется в виду лингвистическая экспертиза), не исключает возможных неоднозначности и субъективизма в выводах эксперта. Вызвано это во многом известными оценочностью и динамизмом (можно сказать чрезмерным) многих понятий антиэкстремистского законодательства, а также имеющимися проблемами в профильных по отношению к данным экспертизам гуманитарных науках с их высокой опять-таки субъективностью, слабой формализацией и систематизацией [2. С. 10]. В середине 10-х годов текущего века отмечалось, что ни по одной категории дел не было столь бурно обсуждаемых заключений экспертов и такого количества противоречивых, в том числе непрофессиональных заключений, повлекших широкий общественный и даже политический, иногда скандальный резонанс судебных дел, по которым проводились такие экспертизы [2. С. 7]. Пожалуй, на данный момент эти высказывания по-прежнему актуальны.

Так, в первом из изученных уголовных дел на основании вывода эксперта-лингвиста в качестве одного из двух эпизодов публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности обвиняемому был вменен

произведенный им в 2021 г. в соцсети «ВКонтакте» комментарий, относящийся к известным историческим событиям аж октября 1993 г. у «Белого дома» в Москве [6]. Во втором (довольно резонансном) уголовном деле вывод эксперта-лингвиста также привёл к тому, что властные субъекты доказывания, как говорится, ничтоже сумняшеся признали публичным призывом к осуществлению экстремистской деятельности комментарий обвиняемого «за такое расстреливать мало» к сделанному им перепосту в мессенджере «Телеграм» о невыплате положенного по закону довольствия военнослужащим одной из частей Вооруженных Сил РФ, участвующих в специальной военной операции (далее – СВО). Такая оценка этого комментария броско противоречит решениям об отказе в возбуждении уголовных дел в отношении некоторых депутатов Государственной Думы РФ, допустившим (и по-прежнему допускающим) аналогичные эмоциональные суждения (по другим поводам) в своей публичной деятельности.

Полагая, преодолению рассмотренной первой негативной тенденции помогло бы более внимательное отношение властных субъектов доказывания (особенно судов) к иным альтернативным формам использования специальных знаний, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). Имеются в виду заключения специалистов, а также их показания, полученные на их допросах в качестве свидетелей (собственно допрос специалиста УПК РФ не предусмотрен). Это позволило бы властным субъектам доказывания более критично и свободно, но при этом достаточно обоснованно относиться к уже имеющемуся в уголовном деле заключению эксперта и не следовать ему слепо при вынесении основных процессуальных решений по делу. Кроме того, при необходимости перепроверять и опровергать выводы эксперта в своих выводах по делу, если и не с помощью прямых ссылок на заключения и показания специалистов, то через использование выводов повторных (или дополнительных) экспертиз, назначение которых можно обосновать критическими суждениями из заключений и показаний специалистов. К сожалению, сложившейся следственной и судебной практикой сформировано в целом недостаточно положительное восприятие властными субъектами доказывания заключений и показаний специалиста как видов доказательств и по другим категориям уголовных дел. Чему в известной степени способствует провозглашение приоритета (по сути, чрезмерного) над ними заключения эксперта в упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28. Но и эту общую негативную тенденцию в направлении совершенствования процесса доказывания по всем уголовным делам, как говорится, рано или поздно необходимо преодолевать. По уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности актуальность такого преодоления явно назрела.

Теперь рассмотрим вторую отмеченную в начале статьи негативную тенденцию, имеющую место в практике доказывания по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности. Данная тенденция, в

отличие от предыдущей, является ещё более непосредственным препятствием на пути надлежащего установления элементов субъективной стороны, в первую очередь, формы вины, в преступлениях экстремистской направленности. Здесь же надо добавить, что, несмотря на невключение в часть составов таких преступлений мотива и цели преступления в качестве их обязательных элементов, фактическое установление мотивов и целей данных преступлений в уголовных делах по ним чрезвычайно важно. Как известно, мотивы и цели преступления во многом определяют форму вины лица [7. С. 9; 8. С. 8], и, более того, цель преступления является однозначным критерием констатации прямого умысла в действиях лица – именно такая форма вины присутствует (и должна присутствовать) в большинстве составов преступлений экстремистской направленности. Обязательность доказывания мотивов совершения преступления по всем преступлениям экстремистской направленности, а также прямого умысла (а значит, и цели) по большинству составов таких преступлений утверждается и разъясняется в п. 3 и 8 упомянутого выше специального принятого для уголовных дел о преступлениях данной категории Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11.

Для надлежащего установления формы вины, мотивов и целей преступления требуются глубокий и всесторонний анализ и учет обстоятельств обстановки (конкретной ситуации) осуществления действий, оцениваемых как проявление экстремизма, а также характеристик личности обвиняемых. Вторая негативная тенденция и заключается в недостатках такого анализа и учета, при этом она в немалой степени усиливается показанной выше первой тенденцией, выражающейся в недостаточно критичной оценке и преувеличении доказательственного значения заключения эксперта. Однако здесь возможно и обратное влияние: первую тенденцию в производстве по конкретному уголовному делу можно нивелировать преодолением второй тенденции. В частности, по делам о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, даже при неkritичном принятии выводов эксперта о наличии признаков, указывающих на проявление экстремизма в действиях вербального характера (что относится, по сути, к объективной стороне состава преступления), все-таки путём глубокого и всестороннего анализа и учета контекста дискуссий в сообществах соцсетей и мессенджеров, в рамках которых обвиняемыми осуществлены эти вербальные действия, а также характеристик их личностей властные субъекты доказывания все-таки могут и должны делать самостоятельные, не зависящие от заключения эксперта выводы о мотивах, целях этих действий, о наличии или отсутствии в них прямого умысла на совершение преступления. Собственно всестороннего учета обстоятельств конкретной ситуации размещения оцениваемой на наличие экстремистских призывов информации в сети Интернет или иной информационно-телекоммуникацион-

ной сети, а также данных о личности обвиняемого требует и Пленум Верховного Суда РФ в абз. 3 п. 8 упомянутого выше Постановления от 28.06.2011 г. № 11.

Между тем на примере упомянутых выше изученных уголовных дел о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности такое преодоление описанных негативных тенденций не произошло, напротив, вторая тенденция нашла своё явное проявление, никак не обеспечив преодоление первой тенденции. Так, в обоих делах властные субъекты доказывания не учли и не оценили надлежащим образом данные самими обвиняемыми в своих показаниях объяснения целей размещения ими перепостов и комментариев в соцсети и мессенджере.

В первом уголовном деле обвиняемый показал, что своим комментарием, относящимся к событиям октября 1993 г. у «Белого дома» в Москве, он хотел показать последствия, к которым может привести развитие политической ситуации в стране по обсуждаемому на странице сообщества в соцсети «ВКонтакте» сценарию. Относительно же второго вмененного ему в вину перепоста на странице сообщества в мессенджере «Телеграм» он пояснил, что хотел и преследовал цель призвать участников сообщества к его обсуждению, в том числе к критической оценке некоторых действительно опасных для общества суждений в этом перепосте. Иные обстоятельства размещения этих комментариев и перепоста также не давали оснований для однозначного вывода о наличии у него цели побудить (призвать) кого-либо именно к совершению экстремистских действий. Не могли коррелировать с такой целью и положительные характеристики личности обвиняемого, бывшего госслужащего, долгое время надлежащим образом осуществлявшего трудовую деятельность в сфере молодежной политики в департаменте администрации города, по своим ценностным ориентациям являющегося патриотом страны, сторонником и пропагандистом здорового образа жизни.

Во втором упомянутом выше уголовном деле обвиняемый также отрицал наличие у него цели побудить (призвать) кого-либо к совершению вменённых ему экстремистских действий в отношении «социальной группы лиц

чиновников государства», т.е. государственных служащих. Мотивом (и отдаленной целью) сделанных им перепоста в мессенджере «Телеграм» и эмоционального комментария к нему он называл желание привлечь внимание к действительно незаконному и недопустимому (в условиях проведения СВО) бездействию органов военного управления в части обязанности своевременно выплачивать жалование военнослужащим. Усмотрение властными субъектами доказывания в перепосте и комментарии обвиняемого цели побудить (призвать) кого-либо к совершению экстремистских действий против государственных служащих (т.е., по сути, против государства как политического института), даже при согласии с заключением эксперта-лингвиста о наличии в данных перепосте и комментарии признаков, указывающих на проявление экстремизма, также явно не коррелировало с положительными характеристиками личности обвиняемого. Материалы уголовного дела содержали сведения о широкой известности обвиняемого общественности как безусловного патриота России, что подтверждалось его соответствующим активным участием в событиях 2014 г. на Донбассе, и государственника – противника всякого насильственного противодействия органам государственной власти, как угрожающего беспорядкам и хаосу в обществе, что подтверждалось его последовательной и оперативной негативной оценкой попытки государственного переворота со стороны руководства ЧВК «Вагнер» в июне 2023 г.

Таким образом, по изученным уголовным делам прямой умысел в описанных эпизодах вербальных действий обвиняемых, квалифицированных как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, установлен не был, поскольку не были надлежащим образом установлены мотивы и цели, соответствующие совершению таких преступных действий. К сожалению, следует признать, что по этим делам органы уголовного преследования, а затем и суда, не доказав надлежащим образом наличие обязательных элементов субъективной стороны состава преступления, нарушили закрепленный в ст. 5 УК РФ принцип вины, допустив запрещенное в ч. 2 этой статьи так называемое объективное вменение.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // CONSULTANT.RU : официальный сайт компании «КонсультантПлюс». М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 23.04.2025).
2. Судебная экспертиза по делам о преступлениях экстремистской направленности / О.Н. Матвеева, Н.В. Вязигина, М.М. Градусова, А.А. Королев, Я.О. Шашкова, Е.И. Шмидт ; под ред. О.Н. Матвеевой. Барнаул : Новый формат, 2016. 351 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // CONSULTANT.RU : официальный сайт компании «КонсультантПлюс». М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 23.04.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» // CONSULTANT.RU : официальный сайт компании «КонсультантПлюс». М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712 (дата обращения: 23.03.2025).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // CONSULTANT.RU : официальный сайт компании «КонсультантПлюс». М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/?ysclid=m7iu8n6jg1418587780 (дата обращения: 23.04.2025).
6. Уголовное дело № 1-115/2024 // Архив Октябрьского районного суда г. Томска.
7. Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 45 с.
8. Соколова О.В. Уголовно-правовой аспект мотивации преступного поведения и проблемы доказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 28 с.

References

1. Consultant Plus. (2025) *Criminal Code of the Russian Federation*. No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 21.04.2025). [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (Accessed: 23.04.2025). (In Russian).
2. Matveeva, O.N. et al. (2016) *Sudebnaya ekspertiza po delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlenosti* [Forensic Examination in Cases of Extremist Crimes]. Barnaul: Novyy format.
3. Consultant Plus. (2025) *Criminal Procedure Code of the Russian Federation*. No. 174-FZ of 18.12.2001 (as amended on 20.03.2025). [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (Accessed: 23.04.2025). (In Russian).
4. Consultant Plus. (2025) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation*. No. 11 of 28.06.2011 (as amended on 28.10.2021) "On Judicial Practice in Criminal Cases of Extremist Orientation". [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712 (Accessed: 23.03.2025). (In Russian).
5. Consultant Plus. (2025) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation*. No. 28 of 21.12.2010 (as amended on 29.06.2021) "On Forensic Examination in Criminal Cases". [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (Accessed: 23.04.2025).
6. Archive of Oktyabrsky District Court of Tomsk. *Criminal Case No. 1-115/2024*. (In Russian).
7. Sklayrov, S.V. (2004) *Vina i motivy prestupnogo povedeniya kak osnovanie differentsiatsii i individualizatsii ugolovnoy otvetstvennosti* [Guilt and Motives of Criminal Behavior as Basis for Differentiation and Individualization of Criminal Responsibility]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
8. Sokolova, O.V. (2003) *Ugolovno-pravovoy aspekt motivatsii prestupnogo povedeniya i problemy dokazyvaniya* [Criminal-Legal Aspect of Motivation of Criminal Behavior and Problems of Proof]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.

Информация об авторе:

Мезинов Д.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mez_da@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.A. Mezinov, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Activities, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.03.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 26.03.2025;
approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.131

doi: 10.17223/23088451/25/13

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗАЩИТНИКОМ МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА КАК СРЕДСТВА ФИКСАЦИИ ПРИ УЧАСТИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вероника Владимировна Ясельская¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, yaselskaya@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования адвокатом-защитником мобильного телефона для обеспечения объективной фиксации хода и результатов следственного действия. Анализируются возможности защитника, участвующего в следственном действии, проводить аудио- и видеозапись, а также копировать протокол следственного действия по окончании его производства. Автором обозначены проблемы, связанные с реализацией стороной защиты права использовать технические средства, и внесены предложения по совершенствованию норм УПК РФ.

Ключевые слова: адвокат-защитник, мобильный телефон, средства фиксации, следственное действие, следователь

Для цитирования: Ясельская В.В. Об использовании защитником мобильного телефона как средства фиксации при участии в производстве следственных действий // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 75–78. doi: 10.17223/23088451/25/13

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/13

ON THE DEFENSE ATTORNEY'S USE OF MOBILE PHONES AS DOCUMENTATION TOOLS DURING INVESTIGATIVE ACTS

Veronika V. Yaselskaya¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, yaselskaya@mail.ru*

Abstract. The defense attorney's right to document the process and results of an investigative act, including through the use of a mobile phone, is not explicitly codified but also not prohibited under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The lack of clear legislative regulation has sparked debate among both legal scholars and practitioners. Attempts by defense attorneys participating in procedural actions to activate a voice recorder, photograph the investigative act protocol, or record instances of misconduct by officials often lead to conflicts. To address this issue, the law should formally recognize defense attorneys' right to use technical devices during investigative acts. Permitting defense attorneys to use mobile phones as documentation tools when participating in investigative acts would help prevent abuses by officials, ensure objective recording of investigative acts, and enable proper preparation for upcoming judicial proceedings.

Keywords: defense attorney, mobile phone, documentation tools, investigative act, investigator

For citation: Yaselskaya, V.V. (2025) On the defense attorney's use of mobile phones as documentation tools during investigative acts. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 75–78. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/13

Современному человеку сложно представить жизнь без мобильного телефона, который уже давно перестал быть просто средством для связи. В современные телефоны заложена возможность фотографирования, аудио- и видеозаписи, в результате чего они заменили большое количество устройств: фотоаппараты, видеокамеры, диктофоны и др. Телефон существенно облегчает жизнь, экономит время, значительно расширяет возможности, и особенно это значимо для профессиональных юристов. Поэтому актуальным и, как показала практика, весьма острым, является вопрос о возможно-

сти защитника использовать телефон как средства фиксации, в частности, при производстве следственных действий, поскольку участие в следственных действиях, несмотря на расширение познавательных возможностей защитника, остается действенным и основным способом установления обстоятельств, говорящих в пользу подзащитного.

В связи с этим возникает вопрос: может ли участвующий в следственном действии адвокат-защитник включить диктофон, сфотографировать протокол следственного действия или заснять на камеру факт наруше-

ния, допущенного должностным лицом, осуществляющим производство по делу? В УПК РФ и Законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» однозначного ответа на этот вопрос нет.

Права защитника, участвующего в следственном действии, перечислены в ч. 2 ст. 53 УПК РФ. Так, в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному он вправе давать обвиняемому (подозреваемому) в присутствии следователя, дознавателя краткие консультации, задавать с разрешения следователя, дознавателя вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия.

Право защитника, участвующего в следственном действии, фиксировать ход и результаты следственного действия, в том числе с помощью технических средств, прямо не закреплено в ч. 2 ст. 53 УПК РФ, но и не запрещено уголовно-процессуальным законом. Так, согласно п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, защитник вправе использовать иные не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты.

Согласно п. 6 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», адвокату предоставлено право фиксировать информацию (в том числе с помощью технических средств), содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну. Однако анализ данной нормы также не позволяет сделать однозначный вывод, является ли оно автономным или это лишь средство реализации права адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела по окончании расследования.

Отсутствие четкой регламентации в законодательстве вызывает споры как в научной среде, так и у практикующих юристов. Попытки адвокатов, участвующих в процессуальных действиях, включить телефон могут создавать конфликтные ситуации. Так, например, вопиющий инцидент произошел в Ставрополе, когда адвокат Оксана Шаула в ходе допроса обвиняемого, с целью зафиксировать незаконные действия сотрудников правоохранительных органов, включила видеокамеру, вследствие чего оперативник, незаконно присутствующий на допросе, выбил из ее рук телефон, который ударился об стену, и затем вытолкнул адвоката из кабинета следователя [1].

В юридической литературе по этому вопросу существует две противоположные точки зрения. Так, В.А. Калюжная считает, что применение защитником, участвующим в следственном действии, аудио- и видеозаписи, с одной стороны, может предупредить искажение информации в протоколе, с другой стороны, может привести к разглашению тайны следствия. Поэтому, по ее мнению, применение техники, когда следствие еще не окончено, возможно лишь с разрешения следователя [2. С. 84].

А.А. Давлетов также считает, что проведение фото- и видеосъемки при производстве следственных действий – прерогатива следователя, защитник лишь вправе применять технические средства по окончании следственного действия для копирования материалов, полученных при его проведении. Автор отмечает, что «...за-

конодатель ясно и однозначно наделяет следователя статусом государственно-властного “хозяина” дела, исполняющего руководящую роль в производимом им действии, и предоставляет ему необходимый набор полномочий... защитнику отводится второстепенная роль с ограниченными возможностями и обязанностью выполнять законные требования следователя» [3. С. 45]. Бесспорно, что следователь – ключевая фигура уголовного судопроизводства. Как верно отмечает Н.А. Колоколов, от деятельности следователя зависят перспективы возбуждения дела, его добросовестного (недобросовестного) расследования и в конечном счете – итог судебного разбирательства [4]. Вот только сможет ли адвокат с «ограниченными возможностями» осуществлять эффективную защиту?

Что касается возможности защитника копирования материалов по окончании следственного действия – полностью разделяем мнение А.А. Давлетова [3. С. 46]. Данный вывод автора основан на позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении от 24.02.2005 № 133-О [5], в соответствии с которой возможность реализации права обвиняемого снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств, не может быть связана с одной или несколькими стадиями уголовного процесса. Таким образом, обвиняемый вправе получать копии материалов уголовного дела, с которыми он имеет право знакомиться в ходе предварительного расследования.

В соответствии с другой точкой зрения, адвокату-защитнику, участвующему в производстве следственного действия, можно не только копировать материалы, но и применять другие способы фиксации, в том числе аудио- и видеозапись [6. С. 19].

Следует согласиться с выводом А.В. Рагулина, что запрет на использование технических средств в современном российском уголовном процессе при нынешнем уровне развития науки и техники представляется явным анахронизмом. Проблемы же, непосредственно связанные с реализацией права защитника использовать технические средства, по мнению автора, во многом обусловлены укоренившимися в правоприменительной практике ограничительным толкованием п. 6 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [7. С. 325].

Как было отмечено выше, ввиду отсутствия четкой регламентации полномочий защитника, участвующего в следственном действии, на практике вопрос о возможности использования им технических средств также решается неоднозначно. Так, следователи зачастую запрещают адвокатам производить аудио- и видеозапись во время производства следственного действия, обвиняют их в нарушении УПК РФ и Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокаты, в свою очередь, обжалуют решения следователей. Все это неизбежно создает конфликтные ситуации и приводит к затягиванию сроков расследования. Один из таких случаев опубликован на страницах Адвокатской газеты [8].

В связи с этим является интересной и имеющей под собой основу позиция Совета Адвокатской палаты

г. Москвы, в соответствии с которой применение адвокатом технических при проведении следственных действий не запрещено законом, кроме того, их активное использование может способствовать повышению уровня оказания квалифицированной юридической помощи. Так, проводя аналогию, Совет АП г. Москвы обратил внимание, что уголовно-процессуальное законодательство прямо не предусматривает использование защитником в ходе проведения следственного действия, например, ручки и бумаги для фиксации хода, содержания и результатов следственного действия. Несмотря на это, такой способ повсеместно применяется в адвокатской практике и не вызывает какого-либо возражения со стороны следователей. Между тем правовое основание для использования ручки и бумаги в качестве способа фиксации хода, содержания и результатов следственного действия аналогично диктофону – этот способ не предусмотрен, но и не запрещен уголовно-процессуальным законодательством [9].

Для того чтобы на практике не возникало разногласий и конфликтных ситуаций по поводу использования защитником мобильного телефона как средства фиксации хода и результатов следственных действий, в кото-

рых он участвует, необходимо в законе регламентировать право защитника использовать технические средства при производстве следственных действий.

Минюстом России в 2019 г. был разработан законопроект о внесении изменений в УПК, устанавливающих дополнительные гарантии реализации принципа состязательности сторон, в частности, предлагается часть первую ст. 53 УПК дополнить п. 6.1 следующего содержания: «6.1) осуществлять аудио-, видеозапись следственного действия с участием подозреваемого, обвиняемого» [10].

Представляется, что данное положение в целом заслуживает поддержки. Также необходимо закрепить в данном пункте право защитника копировать материалы (протокол) по окончании следственного действия, в котором он участвовал.

Возможность использования защитником мобильного телефона как средства фиксации при участии в следственном действии будет способствовать предотвращению злоупотреблений со стороны должностных лиц, объективной фиксации хода и результатов следственного действия, а также позволит ему надлежащим образом подготовиться к предстоящему судебному разбирательству.

Список источников

1. Павлова З. В ходе допроса подзащитного присутствовавший на нем оперативник грубо нарушил права адвоката // Адвокатская газета. 2022. 6 сент. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-khode-doprosa-podzashchitnogo-prisutstvovavshiy-na-nem-operativnik-grubo-narushil-prava-advokata/> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Калюжная В.А. Процессуальные и тактические проблемы участия защитника в следственных действиях : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. 153 с.
3. Давлетов А.А. Право адвоката применять технические средства при производстве следственных действий // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 44–48.
4. Колоколов Н.А. В поисках модели уголовного процесса: предварительное расследование – «новое», проблемы – «старые» // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 3–8.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 № 133-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляшенко Артура Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
6. Рагулин А.В. Право адвоката-защитника на использование технических средств: проблемные вопросы реализации и пути их решения // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2(25).
7. Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника в РФ: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 462 с.
8. Нагорная М. АП Краснодарского края указала, что адвокат может использовать диктофон без разрешения следователя // Адвокатская газета. 2020. 3 авг. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ap-krasnodarskogo-kрая-ukazala-cto-advokat-mozhet-ispolzovat-diktofon-bez-razresheniya-sledovatelya/> (дата обращения: 05.03.2025).
9. Адвокатский диктофон приравняли к ручке и бумаге при фиксации следственных действий // Официальный сайт адвокатской палаты г. Москвы. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/smi/5985/> (дата обращения: 05.03.2025).
10. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон)» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 01/05/09-20/00107783) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 01.09.2020) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

References

1. Pavlova, Z. (2022) V khode doprosa podzashchitnogo prisutstvovavshiy na nem operativnik grubo narushil prava advokata [During the Interrogation of the Client, the Present Operative Grossly Violated the Lawyer's Rights]. *Advokatskaya gazeta*. 6 September. [Online] Available from: <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-khode-doprosa-podzashchitnogo-prisutstvovavshiy-na-nem-operativnik-grubo-narushil-prava-advokata/> (Accessed: 05.03.2025).
2. Kalyuzhnaya, V.A. (1998) *Protsessual'nye i takticheskie problemy uchastiya zashchitnika v sledstvennykh deystviyakh* [Procedural and Tactical Problems of Defense Counsel Participation in Investigative Actions]. Law Cand. Diss Krasnodar.
3. Davletov, A.A. (2020) *Pravo advokata primenyat' tekhnicheskie sredstva pri proizvodstve sledstvennykh deystviy* [The Right of a Lawyer to Use Technical Means During Investigative Actions]. *Advokatskaya praktika*. 2. pp. 44–48.
4. Kolokolov, N.A. (2018) V poiskakh modeli ugodovnogo protsessa: predvaritel'noe rassledovanie – "novoe", problemy – "starye" [In Search of a Criminal Procedure Model: Preliminary Investigation - "New", Problems - "Old"]. *Ugodovnoe sudoproizvodstvo*. 2. pp. 3–8.
5. Consultant Plus. (2005) *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 133-O of 24.02.2005*. Available from: Consultant Plus legal reference system.
6. Ragulin, A.V. (2012) *Pravo advokata-zashchitnika na ispol'zovanie tekhnicheskikh sredstv: problemnye voprosy realizatsii i puti ikh resheniya* [The Right of Defense Counsel to Use Technical Means: Implementation Issues and Solutions]. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*. 2 (25). pp. 8–12.
7. Ragulin, A.V. (2015) *Professional'nye prava advokata-zashchitnika v RF: voprosy teorii i praktiki* [Professional Rights of Defense Counsel in the Russian Federation: Theoretical and Practical Issues]. Law Dr. Diss. Moscow.

8. Nagornaya, M. (2020) AP Krasnodarskogo kraia ukazala, chto advokat mozhet ispol'zovat' diktofon bez razresheniya sledovatelya [Krasnodar Territory Bar Association Indicated That a Lawyer Can Use a Voice Recorder Without Investigator's Permission]. *Advokatskaya gazeta*. 3 August. [Online] Available from: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ap-krasnodarskogo-kraia-ukazala-chto-advokat-mozhet-ispolzovat-diktofon-bez-razresheniya-sledovatelya/> (Accessed: 05.03.2025).
9. Advokatymoscow.ru. (2025) *Advokatskiy diktofon priravnyali k ruchke i bumage pri fiksatsii sledstvennykh deystviy* [Lawyer's Voice Recorder Equated to Pen and Paper for Recording Investigative Actions]. [Online] Available from: <https://www.advokatymoscow.ru/press/smi/5985/> (Accessed: 05.03.2025).
10. Consultant Plus. (n.d.) *Draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (Regarding Additional Guarantees for Implementing the Adversarial Principle)"*. [Online] Available from: Consultant Plus legal reference system. (In Russian).

Информация об авторе:

Ясельская В.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yaselskaya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Yaselskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Activities, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yaselskaya@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.03.2025;
одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 03.03.2025;
approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/25/14

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, ИМЕЮЩИЕ ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ В ОТНОШЕНИИ НЕГО МЕР ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ

Александр Олегович Долматов¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, adeostomsk55555@yandex.ru*

Аннотация. Закрепленные в законе виды probation требуют анализа критериев учета личностных особенностей, а также самих обстоятельств, характеризующих личность осужденного, поскольку именно эти обстоятельства являются «точкой опоры» для эффективного осуществления ресоциализации, что и является основной целью probationных мероприятий.

Ключевые слова: исполнительная probation, пенитенциарная probation, постпенитенциарная probation, ресоциализация, социальные роли

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>.

Для цитирования: Долматов А.О. Особенности личности преступника, имеющие правовое значение при применении в отношении него мер пенитенциарной probation // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 79–83. doi: 10.17223/23088451/25/14

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/14

LEGALLY RELEVANT PERSONAL CHARACTERISTICS OF OFFENDERS IN THE APPLICATION OF PENITENTIARY PROBATION MEASURES

Aleksandr O. Dolmatov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, adeostomsk55555@yandex.ru*

Abstract. The implementation of executive, penitentiary, and post-penitentiary probation measures requires a thorough examination of the circumstances that form the demographic background, psychological profile, and social roles of a convicted individual. Identifying the factors relevant for selecting effective probation measures can only be achieved through a unified and scientifically grounded approach to defining the offender's personality and the scope of its assessment for probation purposes. Different combinations of data reflecting an individual's social-typological, moral-psychological, and socio-role characteristics determine the appropriateness of applying specific penitentiary probation measures. The author analyzes various academic approaches to defining the concept of an offender's personality, its key characteristics, and the specific circumstances that constitute these traits. These factors should guide practitioners in implementing legally established penitentiary probation measures. The examined personal circumstances of convicts eligible for penitentiary probation are crucial for selecting (or assisting the convict in selecting) probationary interventions that are most likely to facilitate successful reintegration.

Keywords: executive probation, penitentiary probation, post-penitentiary probation, reintegration, social roles

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>

For citation: Dolmatov, A.O. (2025) Legally relevant personal characteristics of offenders in the application of penitentiary probation measures. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 79–83. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/14

Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» закрепляет три вида probation, применяемой в отношении лиц, столкнув-

шихся с уголовно-исполнительной системой: исполнительная probation, пенитенциарная probation и постпенитенциарная probation.

Основаниями применения исполнительной и постпенитенциарной probation являются обращения лиц, совершивших преступление, в уполномоченные государственные органы.

Однако в гл. 4 Федерального закона № 10-ФЗ, регламентирующей особенности реализации пенитенциарной probation, отсутствует статья, закрепляющая основания ее применения.

Согласно ст. 13 указанного Федерального закона, пенитенциарная probation осуществляется по следующим основным направлениям:

1) проведение социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы, оказание им психологической помощи в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством;

2) социальная реабилитация осужденных, отбывающих наказания;

3) подготовка осужденных к освобождению из учреждений, исполняющих наказания, и оказание осужденным содействия в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве [1].

В учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в целях ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации после освобождения проводится социальная и воспитательная работа с осужденными. Отсутствие обязательного заявительного порядка характерно для осуществления probationной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ, лишения свободы.

В остальных случаях, касающихся организации социальной реабилитации осужденных, их подготовки к освобождению из учреждений, исполняющих наказания и оказание им содействия в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве, осужденный в письменной форме уведомляется о праве на обращение к администрации учреждения, исполняющего соответствующее уголовное наказание, с заявлением о применении в отношении него мер probation.

Таким образом, пенитенциарная probation частично реализуется вне зависимости от наличия обращения осужденного, частично по соответствующему обращению.

Вместе с тем для обоих случаев целесообразна выработка критериев учета особенностей личности, имеющих уголовно-правовое значение при выборе мер probation, подлежащих применению в отношении осужденного.

Изложенное актуализирует проблему пределов изучения и учета личности при применении мер probationной probation. Представляется верным суждение Н.Т. Ведерникова, который еще в 1978 г. указывал на то, что при определении предмета изучения личности мы сталкиваемся с трудностями двоякого рода: с одной стороны, необходимо иметь возможно больше разносторонней информации о личности, а с другой – учитывать жестко регламентированные специфические условия судопроизводства и в особенности короткий отрезок времени на изучение [2].

Разработкой проблемы личности преступника в отечественной криминологии занимались Ю.М. Антонян,

Г.Г. Бочкарева, А.И. Долгова, С.А. Домахин, К.Е. Игошев, Н.С. Лейкина, Л.М. Прокументов, А.Б. Сахаров, В.Д. Филимонов и др.

Необходимо отметить дискуссионный характер вопроса о понятии личности преступника. Некоторые авторы считают, что личность преступника – это собирательное, статистически значимое правовое понятие, которое означает, что лицо совершило преступление, и не более того. Поэтому, по мнению этих криминологов, исследования должны быть сосредоточены на изучении социально-психологического механизма индивидуального преступного поведения, отражающего взаимодействие свойств личности с ситуацией совершения преступления [3. С. 5].

Другие исследователи полагают, что необходимо расширить предмет криминологии и включить в него не только изучение преступников, но и лиц, predisposed к совершению преступлений [4. С. 112].

Позиция последней группы авторов представляется наиболее предпочтительной. Среднестатистический «портрет» преступника, включающий как правовые, так и социальные свойства, позволяет установить, какие свойства личности и в какой степени задействованы в механизме преступного поведения, а также определить наиболее криминогенные группы населения, что имеет большое значение для определения направлений профилактики преступности [5. С. 32].

Личность преступника (лица, совершившего преступление) понимается нами как совокупность негативных социальных и социально-психологических свойств и качеств человека, которые во взаимодействии с конкретной жизненной ситуацией привели его к совершению преступления.

В криминологии общепринятым считается выделение трех основных блоков, используемых при характеристике личности: социально-типологическая, нравственно-психологическая и социально-ролевая характеристики личности [6. С. 87].

Представляется, что личность преступника должна рассматриваться в разрезе указанных характеристик не только при решении вопроса о применении в отношении него уголовного наказания или иных мер уголовно-правового воздействия, но и при определении целесообразности осуществления probationных мероприятий. Различные сочетания данных, характеризующих личность с позиций социально-типологической, нравственно-психологической, социально-ролевой характеристик, определяют целесообразность применения в отношении лица тех или иных мероприятий в рамках probationной probation.

Среди показателей социально-демографической характеристики первостепенное значение имеет возраст.

К примеру, степень личностной негативной деформации несовершеннолетнего, как правило, ниже, чем у взрослого. Кроме того, личность подростка всегда в большей или меньшей степени находится в процессе формирования. Поэтому такие probationные мероприятия, осуществляемые в период отбывания наказания, как проведение социальной и воспитательной работы в

целях ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, могут быть наиболее эффективны в отношении несовершеннолетних (или лиц молодого возраста).

Воспитательная работа в рамках осуществления пробационных мероприятий может быть эффективно реализована только в отношении лиц молодого возраста.

Поведение несовершеннолетних, в том числе преступное поведение, часто обусловлено именно возрастными особенностями. Законодатель, учитывая данные особенности, формулирует сокращенный перечень видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним, и их уменьшенный размер, возможность применения к несовершеннолетним при освобождении их судом от уголовной ответственности или от наказания принудительных мер воспитательного воздействия, сокращенные сроки давности привлечения к уголовной ответственности, сроки погашения судимости и другие особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, более щадящие по сравнению с уголовно-правовыми мерами, применяемыми ко взрослым преступникам.

Вместе с тем эти особенности (склонность к подражанию, подверженность влиянию взрослых и т.п.) могут быть эффективно использованы в рамках осуществления мероприятий пенитенциарной пробации при условии системного и профессионального подхода к осуществлению реабилитирующего психологического воздействия на личность несовершеннолетнего осужденного при применении этих мероприятий.

Представляется, что разница в возрастных особенностях, характеризующих старший подростковый и ранний юношеский возраст, существенна и должна учитываться при выборе конкретных мер и способов психологической помощи.

Часто совершение преступлений лицами старшего подросткового возраста обусловлено не стойкой антиобщественной направленностью личности, а наличием таких возрастных особенностей, как возбудимость, аффективность, неадекватная реакция на ту или иную жизненную ситуацию. Данные особенности более характерны для подросткового, чем для юношеского возраста.

Следующее обстоятельство, имеющее уголовно-правовое значение с позиции целесообразности применения пробационных мероприятий, – место жительства. В этой связи большое значение имеет наличие или отсутствие жилья у лица. Во втором случае мероприятия пенитенциарной пробации не предполагают прямое обеспечение жилыми помещениями, но косвенно направлены на решение жилищного вопроса: организация получения среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, прохождения профессионального обучения в соответствии с законодательством Российской Федерации; содействие в получении высшего образования; организация мероприятий, способствующих трудоустройству осужденных после их освобождения, и т.д.

Вместе с тем уголовно-правовое значение имеет и место жительства лица. Если в населенном пункте, в котором проживает осужденный, фактически отсутствует

возможность для осуществления трудовой деятельности после отбытия наказания (например, село или деревня, в которой отсутствуют потенциальные работодатели), сложно ожидать эффективной реализации мер социально-трудовой реабилитации с возвращением лица в те же условия населенного пункта, что должно приниматься во внимание при разработке индивидуальной программы реабилитации.

Семейное положение в значительном числе случаев предопределяет постпенитенциарное поведение лица. Особое значение имеет не столько формальное состояние в браке или наличие детей, сколько фактическое проживание лица с семьей (с родителями), фактическое участие в воспитании детей и т.д., поскольку именно вовлеченность в семейные отношения оказывает мощнейшее предупредительное воздействие на поведение, в том числе, лиц, отбывших уголовное наказание.

Поэтому наличие фактических семейных отношений, а также социальных и родственных связей следует использовать на стадии реализации мероприятий пенитенциарной пробации в качестве обстоятельства, служащего одной из «опорных точек» успешной социальной реабилитации осужденных.

Положения Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» коррелируют с вышеизложенным. Пункт 4 ч. 5 ст. 16 Федерального закона предусматривает возможность заблаговременного информирования об освобождении осужденного его родственников или иных лиц.

Положениями ст. 15 Федерального закона предусмотрено, что учреждения, исполняющие наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказывают содействие осужденным в укреплении социальных связей с родственниками, лицами, оказывающими положительное влияние на поведение осужденных, трудовыми коллективами и организациями, осуществляющими образовательную деятельность, некоммерческими организациями, а также в розыске родственников и иных лиц. К работе по восстановлению и укреплению семейных и социальных связей могут привлекаться общественные объединения и религиозные организации, добровольцы (волонтеры), родственники осужденных и иные лица, имеющие положительное влияние на поведение осужденных.

Следующее обстоятельство социально-демографической характеристики, имеющее уголовно-правовое значение для реализации мероприятий пенитенциарной пробации, – это занятость лица.

Занятость как обстоятельство, характеризующее личность преступника, раскрывается в двух аспектах: учеба и работа.

Если лицо, привлеченное к уголовной ответственности, отбывающее наказание в виде лишения свободы или принудительных работ, до осуждения являлось учащимся школы, учреждения среднего профессионального, высшего образования или иного образования, данное обстоятельство в обязательном порядке должно учитываться при разработке программы пенитенциарной пробации, поскольку для ресоциализации ключевое значение имеет возможность выполнения социальных

ролей лицом после отбывания наказания. Одной из ключевых социальных ролей (в особенности для несовершеннолетних) является обучение.

Положения Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» позволяют реализовывать данное направление. Согласно ст. 16 указанного закона, социальная помощь и содействие в трудовом и бытовом устройстве могут предусматривать организацию получения среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, прохождения профессионального обучения в соответствии с законодательством Российской Федерации, содействие в получении высшего образования.

В настоящее время трудовая деятельность может быть реализована в различных формах: трудовая деятельность по трудовому договору, на основании государственного, муниципального контракта, неофициальная трудовая деятельность (постоянная и временная, периодическая), сезонные заработки, предпринимательская деятельность (в том числе индивидуальная), самозанятость.

Каждый из перечисленных видов трудовой и предпринимательской деятельности имеет свои особенности применительно к возможности (или невозможности) сохранения сложившихся правоотношений по их реализации, что не может не учитываться при разработке и реализации мер пенитенциарной пробации, поскольку именно от уровня материальной обеспеченности лица после отбывания уголовного наказания во многом будет зависеть его дальнейшее поведение.

Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» в ст. 16 закрепляет такие мероприятия, как: организация мероприятий, способствующих трудоустройству осужденных после их освобождения; получение характеристики по месту отбывания наказания, характеристики психолога, справки о размере заработной платы, медицинских документов (их копий) и выписок из них.

Особое значение для разработки мер пенитенциарной пробации имеют сведения о том, привлекалось ли ранее лицо к уголовной ответственности, и если привлекалось, то за какие преступления.

Показатели социально-ролевой характеристики личности имеют не менее важное значение при разработке и реализации мер пенитенциарной пробации. Так, сами по себе сведения о том, что осужденный является обучающимся, не означает, что у последнего имеются желание и планы продолжать обучение. Именно социально-ролевая характеристика лица раскрывает качество выполнения им социальной роли обучающегося (насколько успешно лицо проходило обучение, какова посещаемость, успеваемость и т.п.).

Таким образом, при анализе показателей социально-ролевой характеристики лица следует учитывать не только сам факт обучения в образовательном учрежде-

нии (факт трудоустройства), но и деятельность лица, выражающую его отношение к процессу обучения, работы, степень ответственности, добросовестности.

Среди показателей социально-ролевой характеристики имеет значение качество выполнения социальных ролей, связанных с выполнением родительских обязанностей, обязанностей «кормильца» в семье, когда на иждивении у осужденного находятся несовершеннолетние дети, супруг (супруга), родители, иные лица.

Важное значение для реализации мер пенитенциарной пробации имеет нравственно-психологическая характеристика личности, которая выражает отношение преступника к обществу в целом, принятым в нем ценностям и нормативно одобряемым социальным ролям. Основу нравственно-психологической характеристики личности преступника составляет ее мотивационная сфера. Это обусловлено тем, что главной детерминантой преступления является мотив, опредмечивающий потребности личности и стимулирующий ее криминальное поведение.

Эффективность процесса ресоциализации осужденного во многом будет зависеть от стимулирования имеющегося в его личности положительного потенциала. Если личность осужденного позволяет установить наличие пусть даже в низкой степени выраженных потребностей к познанию, труду, творчеству, с целью развития данных потребностей и использования их в процессе исправления, данные обстоятельства должны быть использованы в качестве «опорных точек» для ресоциализации осужденного, выбора направления личностного развития, которое представляет для лица наибольший интерес.

При изучении нравственно-психологической характеристики личности несовершеннолетних преступников следует помнить об их возрастных особенностях, что особенно важно при определении целесообразности реализации мер пенитенциарной пробации. Именно эти особенности очень часто лежат в основе преступного поведения несовершеннолетних. В этой связи отметим, что с возрастом данные особенности будут исчезать, что предполагает возможность положительного прогноза поведения лица в будущем.

Представляется, что особое значение имеют такие возрастные особенности, как повышенная эмоциональная возбудимость, склонность к подражанию, противоречивость и неустойчивость в поведении и во взглядах, подверженность посторонним влияниям, поскольку именно эти особенности в значительной степени способствуют совершению несовершеннолетними преступлений.

Все перечисленные обстоятельства, характеризующие личность осужденных, в отношении которых применимы меры пенитенциарной пробации, имеют существенное значение для выбора (или содействия в выборе самим осужденным) необходимых и достаточных пробационных мероприятий, применение которых с наибольшей вероятностью позволит прогнозировать ресоциализацию осужденного.

Список источников

1. О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
2. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978. 174 с.

3. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. 383 с.
4. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981. 159 с.
5. Криминология (Общая часть) : учебник / под ред. Л.М. Прокументова, А.В. Шеслера. Томск, 2007. 230 с.
6. Криминология : учебник / под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1988. 384 с.
7. Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Личность корыстного преступника. Томск, 1989. 160 с.

References

1. Consultant Plus. (2023) *On Probation in the Russian Federation*. Federal Law No. 10-FZ of 06.02.2023. [Online] Available from: Consultant Plus legal reference system. (In Russian).
2. Vedernikov, N.T. (1978) *Lichnost' obvinяемого i podsudimogo* [Personality of the Accused and Defendant]. Tomsk.
3. Luneev, V.V. (1991) *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Motivation of Criminal Behavior]. Moscow.
4. Dolgova, A.I. (1981) *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnikh* [Socio-Psychological Aspects of Juvenile Delinquency]. Moscow.
5. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (eds) (2007) *Kriminologiya (Obshchaya chast)* [Criminology (General Part)]. Textbook. Tomsk.
6. Korobeynikov, B.V., Kuznetsova, N.F. & Minkovsky, G.M. (eds) (1988) *Kriminologiya* [Criminology]. Textbook. Moscow.
7. Antonyan, Yu.M., Golubev, V.P. & Kudryakov, Yu.N. (1989) *Lichnost korystnogo prestupnika* [Personality of a Mercenary Criminal]. Tomsk.

Информация об авторе:

Долматов А.О. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: adeostomsk55555@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.O. Dolmatov, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Criminal Law Department, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: adeostomsk55555@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.03.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 11.03.2025;
approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.262

doi: 10.17223/23088451/25/15

СПЕЦИФИКА ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЮ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Андрей Анатольевич Павленко¹

¹ Томский ИПКР ФСИН России, Томск, Россия, liorev@mail.ru

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ элементов правового статуса осужденных к принудительным работам, выделены три уровня этих элементов: общие для всех осужденных, общие с наказаниями, не связанными с изоляцией осужденного от общества, и общие с лишением свободы, а также специфические права, законные интересы и обязанности осужденных, характерные только для этого вида наказания, которые составляют 12,7% от закрепленных в Правилах внутреннего распорядка исправительных центров.

Ключевые слова: правовой статус, осужденные к принудительным работам, исправительный центр, наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, лишение свободы, пенсионный возраст

Для цитирования: Павленко А.А. Специфика элементов правового статуса осужденных к наказанию в виде принудительных работ // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 84–91. doi: 10.17223/23088451/25/15

Original article

doi: 10.17223/23088451/25/15

SPECIFICS OF THE LEGAL STATUS ELEMENTS FOR CONVICTS SENTENCED TO COMPULSORY LABOR

Andrey A. Pavlenko¹

¹ Tomsk Institute for Advanced Training of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Tomsk, Russian Federation, liorev@mail.ru

Abstract. This study presents a comparative legal analysis of compulsory labor convicts' legal status, categorizing its components into three distinct tiers: 1.1 – elements common to all convicted persons; 2.1 – elements shared with non-custodial penalties; 2.2 – elements shared with imprisonment; 3.1 – unique rights, legitimate interests, and obligations distinguishing this penalty type. The analysis of Section II of the Internal Regulations of Correctional Centers "Basic Rights and Duties of Compulsory Labor Convicts" reveals that only 7 of 55 established legal status elements of *compulsory labor convicts* (12.7%) are truly unique to this penalty; 5 elements (9.1%) directly replicate norms from the Penal Execution Code of Russia; the remaining 43 elements of the legal status elements of *compulsory labor convicts* (78.2%) mirror provisions from the Internal Regulations of Prisons with minor modifications. The paper concludes with proposed measures to address regulatory gaps in this sphere.

Keywords: legal status, sentenced to compulsory labor, correctional center, non-custodial penalties, imprisonment, retirement age

For citation: Pavlenko, A.A. (2025) Specifics of the legal status elements for convicts sentenced to compulsory labor. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 84–91. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/15

С 2017 г. в России применяется уголовное наказание в виде принудительных работ, которое в соответствии с ч. 4 ст. 53.1 УК РФ заключается в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

Вместе с тем сама законодательная конструкция наказания в виде принудительных работ включает в себя элементы других уголовных наказаний, что придает ей мозаичный и даже в какой-то степени «лоскутный» характер. Более того, законодатель рассматривает это наказание как альтернативу лишению свободы в

случаях, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), и в резолютивной части приговора суду «вначале следует указать на назначение наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а затем – на замену лишения свободы принудительными работами» (п. 22.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»). Кроме лиц, которым судом было назначено рассматриваемое наказание, в исправительных центрах (далее – ИЦ) и изолированных участках исправительных учреждений,

функционирующих как исправительные центры участков ИЦ (далее – УФИЦ), отбывают принудительные работы еще две категории осужденных: лица, освобожденные из мест лишения свободы в связи с заменой наказания более мягким видом наказания (ч. 2 ст. 80 УК РФ),

и лица, принудительные работы которым назначены в связи со злостным уклонением от отбывания иного вида наказания. Причем осужденные, которым лишение свободы было заменено принудительными работами, составляют основную массу содержащихся в ИЦ (УФИЦ).

Сведения о количестве и структуре осужденных к принудительным работам за 2017–2024 гг.

№ п/п	Количество и структура осужденных к принудительным работам	Год								Динамика 2017–2024
		2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
1	Всего осуждено в РФ / в т.ч. к принудительным работам ¹	697 054 523	658 291 1 030	598 207 2 406	530 998 947	565 317 1 197	578 774 3 135	555 742 15 342	512 845 20 194	–7,3% 386%
2	Доля осужденных к принудительным работам среди всех осужденных (%)	0,075	0,156	0,2	0,18	0,2	0,54	2,76	3,9	520%
3	Численность лиц, состоящих на учете ИЦ (УФИЦ) в отчетном периоде	587	2 501	8 616	12 298	15 791	27 023	60 104	79 840	1 360%
4	Численность лиц, освобожденных из мест лишения свободы в связи с заменой наказания более мягким видом наказания / их доля в общем количестве осужденных, состоящих на учете ИЦ (УФИЦ)	*	714	5 764	9 784	12 606	22 043	40 989	43 432	608%
		*	28,5%	66,9%	79,6%	79,8%	81,6%	68,2%	54,4%	2018–2022 гг.: +65% 2022–2024 гг.: –33%
5	Численность лиц, принудительные работы которым назначены в связи со злостным уклонением от отбывания иного вида наказания / их доля в общем количестве осужденных, состоящих на учете ИЦ (УФИЦ)	*	631	1 011	850	903	1 403	4 171	5 593	89%
		*	25,2%	11,7%	6,9%	5,7%	5,2%	6,9%	7%	–71%

¹ Данные получены с портала Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации; * данные не формировались.

Правоприменительная практика по назначению принудительных работ (таблица) в целом демонстрирует устойчивый рост за исключением 2020 и 2021 гг., что объясняется мероприятиями, обусловленными пандемией COVID-19. Подобная динамика, особенно лавинообразный прирост количества осужденных начиная с 2022 г., свидетельствует, на наш взгляд, о востребованности данного наказания, целью которого является исправление и ресоциализация осужденных через привлечение их к труду.

Кроме того, важным аргументом расширения применения принудительных работ является и экономический фактор, состоящий из трех элементов. Во-первых, – это обязанность осужденных к принудительным работам ежемесячно возмещать из собственных средств расходы ИЦ на оплату коммунально-бытовых услуг и содержание имущества в пределах фактических затрат, произведенных в данном месяце (ч. 2.1 ст. 60.5 УИК РФ). При отсутствии у них собственных средств указанные расходы ИЦ не возмещают. Во-вторых, в соответствии с ч. 5 ст. 53.1 УК РФ, из заработной платы осужденного к принудительным работам производятся удержания в доход государства, перечисляемые на счет соответствующего территориального органа УИС в размере, установленном приговором суда, и в пределах от пяти до двадцати процентов. В-третьих, – в целях привлечения к труду осужденных к принудительным работам на базе имущества, предоставляемого в безвозмездное пользо-

вание организациями, использующими труд этих осужденных, могут создаваться участки исправительных центров, расположенные вне исправительных центров, но в пределах субъектов Российской Федерации, на территориях которых они находятся (ч. 3.1 ст. 60.1 УИК РФ). Предоставляемые общежития, помещения или некапитальные строения, сооружения для проживания осужденных должны соответствовать нормам, установленным для ИЦ, ч. 1 и 1.1 ст. 60.5 УИК РФ, кроме того, администрации указанных организаций должны оказывать содействие в материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении осужденных к принудительным работам и предоставлять помещения, необходимые для несения службы сотрудниками участка ИЦ (п. 10 Порядка создания и функционирования участков исправительных центров, расположенных вне исправительных центров, но в пределах субъектов Российской Федерации, на территории которых они находятся, утвержденного приказом Минюста России от 26.12.2019 № 323 (ред. от 29.11.2023)).

Уменьшение в последние 3 года доли лиц, освобожденных из мест лишения свободы в связи с заменой наказания более мягким видом наказания, в общем количестве осужденных, состоящих на учете ИЦ (УФИЦ), с 81,6% в 2022 г. до 54,4% в 2024 г., при их значительном увеличении в это же время в абсолютных показателях – с 22 043 до 43 432 чел., объясняется, по нашему мнению, кратным ростом в этот период назначения принудительных работ судом – в 2022 г. в 1,7 раза по сравнению с

2021 г. и почти в 4 раза больше в 2023 г. по сравнению с 2022 г.

По состоянию на 01.01.2024 в территориальных органах ФСИН России действовало 50 исправительных центров, 355 изолированных участков исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры, участков ИЦ с возможностью размещения 49 520 человек, из них 232 – на базе объектов предприятия (27,6 тыс. мест) [1].

Следует подчеркнуть, что несмотря на формальное отнесение принудительных работ к группе наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества и размещением норм, регламентирующих его исполнение, в раздел II УИК РФ, мы не считаем принудительные работы в чистом виде альтернативой лишению свободы (далее – АЛС). Полагаем, что это наказание занимает промежуточное положение между АЛС и лишением свободы. Косвенным подтверждением высказанного тезиса является позиция авторов Федерального закона от 06 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», определивших учреждения, исполняющие наказание в виде принудительных работ, как места осуществления пенитенциарной пробации. Кроме того, утверждение одним приказом Минюста России (от 04.07.2022 № 110) Правил внутреннего распорядка исправительных центров (далее – ПВР ИЦ) уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), следственных изоляторов УИС и исправительных учреждений наглядно подчеркивает схожесть уровня правоограничений в этих трех учреждениях и является, на наш взгляд, еще одним подтверждением вышесказанного.

Спорность подхода законодателя, включившего принудительные работы в группу наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, неоднократно отмечалась в научных работах. Так, С.В. Расторопов и А.С. Ульянов пришли к выводу, что «наказание в виде принудительных работ по объему правоограничений в большей степени относится к группе наказаний изоляционного характера» [2].

П.А. Скобликов утверждал, что «своему содержанию принудительные работы являются более строгим наказанием, чем его оценивает законодатель, относя к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества» [3].

Все вышеперечисленное накладывает свой отпечаток и на правовой статус осужденных к принудительным работам, который содержит элементы других наказаний, что на практике вызывает трудности при его исполнении.

В отечественной теории уголовно-исполнительного права признано существование правового статуса (положения) осужденных. Он отражает особенности положения определенных категорий граждан, в данном случае – осужденных. Структура указанного понятия образует совокупность субъективных прав, законных интересов и юридических обязанностей [4. С. 2].

Анализ содержания трех обозначенных элементов правового статуса осужденных к принудительным работам (далее – элементы ПСОПР) привел нас к трем основным источникам их закрепления – УК РФ, УИК РФ и ПВР ИЦ, в которых раскрыт механизм реализации статуса.

Весь комплекс субъективных прав, законных интересов и юридических обязанностей осужденных к рассматриваемому наказанию был разделен нами на три уровня в соответствии с источниками их закрепления и сферой воздействия на поведение осужденного.

Первый уровень (1.1) – это основные права и обязанности, общие для всех осужденных. Второй уровень элементов ПСОПР выделен нами в связи с их промежуточным положением между АЛС и лишением свободы, и, соответственно, включает с себя два подуровня (сегмента): 2.1 – элементы ПСОПР, общие с АЛС, и 2.2 – элементы ПСОПР, общие с лишением свободы. И, наконец, третий уровень (3.1) образуют специфические (уникальные) субъективные права, законные интересы и юридические обязанности осужденных к принудительным работам, принципиально отличающие этот вид наказания от других.

Приступая к непосредственному рассмотрению элементов ПСОПР, необходимо подчеркнуть, что элементы первого уровня закреплены в ст. 11 и 12 УИК РФ в качестве основных обязанностей и прав всех осужденных. Также отметим, что часть основных элементов ПСОПР, кроме УИК РФ, отражена и в разд. II «Основные права и обязанности осужденных к принудительным работам» ПВР ИЦ. В большинстве случаев положения ПВР ИЦ дублируют нормы Общей части УИК РФ.

Законных интересов, как элементов ПСОПР, общих для всех осужденных, в связи со значительными различиями порядка и условий отбывания АЛС и лишения свободы выявить удалось только среди оснований досрочного освобождения: помилование, амнистия, тяжелая болезнь или инвалидность. Кроме того, законным интересом, общим для всех трех рассматриваемых групп наказаний: лишения свободы, принудительных работ и ограничения свободы, как представителя АЛС, можно определить получение поощрения.

Второй уровень составляют права, законные интересы и обязанности, которые конкретизируют общегражданские применительно к данному виду наказания. Правовой основой данной группы является норма, закрепленная в ч. 2 ст. 11 УИК РФ: «Осужденные обязаны соблюдать требования федеральных законов, определяющих порядок и условия отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов», устанавливающая особый порядок реализации ряда прав и свобод, указанных в гл. 2 Конституции Российской Федерации.

Исследование первого сегмента второго уровня элементов ПСОПР – общие с АЛС (2.1) – начнем с вычленения из восьми видов наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (п. а–з.1 ст. 44 УК РФ), двух из них, в которых труд входит в содержательную часть уголовного наказания: обязательные и исправительные работы (далее – НБИООТ), и сосредоточим свое внимание на сравнении указанных наказаний с принудительными работами.

Применительно к трудовой деятельности выделим следующие правоограничения, общие для НБИООТ и принудительных работ. Во-первых, это частичное ограничение права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации).

Так, осужденные к обязательным работам обязаны работать на определяемых для них объектах и отработать установленный судом срок наказания (ч. 1 ст. 26 УИК РФ); осужденный к исправительным работам не вправе отказаться от предложенной ему работы (ч. 4 ст. 40 УИК РФ). Отмеченные положения соответствуют нормам ч. 5 ст. 60.8. УИК РФ осужденный к принудительным работам не вправе отказаться от предложенной ему работы.

Кроме того, осужденные к НБИООТ обязаны добросовестно относиться к труду, что также распространяется и на осужденных к принудительным работам (п. 8.6 ПВР ИЦ). Следует отметить, что данная обязанность установлена и в п. 10.9 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (утверждены приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110, далее – ПВР ИУ), однако для осужденных к лишению свободы добросовестное отношение требуется и к учебе, чего нет в НБИООТ.

Во-вторых, это специальный порядок реализации права на отдых (ч. 5 ст. 37 Конституции Российской Федерации). Ежегодный оплачиваемый отпуск у осужденных к исправительным и принудительным работам сокращен до 18 календарных дней, предоставляется он по согласованию с УИИ и ИЦ соответственно (ч. 6 ст. 40 и ч. 4 ст. 60.8 УИК РФ).

Для осужденных к обязательным работам специальный порядок реализации права на отдых проявляется в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ (ч. 1 ст. 49 УК РФ), а предоставление осужденному очередного ежегодного отпуска по основному месту работы не приостанавливает исполнение наказания в виде обязательных работ (ч. 2 ст. 26 УИК РФ).

В-третьих, это ограничение права на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного Федеральным законом МРОТ (ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации). Данное ограничение проявляется в удержаниях из заработной платы осужденных к исправительным и принудительным работам в размере, установленном приговором суда, в пределах от 5 до 20% (ч. 2 ст. 40 УИК РФ и ч. 1 ст. 60.10. УИК РФ).

С указанным правом тесно связан и общий законный интерес – возможность снижения размера производимых из заработной платы удержаний, изначально установленного приговором суда, в случае ухудшения материального положения осужденного к исправительным или принудительным работам (ч. 7 ст. 44 и 4 ст. 60.10 УИК РФ).

Второй сегмент второго уровня (2.2) субъективных прав, законных интересов и юридических обязанностей осужденных к принудительным работам построен на их схожести с элементами правового статуса осужденных к лишению свободы. Если использовать взаимосвязанные философские категории «качество» и «количество», то сама сфера правоограничений для осужденных к двум рассматриваемым наказаниям – это «качество», а содержание этих ограничений (степень), меньшее для принудительных работ, – это «количество». Как уже

указывалось выше, в силу переходного характера принудительных работ многие положения исполнения лишения свободы экстраполируются и на рассматриваемое наказание.

Для обоснования высказанного тезиса сравним элементы правового статуса осужденных, схожие при принудительных работах и лишением свободы. Данное сравнение проведем, используя конструкцию Д.А. Швеца, выделившего блок специфических юридических обязанностей осужденных к лишению свободы [5], внутри которого в качестве критерия классификации были использованы основные средства исправления (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). Сразу оговоримся, что в целях объективности в данной работе не будут рассматриваться общие элементы ПСОПР и осужденных, содержащихся в колонии-поселении, в связи со значительно большей, по сравнению с другими местами лишения свободы, схожестью условий отбывания наказания в ИЦ и колонии-поселении.

Так, к сфере режима принудительных работ (2.2.1) определено относятся обязанности:

- п. 8.2 ПВР ИЦ – соблюдать распорядок дня осужденных к принудительным работам и правила проживания в ИЦ, установленные для осужденных к принудительным работам ПВР ИЦ, что соответствует п. 16.2 ПВР ИУ;

- п. 8.9 ПВР ИЦ – выполнять законные требования работников УИС, что соответствует п. 16.3 ПВР ИУ;

- п. 8.10 ПВР ИЦ – являться по вызову администрации ИЦ и давать объяснения по вопросам исполнения приговора, а также давать письменные объяснения по фактам нарушения установленного порядка отбывания наказания (в случае неявки осужденный к принудительным работам может быть подвергнут принудительному приводу, что соответствует п. 16.4 ПВР ИУ);

- п. 8.15 ПВР ИЦ – своевременно возвращаться после выезда за пределы ИЦ, что соответствует п. 10.20 ПВР ИУ.

Кроме того, общими для осужденных к принудительным работам и к лишению свободы в колонии-поселении обязанностями в сфере направления к месту отбывания (ч. 2 ст. 60.2 и ч. 1 ст. 75.1 УИК РФ), являются:

- получить предписание о направлении к месту отбывания наказания;

- прибыть к месту отбывания наказания в соответствии с предписанием.

А также запреты, например, п. 10.5 ПВР ИЦ – закрывать объективы камер видеонаблюдения, приводить в нерабочее состояние и нарушать целостность используемых в ИЦ аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, любым способом воздействовать на их работу, что соответствует п. 17.3 ПВР ИУ.

Сферу воспитательной работы при отбывании принудительных работ и лишения свободы (2.2.2) образуют положения УИК РФ соответственно: ст. 60.12 и 109 «Воспитательная работа с осужденными к...» и ст. 60.13–113 «Меры поощрения, применяемые к осужденным...», ст. 60.14–115 «Меры взыскания, применяемые к осужденным...».

Специфические обязанности в сфере трудовой деятельности осужденных к принудительным работам (2.2.3), являющиеся дополнением к уровню 2.1 «Общие обязанности для НБИООТ и принудительных работ» и отражающие разницу подходов к труду между обязательными и (или) исправительными работами, с одной стороны, и принудительными работами – с другой. Прежде всего это различие проявляется в обязанности участвовать без оплаты труда в работах по благоустройству зданий и территории исправительного центра в порядке очередности в нерабочее время продолжительностью не более двух часов в неделю (п. «г») ч. 2 ст. 60.4 УИК РФ). Данная обязанность фактически дублирует положения ст. 106 УИК РФ «Привлечение осужденных к лишению свободы к работам без оплаты труда», но содержится в нормах Кодекса, регламентирующих исполнение обязательных и исправительных работ.

Необходимо специально подчеркнуть, что содержание обязанности осужденных к принудительным работам «работать в местах, определенных администрацией ИЦ» в п. 8.3) ПВР ИЦ установлена уже, чем в ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ и п. 131 ПВР ИЦ, где кроме «мест», указаны и «работы», определяемые администрацией ИЦ. Данное обстоятельство представляется нам дефектом юридической техники и должно быть приведено в соответствие с законом. Также требует уточнения формулировка п. «б») ч. 2 ст. 60.4 УИК РФ: осужденные к принудительным работам обязаны «работать там, куда они направлены администрацией ИЦ».

Не совсем ясно, зачем было дублировать в ПВР ИЦ нормы закона так часто, да еще и в разных формулировках. Так, уже не один раз упомянутые положения об обязательности труда осужденных к принудительным работам вновь фигурируют в разд. XVI «Привлечение к труду осужденных к принудительным работам» ПВР ИЦ: в п. 131 – «Каждый осужденный к принудительным работам обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией ИЦ, и не вправе отказаться от предложенной ему работы» и п. 132 – «Осужденные к принудительным работам обязаны трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией ИЦ».

Такое количество указаний на положения ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ представляется явно избыточным и нуждается в секвестировании до юридически достаточного показателя.

Обязанности в сфере материально-бытового обеспечения (2.2.4) заключаются в ежемесячном возмещении из собственных средств осужденными к принудительным работам расходов исправительных центров на оплату коммунально-бытовых услуг и содержание имущества в пределах фактических затрат, произведенных в данном месяце (ч. 2.1. ст. 60.5 УИК РФ), что соответствует для лишения свободы в ч. 4 ст. 99 УИК РФ.

Медико-правовой блок обязанностей (2.2.5) в силу ряда причин, о которых мы писали ранее [6], занимает особое положение в ПСОПР. Формально он закреплён в ст. 60.6 «Медико-санитарное обеспечение осужденных к принудительным работам» УИК РФ, однако указанные нормы носят бланкетный характер и отсылают к за-

конодательству Российской Федерации об охране здоровья и установленным УИК РФ порядком отбывания наказания.

В частности, можно выделить следующие медико-правовые обязанности осужденных к принудительным работам:

– п. 8.17 ПВР ИЦ – проходить в соответствии с законодательством РФ необходимые обследования с целью своевременного обнаружения инфекционных заболеваний, а также фактов употребления алкогольных, наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ, что соответствует п. 15.2 ПВР ИУ;

– п. 8.18 ПВР ИЦ – не совершать умышленных действий, угрожающих собственной жизни и здоровью, а также жизни и здоровью других лиц, что соответствует п. 12.31 ПВР ИУ.

Кроме того, осужденные обязаны выполнять организационно-обеспечивающие требования, позволяющие функционировать ИЦ как совместному месту проживания десятков людей (2.2.6). Указанные нормы во многом дублируют содержащиеся также в разд. 10 ПВР ИЦ и 12 ПВР ИУ.

Относительно других элементов ПСОПР, общих для принудительных работ и лишения свободы, отметим право на личную безопасность – ст. 13 УИК для лишения свободы и ч. 2 ст. 60.18 для принудительных работ.

Законные интересы данной группы также широко представлены в УИК РФ. К ним относятся:

– условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 79 и 80 УК РФ);

– перевод осужденного для дальнейшего отбывания наказания из одного учреждения (ИЦ, ИУ) в другое, расположенное на территории субъекта Российской Федерации, в котором проживает один из его близких родственников (ч. 2 ст. 81 и ч. 6 ст. 60.1 УИК РФ);

– выезд за пределы ИЦ и ИУ на период ежегодного оплачиваемого отпуска (п. «б») ч. 1 ст. 97 и ч. 7 ст. 60.4 УИК РФ);

– краткосрочный выезд за пределы ИЦ для решения неотложных социально-бытовых и других вопросов на срок до пяти суток (ч. 3 ст. 60.4 УИК РФ) и краткосрочные выезды за пределы ИУ продолжительностью до семи суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно, в связи с исключительными личными обстоятельствами, а также для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства осужденного после освобождения (п. «а») ч. 1 ст. 97 УИК РФ);

– проживание со своими семьями за пределами ИЦ (ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ) и проживание со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение (п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ);

– необходимость учета пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и (по возможности) специальности осужденных администрацией ИЦ при привлечении их к труду (ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ). Указанная

норма дополняется в ПВР ИЦ (п. 132) учетом прохождения осужденными профессионального обучения или получения ими среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих. Данное положение фактически дословно отражено в ч. 1 ст. 103 УИК РФ и п. 418 ПВР ИУ для осужденных к лишению свободы;

- получение содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации в рамках пенитенциарной probation (ст. 16 Федерального закона от 06 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации»).

И, наконец, третий уровень образуют специфические субъективные права, законные интересы и юридические обязанности осужденных к принудительным работам, отличающие этот вид наказания от других.

К специфическим субъективным правам осужденных к принудительным работам отнесем:

- п. 4.5 ПВР ИЦ – обращаться в медицинскую организацию государственной, муниципальной или частной систем здравоохранения для оказания медицинской помощи;

- п. 4.9 ПВР ИЦ – заниматься творчеством;

- п. 4.11 ПВР ИЦ – пользоваться средствами мобильной связи и коммуникации, ноутбуками, электронными носителями и накопителями информации, информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет» за счет собственных средств;

- п. 4.12 – находиться на спальном месте в свободное от работы и иных мероприятий, предусмотренных распорядком дня осужденных к принудительным работам, время.

К этому уровню также отнесем обязанность при заболевании немедленно ставить в известность администрацию ИЦ для организации оказания медицинской помощи (п. 8.16 ПВР ИЦ).

Особняком выглядит обязанность осужденных к принудительным работам трудиться (ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ). Данная обязанность и положения ч. 3 ст. 53.1 УК РФ определяют основное требование к осужденным к принудительным работам – трудоспособность. Однако на практике сложилась несколько парадоксальная ситуация, когда в УК РФ присутствует запрет на назначение наказания в виде принудительных работ лицам, достигшим возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством Российской Федерации, и признанным полностью неспособными к трудовой деятельности в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а казалось бы абсолютно логичный запрет на замену в порядке смягчения лишения свободы на принудительные работы этому же лицу отсутствует. В исследуемой сфере *de jure* осужденные к лишению свободы, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, находятся в привилегированном положении по сравнению с осужденными к принудительным работам такого же возраста, что формально нарушает принцип соответствия объема ограничений правового статуса осужденных при уже-сточении видов наказаний.

Отмеченное привело к появлению, по меткому определению А.В. Бриллиантова, определенного дисбаланса в практике между назначением принудительных работ и заменой на этот вид наказания [7].

Указанное несоответствие возникло в результате Постановления Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 № 8-П «По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 УК РФ в связи с жалобой гражданина В.Н. Егорова». Оспоренное законоположение было признано не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой оно, исключая замену неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами мужчине единственно в силу достижения им шестидесятилетнего возраста, при наличии всех иных предусмотренных законом нормативных условий, необходимых для замены наказания, не сбалансировано гарантиями возможности применения других вариантов смягчения наказания такому осужденному.

Вместе с тем уже имеется судебная практика подобных замен, когда рассматриваемое наказание, а *prigori* связанное с трудовым воздействием на осужденного, назначается заведомо нетрудоспособным лицам. Так, постановлением Шкотовского районного суда Приморского края от 14 июня 2023 г. [8] гр. Г., 10.12.1961 г.р., осужденному по ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 5 ст. 159 УК РФ к 5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена на принудительные работы на срок 2 года 07 месяцев 05 дней с удержанием в доход государства 10% из заработной платы. Гр. Г. «в ИК был не трудоустроен, так как является пенсионером. Вместе с тем привлекался к работам по благоустройству колонии и отряда по личному заявлению».

Законных интересов, присущих только осужденным к принудительным работам, нам выявить не удалось.

Подводя итог вышеизложенному, мы приходим к следующим основным выводам.

Правовой статус осужденных к принудительным работам практически не имеет оригинальных элементов, основная часть специальных субъективных прав, законных интересов и юридических обязанностей заимствована из элементов статуса осужденных к лишению свободы (в большей степени), и, в незначительной степени, наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Основой причиной такой ситуации является промежуточное положение этого наказания между АЛС и лишением свободы, причем ближе к последнему. Особенно наглядно это проявляется при сравнительном анализе разд. II «Основные права и обязанности осужденных...» ПВР ИУ и ПВР ИЦ.

Так, из 15 прав осужденных к принудительным работам, предусмотренных п. 4 ПВР ИЦ, только четыре (27%) присущи исключительно данному наказанию. Еще восемь прав или дублируют, или по своей сути весьма схожи с правами осужденных к лишению свободы (п. 1, 3–4, 6, 8, 10, 14, 15), два права (п. 3 и 7) практически совпадают с правами осужденных к лишению свободы в колониях-поселениях – п. 519 и 521 ПВР ИУ

и одно право (п. 2) – это незначительно отличающееся по формулировке основное право (ч. 9 ст. 12 УИК РФ) осужденных иностранцев на связь с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств в РФ, представительствами государств, взявших на себя охрану их интересов, или с межгосударственными органами, занимающимися защитой указанных осужденных. Таким образом, десять из пятнадцати прав осужденных к принудительным работам (67%), содержащихся в ПВР ИЦ, фактически дублируют права осужденных к лишению свободы.

Еще печальнее дела с другими элементами ПСОПР. Из 18 обязанностей осужденных к принудительным работам, закрепленных в ПВР ИЦ, только одна, указанная ранее (п. 8.16), характерна для ПСОПР, что составляет 5,5%. Структура других обязанностей: 13 (72%) непосредственно соответствуют разделу II ПВР ИУ, две (п. 8.4 и 8.8) отражены в разд. XXXIII ПВР ИУ «Особенности содержания осужденных к лишению свободы в колониях-поселениях» и оставшиеся две (п. 8.3 и 8.11) – в ч. 1 ст. 103 и ч. 5–7 ст. 82 УИК РФ.

Что касается запретов для осужденных к принудительным работам, закрепленных в ПВР ИЦ (всего 22), то только два из них (9,1%), да и то с оговорками, отличаются от запретов для осужденных к лишению свободы:

- 10.11 – находиться на территории ИЦ в нижнем белье, за исключением времени, предусмотренного для сна;
- 10.12 – стирать, сушить белье, чистить одежду и обувь в не отведенных для этого местах.

В итоге сравнительно-правовой анализ разд. II ПВР ИЦ «Основные права и обязанности осужденных к принудительным работам» выявил, что только семь из пятидесяти пяти установленных там элементов ПСОПР (12,7%) обладают уникальностью и характерны исключительно для данного наказания. Еще пять элементов (9,1%) дублируют нормы УИК РФ. Оставшиеся сорок три элемента ПСОПР (78,2%) с небольшими различиями формулировок, как правило, арифметическими, определяющими сроки, повторяют положения ПВР ИУ.

Изложенное позволяет, на наш взгляд, усомниться в состоятельности наказания в виде принудительных работ. Анализ содержания ПВР ИЦ свидетельствует о том, что данный нормативный правовой акт является своего рода менее жестким (облегченным, ослабленным) в плане правоограничений вариантом ПВР ИУ. Сказанное вновь ставит под сомнение отнесение принудительных работ к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества. При этом необходимо подчеркнуть разное содержание принудительных работ (привлечение осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами УИС) и лишения свободы (изоляция осужденного от общества путем направления его в исправительное учреждение).

В связи с этим интересно заключение В.Ф. Лапшина о теоретической допустимости признания принудительных работ самостоятельным элементом действующей

системы уголовных наказаний, чему в настоящее время препятствует законодательная формулировка об «альтернативности» данного наказания [9].

Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о том, что для принудительных работ сформировалась своя «ниша» в системе уголовных наказаний России. Как обоснованно отметил В.А. Уткин, «подобное наказание в качестве «промежуточного» либо адаптационного (для освобождающихся из мест лишения свободы) криминологически необходимо» [10].

В любом случае правовое регулирование исполнения принудительных работ нуждается в совершенствовании. Это прежде всего касается унификации понятийного аппарата и приведения в соответствие с юридической техникой системы закрепления субъективных прав, законных интересов и юридических обязанностей осужденных, исключающих дублирование элементов ПСОПР как с нормами УИК РФ, так и подзаконными нормативными актами, определяющими порядок и условия исполнения других наказаний, прежде всего ПВР ИУ. В первую очередь в этом нуждается сфера обязательности труда для всех без исключения осужденных к принудительным работам.

Далее для устранения данного пробела правового регулирования предлагаем рассмотреть два варианта. Первый – исключить из ч. 7 ст. 53.1 УК РФ фразу «лицам, признанным полностью неспособными к трудовой деятельности в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации». Вторым вариантом решения дисбаланса в практике между назначением принудительных работ и заменой на этот вид наказания имеет потенциал стать нормативное определение видов деятельности, которыми могут заниматься осужденные, достигшие пенсионного возраста, и порядка организации такой деятельности. В этой связи может оказаться полезным зарубежный опыт.

Согласно европейской практике, в 28 странах заключенные не обязаны работать после достижения ими пенсионного возраста. В остальных странах присутствуют разные подходы по данному вопросу.

Но, например, в Швейцарии заключенные по достижении ими пенсионного возраста переводятся в специальные отделения тюрем, а их труд организуется в соответствии с уровнем работоспособности, установленной врачом, должен быть «полностью адаптирован к возрасту и физическим возможностям» конкретного осужденного и является оплачиваемым.

В решении ЕСПЧ от 09.02.2016 по жалобе 70-летнего Б., осужденного за акты педофилии, на незаконность действий администрации тюрьмы по принудительному привлечению его к работе Суд постановил, что, учитывая национальное швейцарское законодательство, регламентирующее содержание заключенных, в случае с Б. речь не идет о «принудительном или обязательном труде» [11].

Список источников

1. Без лишения свободы // Преступление и наказание. 2024. № 5. 82 с.

2. Расторопов С.В., Ульянов А.С. Система правоограничений, предусмотренных уголовным наказанием в виде принудительных работ, определяющая его правовую сущность // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 5 (41). С. 65–69.
3. Скобликов П. А. Принудительные работы как вид уголовного наказания: дефекты правового регулирования и пути их устранения // Российская юстиция. 2023. № 4. С. 3–11.
4. Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. М., 1992. 150 с.
5. Швец Д.А. Юридические обязанности осужденных к лишению свободы: виды и проблемы реализации // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 1 (47). С. 92–96.
6. Павленко А.А. Медико-правовой статус осужденных к принудительным работам // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 4 (18). С. 90–100.
7. Бриллиантов А.В. Принудительные работы // Уголовное право. 2023. № 8. С. 21–27.
8. Постановление Шкотовского районного суда Приморского края от 14.06.2023 № 4/17-118/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 11.03.2025).
9. Лапшин В.Ф. Принудительные работы как вид «внесистемного» уголовного наказания // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 55–67.
10. Уткин В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 127–130.
11. Леплонжон М. В швейцарской тюрьме пенсионеры обязаны работать // Преступление и наказание. 2016. № 5. С. 66–71.

References

1. *Prestuplenie i nakazanie*. (2024) Bez lisheniya svobody [Without Deprivation of Liberty]. 5.
2. Rastoropov, S.V. & Ulyanov, A.S. (2020) Sistema pravoogranicheniy, predusmotrennykh ugovnym nakazaniem v vide prinuditel'nykh rabot, opredelyayushchaya ego pravovuyu sushchnost' [System of Legal Restrictions Provided by Compulsory Labor as Criminal Punishment Defining Its Legal Essence]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 5 (41). pp. 65–69.
3. Skoblikov, P.A. (2023) Prinuditel'nye raboty kak vid ugovnogo nakazaniya: defekty pravovogo regulirovaniya i puti ikh ustraneniya [Compulsory Labor as a Type of Criminal Punishment: Defects of Legal Regulation and Ways to Eliminate Them]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 4. pp. 3–11.
4. Seliverstov, V.I. (1992) *Teoreticheskie problemy pravovogo polozheniya lits, otbivayushchikh nakazaniya* [Theoretical Problems of the Legal Status of Persons Serving Sentences]. Moscow.
5. Shvets, D.A. (2022) Yuridicheskie obyazannosti osuzhdennykh k lisheniyu svobody: vidy i problemy realizatsii [Legal Obligations of Persons Sentenced to Imprisonment: Types and Implementation Problems]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1 (47). pp. 92–96.
6. Pavlenko, A.A. (2023) Mediko-pravovoy status osuzhdennykh k prinuditel'nykh rabotam [Medical-Legal Status of Persons Sentenced to Compulsory Labor]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii*. 4 (18). pp. 90–100.
7. Brilyantov, A.V. (2023) Prinuditel'nye raboty [Compulsory Labor]. *Ugovnoye pravo*. 8. pp. 21–27.
8. Sudact.ru. (2023) *Resolution of Shkotovsky District Court of Primorsky Krai dated 14.06.2023 No. 4/17-118/2023*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc> (Accessed: 11.03.2025). (In Russian).
9. Lapshin, V.F. (2021) Prinuditel'nye raboty kak vid "vnesistemnogo" ugovnogo nakazaniya [Compulsory Labor as a Type of "Non-System" Criminal Punishment]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 5. pp. 55–67.
10. Utkin, V.A. (2011) Grounds and Ways of Modernizing the Penal System. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 349. pp. 127–130. (In Russian).
11. Leplonzheon, M. (2016) V shveysarskoy tyurme pensionery obyazany rabotat' [In Swiss Prisons Pensioners Are Obligated to Work]. *Prestuplenie i nakazanie*. 5. pp. 66–71.

Информация об авторе:

Павленко А.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности УИС Томского ИПКР ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: liorev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Pavlenko, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Execution of Punishments Not Related to Deprivation of Liberty and Legal Support of the Activities of the Penal System, Tomsk Institute for Advanced Training of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: liorev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 20.02.2025;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/25/16

СИСТЕМНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Андрей Владимирович Уткин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, ugolovnoetgu@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена философско-методологическим аспектам исследования отраслевого взаимодействия в области правового регулирования исполнения уголовных наказаний. Используя один из вариантов системного подхода, автор выделяет два типа взаимодействия: в рамках системы отраслей уголовно-правового комплекса и в системе права в целом. Взаимодействие в уголовно-правовом комплексе может быть охарактеризовано с позиций категорий диалектического противоречия (взаимополагание, взаимоотрицание и взаимопроникновение норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права).

Ключевые слова: системный подход в правоведении, взаимосвязи отраслей уголовно-правового комплекса

Для цитирования: Уткин А.В. Системные аспекты межотраслевого взаимодействия в сфере исполнения уголовных наказаний // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 92–97. doi: 10.17223/23088451/25/16

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/16

SYSTEMIC ASPECTS OF CROSS-DISCIPLINARY INTERACTION IN CRIMINAL PENALTY ENFORCEMENT

Andrey V. Utkin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ugolovnoetgu@mail.ru*

Abstract. The article examines the philosophical and methodological foundations of cross-disciplinary legal interaction in the regulation of criminal penalty enforcement. This cross-interaction of legal norms and branches manifests in doctrinal, legislative, and law enforcement practices through information systems and social implementation. Adopting the traditional tripartite legal framework ("law-branch-norm") and a systems theory approach, the author analyzes three tiers of interaction, with particular emphasis on linkages within the criminal law complex. Within this complex, such interaction transcends mere coordination or subordination of norms, instead reflecting dialectical contradictions (mutual presupposition, mutual exclusion, and interpenetration). Mutual presupposition implies that criminal-executive norms inherently require corresponding provisions in criminal and criminal procedural law, and vice versa. Mutual exclusion prevents parallel regulation of the same social relations by different legal branches. Interpenetration generates norms of hybrid legal nature across branches. Unlike external contradictions (legal conflicts), these dialectical contradictions serve as internal drivers of development for the criminal law complex.

Keywords: systemic approach in legal science, interconnections within the criminal law complex

For citation: Utkin, A.V. (2025) Systemic aspects of cross-disciplinary interaction in criminal penalty enforcement. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 92–97. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/16

Проблемы современного развития российского законодательства и его отдельных отраслей определяют актуальность теоретических исследований межотраслевых взаимосвязей, взаимозависимостей в системе права, обуславливают появление большого числа научных работ по соответствующей тематике. Преобладающее их количество посвящено выявлению, анализу и разрешению разнообразных юридических коллизий¹. Это само по себе, конечно, важно, но фактически сводит методологию их изучения к юридическому позитивизму. Еще

в 1994 г. известный российский специалист – теоретик права Д.А. Керимов отмечал несостоятельность такого подхода, когда непосредственное восприятие правовых фактов и явлений выдается за научное познание. Без теоретической абстракции, рационального осмысления правовых фактов и юридической практики познание не выйдет за пределы эмпирических методов и приемов [2. С. 15–16]. С точки зрения обычного нормативизма вполне достаточно структурной характеристики правовой нормы или систематизации таковых норм.

¹ К примеру, из приведенных в обстоятельной монографии «Коллизии законодательства России и ряда стран» 60 источников 48 (80%) представляют собой констатации именно такого уровня [1. С. 6–10].

Научное же познание начинается там и тогда, когда с помощью понятий и критериев более высокого порядка выявляются генезис, функционирование правовой общности в целостной системе права в конкретной исторической среде [3. С. 31].

Как указывается в философско-правовой литературе, использование в правовых исследованиях категории «взаимодействие» выводит на иной, более высокий порядок познания и использования в юридической науке и практике генетических методов. Их значение состоит в том, писал А.К. Черненко, что с их помощью «раскрывается внутренний источник саморазвития и самоизменения права и правовых институтов. Следовательно, раскрывается методологическая основа понимания специфических для правового бытия закономерностей, которые возводят правовую сферу жизни общества в ранг относительно самостоятельной и независимой. В этом случае право уже не есть просто «надстройка» над экономическим и политическим базисом, а равная с ними, функционирующая в соответствии со своими закономерностями сфера общественного бытия [3. С. 33].

Одной из граней общедialeктической методологии выступает системный подход. Системные исследования предполагают всесторонний анализ сложных динамических целостностей, части которых (представляющие собой подсистемы данных целостных систем) находятся с собой в органическом единстве и взаимодействии [4. С. 242].

Использование системной методологии в познании права выражается в определенном комплексе признаков, методов, подходов и направлений. Среди них выделяют следующие:

- а) понимание элементов правовой системы как системы, обусловленной специфическими для нее сущностно-содержательными характеристиками;
- б) обнаружение и фиксирование относительной самостоятельности и автономности правовой системы на основе раскрытия механизма детерминации;
- в) познание автономии как заложенной в самой правовой системе способности к саморазвитию и вхождению в другую систему в виде подсистемы;
- г) определение системы координационных и субординационных связей и отношений в праве, определение иерархии правовых институтов и структур;
- д) выявление интегративных, инвариантных свойств и характеристик правового бытия, правовой системы как свойств, обуславливающих качественную определенность самой системы и каждого ее элемента [3. С. 36].

Как известно, в философской и иной научной литературе существует множество конкретных вариантов определения систем, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки. Не входя по этому поводу в дискуссии, обратим внимание на построение категориального аппарата системного подхода, предпринятое еще пять десятилетий назад известным философом В.Н. Сагатовским. Этот вариант представляется наиболее перспективным как в его дескриптивном (выделение систем), так и конструктивном (построение систем) аспектах. Суть его заключается в так называемом «целевом» подходе. Хотя он впоследствии подвергался критике как всеобщий, т.е. не

способный к использованию для характеристик природных явлений, такой подход, на наш взгляд, в полной мере сохраняет свое значение применительно к научному анализу социальных систем, к числу которых принадлежит и система права. По мнению В.Н. Сагатовского, систему составляет целостный комплекс необходимых и достаточных элементов, взаимодействующих между собой. Совокупность таких отношений характеризует структуру системы. Наиболее важные, сущностные отношения системы – ее принципы. Элементы и структура системы составляют ее содержание. Целостность, границы и завершенность системы определяются ее целью [5]. Как писал Д.А. Керимов, в юридических исследованиях системный подход позволяет обнаружить внутренний механизм не только действия отдельных компонентов системы права, но и их взаимодействия на различных уровнях. Под этим углом зрения можно выявлять связи, взаимодействия, противоречия изучаемого объекта [4. С. 243, 247].

В этом отношении высказанные еще пять десятилетий назад суждения о перспективности системного подхода при изучении права вообще и отраслей «криминального» цикла в частности [6; 7. С. 10] реализованы пока недостаточно. Между тем системный подход позволяет «не просто констатировать свойства и характеристики правовых образований, но и понять механизм их становления, функционирования и развития» [8. С. 84]. Здесь одновременно требуется диалектический подход, т.е. научный анализ «правовой материи» с позиций таких философских категорий, как «диалектическое противоречие», «общее, особенное и единичное», «возможность», «действительность», «необходимость» и т.п.

Используя философские категории общего, особенного и единичного применительно к системному подходу, А.К. Черненко выделял три уровня системности в праве: уровень права в целом, уровень автономных правовых образований и содержательный уровень самоорганизации [8]. Это вполне соответствует трихотомическому делению «право – отрасль – норма».

Следует, однако, оговориться, что трихотомическое деление в системе права признается далеко не всеми учеными. На первый взгляд, вполне логично дополнить его институтами права. Подобный вывод делает, в частности, Д.А. Керимов, переходя от нормы права к институту права, от института – к отрасли, а от отрасли – к системе права [4. С. 253].

Конечно, упоминание о тех или иных правовых институтах давно стало общим местом в научных работах по общей теории права и отраслевым юридическим наукам, используется этот термин и в решениях высших судебных инстанций – Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. В то же время системный подход требует строгой определенности при установлении элементов системы отрасли, число которых при этом, как указано выше, должно быть необходимо и достаточно.

Среди теоретиков права и в отраслевых юридических науках не сложилось единого подхода к определению и критериям выделения институтов права. Данное обстоятельство, как отмечал еще в середине прошлого века Л.И. Дембо, позволяет ученым злоупотреблять этим термином, применяя его чрезмерно широко при

описании различных правовых явлений и не вкладывая в него сколько-нибудь конкретного содержания [9. С. 94]. С таких позиций, как верно отмечал позднее О.С. Иоффе, все, начиная от самого права и кончая его единичными нормами, можно называть «институтом» [10. С. 51]. С тех пор теории права практически не продвинулись в выработке общепризнанных и достаточно определенных критериев отраслевых институтов права и законодательства, констатируя, что обособленность правового института – это «скорее, идеал, к которому следует стремиться, нежели критерий его выделения в системе отрасли права» [11. С. 29].

В отраслевых юридических науках (не только «криминального» цикла) также налицо явная «чересполосица». Ознакомление с большим числом научных работ свидетельствует, что их авторы используют термин «институт», как правило, произвольно и субъективно, зачастую одновременно для характеристики правовых общностей разного уровня [12. С. 168; 13. С. 148; 14; 15 и др.]. В конечном итоге в отраслевых науках так и не сложилось сколько-нибудь взаимоприемлемого (даже на конвенциональном уровне) подхода ни к критериям выделения отраслевых институтов, ни к их количеству [16. С. 68–69]. В этом плане выделить главы и разделы какого-либо кодифицированного законодательного акта гораздо легче, нежели выработать единый взаимоприемлемый подход к определению отраслевых институтов. Тем более, что таковые зачастую являются комплексными, т.е. по функциональному признаку объединяют в себе нормы различных взаимосвязанных отраслей права. Например, институт условно-досрочного освобождения включает в себя нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Но именно по этой причине выражение «норма института условно-досрочного освобождения» само по себе ничего не говорит о ее юридической природе. Поэтому при всей важности правовых институтов как целостных правовых образований различной степени общности их место лежит все же несколько в иной плоскости. Напротив, трихотомическое деление в системе права, помимо прочего, подтверждается сложившейся юридической терминологией. К примеру, типичное и всем понятное словосочетание «норма уголовного права» отражает все три отмеченных выше уровня правовой системы: «норма» (единичный), «уголовного» (особенный – отраслевой), «права» (общий, но одновременно выделяющий систему права из совокупности иных социальных норм).

Важно, что каждый из отмеченных выше уровней играет свою роль в межотраслевом взаимодействии.

Первый, наиболее общий, определяет его возможность, своего рода «правовое поле» или «общий знаменатель» именно юридического взаимодействия.

Второй, отраслевой, диктует необходимость взаимодействия между различными отраслями как элементами правовой системы, что обуславливает целостность последней.

Третий уровень – уровень конкретных юридических предписаний – превращает возможность и необходимость в действительность, реализуя содержательную сторону взаимодействия.

С позиций диалектического подхода важным шагом в раскрытии сущности взаимодействий в праве может быть также познание и описание их в качестве противоречий, выступающих источниками функционирования и развития правовых систем. Всякое диалектическое противоречие как философская категория, имея онтологический и гносеологический аспекты, будучи совокупностью взаимоотношений его сторон внутри системы, имеет собственное содержание, которое, как отмечают философы, складывается из их взаимополагания, взаимоисключения и их взаимопроникновения [17. С. 58].

Дальнейшее раскрытие механизма и перспектив межотраслевого взаимодействия в системе права остается актуальной задачей как общей теории права, так и отраслевых наук. При этом очевидно, что глубина, интенсивность и содержательная сторона такого взаимодействия неодинаковы в зависимости от того, о какой именно правовой общности идет речь: о взаимодействии в системе права в целом (всех отраслей со всеми) либо о взаимодействии в рамках отдельных групп отраслей.

В общей теории права издавна выделяют так называемые «профилирующие» отрасли, которые образуют основу, обязательную часть системы права. Это конституционное, административное, гражданское и уголовное право [18. С. 140]. Вокруг и на основе последнего формируется комплекс (подсистема) отраслей права и законодательства, традиционно именуемый «законодательством о борьбе с преступностью» [19] либо «отраслевым уголовно-правовым комплексом» [20. С. 52]. О необходимости углубленного научного анализа взаимодействий в рамках такого комплекса ранее писал и В.Н. Кудрявцев [7. С. 10].

Более высокая (по сравнению со всей системой права) целостность и более тесная взаимосвязь рассматриваемой подсистемы обусловлены многими объективными факторами. В том числе – единством государственной уголовной политики, включающей в себя уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политику [21. С. 7]. Кроме того, организационным единством учреждений и органов уголовной юстиции, понимаемой в широком, международно-правовом смысле слова [22. С. 17], единством основного категориального аппарата («преступление», «наказание», «осужденный», «приговор», «назначение», «исполнение» и т.д.) [23].

Известно, что по вопросу об отраслевом составе рассматриваемого комплекса среди ученых нет единства взглядов. Это связано со стремлением некоторых авторов обосновать самостоятельность отдельных правовых общностей или областей законодательства. Субъективный подход к их определению, по справедливому замечанию Т.Н. Радько, порой приводит к появлению буквально экзотических идей, вроде предложения считать самостоятельной отраслью «лечебно-исправительное право», выделив его из уголовно-исполнительного [24. С. 13]. Есть суждения о статусе самостоятельных отраслей криминологического [25], оперативно-розыскного [26. С. 137], стражного права [27].

В связи с принятием в 2023 г. Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», по-видимому, вскоре появятся суждения о признании самостоятельной отраслью и «пробационного права».

Не умаляя значения законодательного регулирования отмеченных выше направлений противодействия преступности и не входя в дискуссии об отраслевом составе рассматриваемого уголовно-правового комплекса, далее мы будем придерживаться традиционного подхода, основанного, помимо прочего, на нормах Конституции России, которая, как известно, относит к исключительному ведению Федерации принятие уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства (ст. 71, п. «о»)¹. В связи с изложенным различные аспекты межотраслевого взаимодействия в области исполнения наказаний целесообразно изучать применительно к подсистеме отраслей уголовно-правового цикла и в соотношении с иными отраслями права (конституционным, административным, трудовым и пр.). Что же касается комплекса отраслей о борьбе с преступностью, то здесь по упомянутым выше причинам есть все основания рассматривать различные аспекты отраслевого взаимодействия более глубоко, в том числе под углом зрения отмеченных выше противоречий. Следует только подчеркнуть, что в данном случае имеются в виду не только и не столько те противоречия, в силу которых право «отрицало бы само себя» [29. С. 312] (порожденные недостатками законодательной техники и сугубо субъективными факторами), но и те глубинные антиномии в правовой подсистеме отраслей «криминального цикла», которые лежат в основе ее функционирования и развития.

Одновременно следует иметь в виду то, что истоки этих противоречий в конечном счете лежат вне сферы права как системы норм. Определяющим фактором появления, существования и развития межотраслевого взаимодействия выступает взаимосвязь формирующихся либо уже сформировавшихся общественных отношений, регулируемых соответствующими отраслями права. Ведь, как правильно отмечал В.Д. Филимонов, это материальная основа всех правовых норм и институтов [16. С. 34].

Понятно, что взаимодействие норм и отраслей в правовой сфере (в отличие, например, от взаимодействия между физическими объектами) – это не взаимовлияние самих по себе текстов нормативных актов. Оно опосредовано человеческой деятельностью, проявляется, фик-

сируется и реализуется в социальной практике и смысловой, информационной сфере. Налицо как минимум три области такого взаимодействия: доктринальная (в научной сфере), правотворческая (подготовка и принятие нормативных актов) и правоприменительная (в том числе при назначении и исполнении наказаний и иных мер уголовно-правового характера). Законодательство как результат научной и правотворческой деятельности и предпосылка, юридическая основа правоприменительной деятельности лежит в центре такого взаимодействия, поэтому описательная, объяснительная, прогностическая и управленческая функции юридической науки прежде всего должны быть сосредоточены на законодательстве, переходя от анализа «сущего» (*de lege lata*) к формулированию «должного» (*de lege ferenda*). К примеру, недостатки в обеспечении должного взаимодействия в нормативной сфере могут внешне выражаться в том числе в межотраслевых юридических коллизиях и в незавершенности, в пробельности правового регулирования («черные дыры» или «белые пятна» законодательства). Многие из них также будут предметом данного исследования.

Таким образом, в рамках отраслей уголовно-правового комплекса взаимосвязи уголовно-исполнительного права с уголовным и уголовно-процессуальным правом наиболее конструктивно на более глубоком уровне следует изучать с позиций взаимополагания, взаимоотрицания и взаимопроникновения его норм. Взаимополагание означает, что конкретная норма уголовно-исполнительного права предполагает наличие соответствующей корреспондирующей ей нормы в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве и наоборот. Взаимоотрицание, напротив, исключает параллельное регулирование одних и тех же сторон данного общественного отношения разными отраслями. Взаимопроникновение предполагает наличие норм одной юридической природы в другой отрасли права, причем оно может быть оправданным и неоправданным. В последнем случае возникают юридические коллизии.

Изучение взаимодействия уголовно-исполнительного права вне рамок уголовно-правового комплекса с иными отраслями преимущественно лежит в плоскости обеспечения смысловой (содержательной), темпоральной² координации и субординации норм, взаимосвязанных по предмету регулирования. Здесь особое значение, как и в иных отраслях, имеют нормы конституционного права.

Список источников

1. Коллизии законодательства России и ряда стран. М. : Юнити, Закон и право, 2018. 407 с.
2. Керимов Д.А. Методологические функции философии права // Государство и право. 1994. № 7. С. 13–17.
3. Черненко А.К. Философия права. Новосибирск : Наука, 1998. 153 с.
4. Керимов Д.А. Методология права. М. : Аванта, 2001. 560 с.
5. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. 431 с.
6. Алексеев С.С. Советское право как система // Советское государство и право. 1974. № 7. С. 11–18.
7. Кудрявцев В.Н. Уголовная юстиция как система // Правовая кибернетика. М., 1973. С. 3–11.
8. Черненко А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск : Наука, 2004. 296 с.
9. Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 93–97.

¹ Ю.А. Головастова также выделяет эти «родственные» отрасли права, именуя межотраслевыми взаимосвязями между ними «генетическими» [28. С. 329].

² Под темпоральной координацией понимается своевременность внесения изменений в уголовно-исполнительное законодательство в результате изменений норм регулятивных отраслей.

10. Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. 1968. Вып. 14. С. 42–59.
11. Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1, № 2. С. 25–31.
12. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 315 с.
13. Понятовская Т.Г., Кайшев А.В. Уголовно-правовые категории и институты: соотношение понятий и функции // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 2. С. 147–156.
14. Горбань Д.В. Прогрессивная система отбывания наказания как самостоятельный институт уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 4 (26). С. 30–33.
15. Храмов А.А.К вопросу методологии определения институтов уголовно-исполнительного права // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 103–108.
16. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М. : Юриспруденция, 2014. 277 с.
17. Дудель С.П., Штракс Г.М. Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967. 123 с.
18. Алексеев С.С. Собрание сочинений. Т. 3. М. : Статут, 2010. 781 с.
19. Кирич В.А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. М. : Юрид. лит., 1978. 280 с.
20. Денисова А.В. Нормы отраслевого уголовно-правового комплекса: проблемы взаимовлияния // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права. Самара, 2013. С. 44–56.
21. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика. Тенденции и перспективы. Красноярск : Изд-во КГУ, 1991. 240 с.
22. Уткин В.А. Международное право борьбы с преступностью. М. : Юриспруденция, 2021. 188 с.
23. Шадрина Е.Г. Взаимосвязь российского уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права: проблемы согласования и рассогласования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 25 с.
24. Радько Т.Н. Теоретические вопросы исследования системы российского права // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 4. С. 8–14.
25. Орлов В.Н. Основы криминологического права. М. : МГЮА, 2016. 668 с.
26. Денисенко Ю.В., Цыганков В.Н. Оперативно-разыскное право как самостоятельная отрасль российского права // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 2 (29). С. 135–143.
27. Малина Е.А. Заключение под стражу в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград : Волгоградский институт МВД РФ, 2002. 25 с.
28. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система. М. : Юриспруденция, 2019. 560 с.
29. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1961.

References

1. Anon. (2018) *Kollizii zakonodatel'stva Rossii i ryada stran* [Collisions of Legislation in Russia and Several Countries]. Moscow: Yuniti, Zakon i pravo.
2. Kerimov, D.A. (1994) *Metodologicheskie funktsii filosofii prava* [Methodological Functions of Philosophy of Law]. *Gosudarstvo i pravo*. 7. pp. 13–17.
3. Chernenko, A.K. (1998) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Novosibirsk: Nauka.
4. Kerimov, D.A. (2001) *Metodologiya prava* [Methodology of Law]. Moscow: Avanta.
5. Sagatovskiy, V.N. (1973) *Osnovy sistematzatsii vseobshchikh kategoriy* [Fundamentals of Systematization of Universal Categories]. Tomsk: TSU.
6. Alekseev, S.S. (1974) *Sovetskoe pravo kak sistema* [Soviet Law as a System]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 7. pp. 11–18.
7. Kudryavtsev, V.N. (1973) *Ugolovnaya yustitsiya kak sistema* [Criminal Justice as a System]. In: *Pravovaya kibernetika* [Legal Cybernetics]. Moscow. pp. 3–11.
8. Chernenko, A.K. (2004) *Teoretiko-metodologicheskie problemy formirovaniya pravovoy sistemy obshchestva* [Theoretical and Methodological Problems of Formation of the Legal System of Society]. Novosibirsk: Nauka.
9. Dembo, L.I. (1956) *O printsipakh postroeniya sistemy prava* [On the Principles of Building a Legal System]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 93–97.
10. Ioffe, O.S. (1968) *Strukturnye podrazdeleniya sistemy prava (na materialakh grazhdanskogo prava)* [Structural Subdivisions of the Legal System (Based on Civil Law Materials)]. *Uchenye zapiski VNIISZ*. 14. pp. 42–59.
11. Dzhaliylova, E.A. (2018) *Problemy opredeleniya ponyatiya i sushchnosti instituta prava* [Problems of Defining the Concept and Essence of Legal Institution]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 1 (2). pp. 25–31.
12. Konyakhin, V.P. (2002) *Teoreticheskie osnovy postroeniya Obshchey chasti rossiyskogo ugolovnogo prava* [Theoretical Foundations of the General Part of Russian Criminal Law]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
13. Ponyatovskaya, T.G. & Kaishev, A.V. (2022) *Ugolovno-pravovye kategorii i instituty: sootnoshenie ponyatiy i funktsii* [Criminal Law Categories and Institutions: Correlation of Concepts and Functions]. *Vestnik Kemerskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*. 6 (2). pp. 147–156.
14. Gorban, D.V. (2016) *Progressivnaya sistema otbyvaniya nakazaniya kak samostoyatel'ny institut ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Progressive System of Serving Sentences as an Independent Institution of Penal Law]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 4 (26). pp. 30–33.
15. Khranov, A.A. (2023) *On a Methodology for Determining the Institutions of Penal Law*. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 103–108. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/19
16. Filimonov, V.D. & Filimonov, O.V. (2014) *Institut prava. Institut ugolovnogo prava. Institut ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Institution of Law. Institution of Criminal Law. Institution of Penal Law]. Moscow: Yurisprudentsiya.
17. Dudel, S.P. & Shtraks, G.M. (1967) *Zakon edinstva i bor'by protivopozlozhnostey* [Law of Unity and Struggle of Opposites]. Moscow.
18. Alekseev, S.S. (2010) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Statut.
19. Kirin, V.A. (1978) *Zakonodatel'stvo o bor'be s prestupnost'yu: otrasli i ikh vzaimosvyaz'* [Legislation on Crime Control: Branches and Their Interconnection]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
20. Denisova, A.V. (2013) *Normy otraslevogo ugolovno-pravovogo kompleksa: problemy vzaimovliyaniya* [Norms of Sectoral Criminal Law Complex: Problems of Mutual Influence]. In: *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, kriminologii, ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Current Problems of Criminal Law, Criminology, Penal Law]. Samara. pp. 44–56.
21. Korobeev, A.I., Uss, A.V. & Golik, Yu.V. (1991) *Ugolovno-pravovaya politika. Tendentsii i perspektivy* [Criminal Law Policy. Trends and Prospects]. Krasnoyarsk: KSU.
22. Utkin, V.A. (2021) *Mezhdunarodnoe pravo bor'by s prestupnost'yu* [International Law of Crime Control]. Moscow: Yurisprudentsiya.
23. Shadrina, E.G. (2003) *Vzaimosvyaz' rossiyskogo ugolovnogo, ugolovno-ispolnitel'nogo i ugolovno-protsessual'nogo prava: problemy soglasovaniya i rassoglasovaniya* [Interrelation of Russian Criminal, Penal and Criminal Procedure Law: Problems of Coordination and Discrepancy]. Abstract of Law Cand. Diss. Samara.

24. Radko, T.N. (2015) Teoreticheskie voprosy issledovaniya sistemy rossiyskogo prava [Theoretical Issues of Studying the System of Russian Law]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii*. 4. pp. 8–14.
25. Orlov, V.N. (2016) *Osnovy kriminologicheskogo prava* [Fundamentals of Criminological Law]. Moscow: MGYuA.
26. Denisenko, Yu.V. & Tsygankov, V.N. (2015) Operativno-razysknoye pravo kak samostoyatel'naya otrasl' rossiyskogo prava [Operational-Search Law as an Independent Branch of Russian Law]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2 (29). pp. 135–143.
27. Malina, E.A. (2002) *Zaklyuchenie pod strazhu v rossiyskom ugovnom protsesse* [Detention in Custody in Russian Criminal Procedure]. Abstract of Law Cand. Diss. Volgograd: Volgograd Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
28. Golovastova, Yu.A. (2019) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiyskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema* [Penal Law as a Branch of Russian Law: Subject, Method, Sources, System]. Moscow: Yurisprudentsiya.
29. Marx, K. & Engels, F. (1961) *Sochineniya* [Works]. Vol. 21. Moscow.

Информация об авторе:

Уткин А.В. – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ugolovnoetgu@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Utkin, postgraduate student at the Criminal Law Department, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ugolovnoetgu@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.02.2025;
одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 24.02.2025;
approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

КРИМИНОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 343.9

doi: 10.17223/23088451/25/17

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ГРУПП РИСКА» ИЗ ЧИСЛА УЧАЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, ПРИ ПРОЧИХ РАВНЫХ УСЛОВИЯХ СКЛОННЫХ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 205² УК РФ

Мария Александровна Стародубцева¹

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, starodubzewa@gmail.com*

Аннотация. Сегодня преступления, предусмотренные ст. 205² УК РФ, являются одними из самых распространенных среди прочих преступлений террористической направленности и совершаются преимущественно молодежью. Высокая концентрация студентов в рамках образовательной организации и значительная скорость распространения информации порождают опасность криминального заражения учащихся, которые в дальнейшем, уже занимаясь трудовой деятельностью, продолжат склонять окружающих к совершению этих преступлений. Важным аспектом является выделение критериев социально-правового и психологического характера, определяющих «группы риска» из числа учащихся.

Ключевые слова: «группы риска», образовательная организация, критерии, психологическая диагностика, постановка на профилактический учет

Для цитирования: Стародубцева М.А. Социально-правовые и психологические критерии определения «групп риска» из числа учащихся образовательных организаций профессионального и высшего образования, при прочих равных условиях склонных к совершению преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 98–101. doi: 10.17223/23088451/25/17

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/17

SOCIO-LEGAL AND PSYCHOLOGICAL CRITERIA FOR IDENTIFYING "AT-RISK GROUPS" AMONG VOCATIONAL AND HIGHER EDUCATION STUDENTS PRONE TO COMMITTING CRIMES UNDER ARTICLE 205² OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mariya A. Starodubtseva¹

¹ *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, starodubzewa@gmail.com*

Abstract. The article analyzes an algorithm for identifying "at-risk groups" among students of vocational and higher education institutions who, under otherwise equal conditions, demonstrate propensity to commit crimes under Article 205² of the Criminal Code of the Russian Federation. The high concentration of students within educational institutions and the rapid dissemination of information create risks of criminal contagion, where affected students may later "infect" their colleagues and subordinates in their professional lives. To prevent such risks, it is necessary to identify "at-risk groups" and place identified individuals on preventive monitoring within educational institutions. The criteria for determining "at-risk groups" include: propensity for systematic aggressive behavior toward individuals of different ethnicity or religion; propensity for systematic aggressive behavior toward citizens from countries with high terrorist activity; history of administrative offenses under Articles 20.3, 20.3.1, 20.29, and 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The identification algorithm consists of: 1) collecting primary information (gathering family background data, assessing material and living conditions); 2) psychological screening for predisposition to aggressive attitudes toward individuals of different ethnic/religious backgrounds; 3) identifying individuals with prior administrative or criminal records; 4) registering identified at-risk individuals for internal institutional monitoring. All criteria must be met cumulatively for preventive registration within the educational institution. To avoid psychological pressure on students, this registration must remain confidential. Monitoring should be conducted by specialized units to be established within each vocational and higher education institution.

Keywords: at-risk groups, educational institution, criteria, psychological screening, placing on preventive monitoring

For citation: Starodubtseva, M.A. (2025) Socio-legal and psychological criteria for identifying "at-risk groups" among vocational and higher education students prone to committing crimes under Article 205² of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 98–101. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/17

Перечень преступлений террористической направленности, косвенно закрепленный в УК РФ, включает в себя ряд противоправных деяний, выступающих в качестве проявлений терроризма как социального явления. На сегодняшний день одними из наиболее распространенных являются преступления, предусмотренные ст. 205² УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма. Данные уголовной статистики свидетельствуют об интенсивном росте зарегистрированных преступлений без учета высокого уровня их латентности. Так, за 2022 г. зарегистрировано 490 преступлений, за 2023 г. – уже 624, из них 548 квалифицировано по ч. 2 ст. 205² (те же деяния, совершенные с использованием сети Интернет). Темп прироста зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ, за два года составил 27,3%. За 2024 г. зарегистрировано уже 960 преступлений, при этом из них 898 квалифицировано по ч. 2 ст. 205². Темп прироста зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ, за год составил 53,8%.

Удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ, в общей структуре преступлений, предусмотренных ст. 205–205.6 УК РФ, за период 2022–2024 гг. увеличился с 25,2 до 27%.

Согласно использованным автором статистическим данным за 2017–2024 гг., установлено, что в основном данные преступления совершаются лицами 18–28 лет [1. С. 2].

Анализ и обобщение правоприменительной и судебной практики, проведенные автором, показывают, что удельный вес осужденных по ст. 205² УК РФ учащихся образовательных организаций профессионального образования в общей массе осужденных возраста 18–28 лет составляет за период 2018–2024 гг. в среднем 28%, а удельный вес осужденных учащихся образовательных организаций высшего образования – 31% в среднем [2. С. 5].

Статистические данные подтверждают особую актуальность исследуемой темы для образовательных организаций профессионального и высшего образования, поскольку сконцентрированность определенного количества обучающихся на территории образовательной организации способствует «вирусному» распространению среди них информации, в том числе информации о совершении их сверстником преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ. Отсюда возникает опасность криминального заражения и повторения данного преступления. Данный аспект указывает на формирование определенных предпосылок для образования определенной группы субъектов, которые в дальнейшем могут способствовать циркуляции негативной информации о привлекательности преступной деятельности террористической направленности.

В связи с ростом числа преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ, совершаемых учащимися образовательных организаций профессионального и высшего образования (78,4% из исследованных автором 185 материалов дел), на наш взгляд, необходимо рассмотреть алгоритм и критерии, позволяющие выявить учащихся,

входящих в «группу риска». Наиболее уязвимыми, на наш взгляд, выступают студенты 1–2-х курсов.

Криминологический анализ данного алгоритма был использован автором в 2023–2024 гг. при проведении исследований в ряде регионов. Для сбора эмпирических материалов был выбран ряд вузов и колледжей нескольких субъектов Сибирского федерального округа (Алтайский край, Новосибирская и Томская области).

Определение социально-правовых и психологических критериев учащихся, подлежащих включению в «группы риска», для получения объективной картины и охвата большего количества студентов было разделено на следующие этапы:

1. Сбор первичной информации (получение общих сведений о семье студента, обследование материального обеспечения и жилищно-бытовых условий). Информация фиксировалась педагогами-кураторами студенческих групп 1–2-х курсов и социальными педагогами в социальном паспорте группы. Сбор первичной информации осуществлялся с помощью анкетирования учащихся. В опросных листах содержались графы об условиях жизни и воспитания студентов в семье и текущем взаимодействии с другими учащимися в пределах студенческой группы.

2. Диагностика. Мониторинг психологической диагностики осуществлялся во взаимодействии автора с психологами координационных центров по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма (далее – координационные центры), функционирующих на базе ведущей образовательной организации региона.

В ходе исследования использовалась психологическая методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова, К.Д. Хломова, рекомендованная к применению в старших классах общеобразовательных организаций, в образовательных учреждениях СПО и высшего образования [3. С. 13]. В психологии нет официальных методик диагностики склонности лиц к совершению преступлений террористической направленности, поэтому эта методика была выбрана как наиболее приближенная по содержанию к целям исследования.

Данная методика состоит из 11 шкал (от шкалы «культ силы» до шкалы «конформизм»), каждая из которых вносит вклад в суммарную шкалу предрасположенности к агрессивному поведению, которое может вылиться в совершение преступлений экстремистской или террористической направленности.

Стимульный материал методики включает в себя инструкцию и 66 вопросов утверждений, на которые предусмотрены ответы по 5-балльной шкале (от «категорически не согласен» до «полностью согласен»). В качестве пунктов (утверждений) подобраны суждения о различных аспектах отношения к окружающим людям и социальным явлениям.

За 2023–2024 гг. автором было проведено тестирование 1 621 человека, в ходе которого были выявлены обу-

чающиеся в организациях профессионального образования – 862 (что составляет 53,1% от общего числа прошедших тестирование), и высшего образования – 759 (46,8%).

Возрастная категория выборки достаточно однородная: от 17 до 22 лет (преимущественно студенты 1-х и 2-х курсов). Каких-либо существенных различий в выборке учащихся по субъектам РФ выявлено не было.

Нами было установлено, что 235 чел. (14,5% от общего числа опрошенных) предрасположены к формированию установок на агрессивное поведение по отношению к лицам других национальностей и конфессий. Этот показатель – количество лиц, имеющих показатель выше нормативного значения по трем и более шкалам. Из них 102 человека (43,4%) – учащиеся образовательных организаций профессионального образования и 133 (56,5%) – учащиеся образовательных организаций высшего образования.

Рассматривались факты агрессии со стороны российских граждан (поскольку среди участвовавших в исследовании иностранных граждан не оказалось) по отношению к представителям разных национальностей, гражданам стран-очагов террористической напряженности (Украина и Прибалтийские республики), лицам, исповедующим ислам. Особенности национального состава образовательных организаций рассматриваемых регионов не позволяют судить о какой-либо распространенности обратного противостояния. Безусловно, подобные факты имеют место быть, но они не попали в выборку исследования.

Были выделены следующие категории лиц:

– Лица, имеющие склонность к систематическому агрессивному поведению в отношении лиц другой национальности или конфессии (агрессия в отношении представителей среднеазиатских национальностей – 155 человек, или 66%; в отношении представителей кавказских национальностей – 80 человек, или 34%; агрессия в отношении лиц, исповедующих ислам, – 207 человек, или 88%). Основные формы агрессии – физическое насилие (применили 183 человека, или 78%).

– Лица, имеющие склонность к систематическому агрессивному поведению в отношении граждан стран-очагов террористической напряженности (агрессия со стороны российских граждан в отношении граждан Украины, в том числе переехавших в РФ – 193 человека, или 82%; агрессия в отношении граждан Прибалтийских республик, в том числе переехавших в РФ, – 42 человека, или 18%). Основные формы агрессии – физическое насилие (применили 150 человек, или 64%), кибербуллинг (85 человек, или 36%).

При этом указанные формы агрессии не влекут за собой юридической ответственности, поскольку не имеют квалифицирующих признаков, свойственных составам правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, ст. 115, 116 УК РФ [4. С. 45].

3. Выявление лиц, ранее привлекавшихся к административной или уголовной ответственности. Данный этап осуществлялся во взаимодействии с администрацией ряда образовательных организаций профессионального и высшего образования Алтайского края, Новосибирской и Томской областей посредством изучения

личных дел отмеченной группы лиц, склонной к агрессивному поведению по отношению к лицам других национальностей и конфессий.

Из 235 человек было выделено 219 лиц (93,1%), ранее привлеченных к административной ответственности. Привлеченных к уголовной ответственности среди рассматриваемых учащихся не выявлено.

Автором зафиксированы основные составы административных правонарушений, совершенных рассматриваемой группой лиц:

– ст. 20.3 КоАП РФ («Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами») – 91 (41,5%). Из них 52 человека (57%) – учащиеся образовательных организаций профессионального образования и 39 (43%) – учащиеся образовательных организаций высшего образования;

– ст. 20.3.1 КоАП РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») – 65 (30%). Из них 31 человек (48%) – учащиеся образовательных организаций профессионального образования и 34 (52%) – учащиеся образовательных организаций высшего образования;

– ст. 20.29 КоАП РФ («Производство и распространение экстремистских материалов») – 44 (20%). Из них 20 человек (45%) – учащиеся образовательных организаций профессионального образования и 24 (55%) – учащиеся образовательных организаций высшего образования;

– ст. 20.2 КоАП РФ («Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования») – 19 (8,6%). Из них 9 человек (47,3%) – учащиеся образовательных организаций профессионального образования и 10 (53%) – учащиеся образовательных организаций высшего образования.

4. На основании выработанных нами критериев был определен круг лиц, подлежащих включению в «группы риска» и постановке их на профилактический учет в образовательной организации. Необходимо отметить, что постановка на учет внутри организации осуществлялась в случае наличия структурных подразделений (кураторы студенческих групп, антитеррористические центры, центры психологической безопасности и т.д.), осуществляющих данные функции. В случае их отсутствия информация передавалась в координационный центр данного региона.

Таким образом, обоснованы и выделены критерии, позволяющие определить «группы риска» из числа учащихся образовательных учреждений, склонных к совершению преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ. Критерии выявлены на основе исследования 235 человек, имеющих более выраженную предрасположенность к формированию установок на агрессивное поведение. Из них 102 человека (43,4%) – учащиеся образовательных организаций профессионального образования и 133 (56,5%) – учащиеся образовательных организаций высшего образования. Все учащиеся являются гражданами РФ. Из 235 человек было

выявлено 219 человек (93,1%), ранее привлеченных к административной ответственности.

Критерии определения «групп риска»:

– склонность к систематическому агрессивному поведению в отношении лиц другой национальности или конфессии;

– склонность к систематическому агрессивному поведению в отношении граждан стран-очагов террористической напряженности;

– факт привлечения к административной ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ; ст. 20.3.1 КоАП РФ; ст. 20.29 КоАП РФ; ст. 20.2 КоАП РФ.

Все перечисленные критерии должны наличествовать в совокупности для постановки лица на профилактический учет внутри образовательной организации. При этом чтобы не допустить риска криминального заражения других учащихся и психологического давления на учащегося, попавшего в «группу риска», постановка на учет должна носить конфиденциальный характер, об этом следует известить только самого учащегося и его родителей (законных представителей). Учет должны вести специальные структурные подразделения, которые необходимо создать на базе каждой образовательной организации профессионального и высшего образования. При этом предпочтителен индивидуальный подход в каждом конкретном случае.

Список источников

1. Статистические данные по преступлениям террористической направленности на территории РФ // Обзор. НЦПТИ. 2021. № 4 (27). 78 с.
2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Информационно-методические материалы для специалистов психологической службы по применению диагностического инструментария для изучения склонности личности к экстремизму и терроризму. Донецк : ДРУМЦ ПС СО, 2021. 54 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2025).

References

1. *Obzor. NtsPTI.* (2021) Statisticheskie dannye po prestupleniyam terroristicheskoy napravlenosti na territorii RF [Statistical Data on Terrorist Crimes in the Russian Federation]. 4 (27).
2. *Ofitsialny sayt Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii* [Official Website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/> (Accessed: 20.03.2025).
3. Anon. (2021) *Informatsionno-metodicheskie materialy dlya spetsialistov psikhologicheskoy sluzhby po primeneniyu diagnosticheskogo instrumentariya dlya izucheniya sklonnosti lichnosti k ekstremizmu i terrorizmu* [Information and Methodological Materials for Psychological Service Specialists on the Application of Diagnostic Tools for Studying Personality Inclination to Extremism and Terrorism]. Donetsk: DRUMTs PS SO.
4. Consultant Plus. (2025) *Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 20.03.2025). (In Russian).

Информация об авторе:

Стародубцева М.А. – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: starodubzewa@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.A. Starodubtseva, senior lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Law, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: starodubzewa@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.02.2025;
одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 25.02.2025;
approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.9

doi: 10.17223/23088451/25/18

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ

Галина Анатольевна Трофимова¹

¹ Научно-исследовательское объединение «Правовая инициатива», Иркутск, Россия, Trofimova_Galy@mail.ru

Аннотация. Изучив различные критерии, тем или иным образом влияющие на определение асоциальной (девиантной) направленности личности, в качестве наиболее целесообразного для правоприменительной деятельности был выбран такой, как основополагающая социально-психологическая установка. Описаны пять типов личности преступника: эгоцентричный инстинктивный, эгоцентричный выборочный, относительно эгоцентричный (групповой), эмпатичный принуждённый, эмпатичный отчаявшийся.

Ключевые слова: личность преступника, скрытая агрессия, формирование личности преступника, наказание за преступление, изобличение виновного лица, типы личностей преступника, жертва преступления, эмпатичный тип личности преступника, эгоцентричный тип личности преступника, ответственность за ненадлежащее воспитание

Для цитирования: Трофимова Г.А. Типология личности преступника в зависимости от основополагающей социально-психологической установки // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 102–108. doi: 10.17223/23088451/25/18

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/18

TYPOLOGY OF OFFENDER PERSONALITY BASED ON FOUNDATIONAL SOCIO-PSYCHOLOGICAL ATTITUDES

Galina A. Trofimova¹

¹ Research Association "Legal Initiative", Irkutsk, Russian Federation, Trofimova_Galy@mail.ru

Abstract. Current methods of defining criminal personality typically rely on characteristics observed in incarcerated individuals. However, a more effective approach would focus on distinctive traits common to all offenders, selecting those that enable systematic identification of perpetrators for specific crimes, optimal corrective interventions, and root-cause analysis of antisocial behavior formation. This study aims to establish a personality framework for assessing antisocial (deviant) tendencies and develop a corresponding offender personality typology. The methodology integrates general scientific methods (analysis, synthesis), specialized legal approaches (formal-logical, comparative legal, systemic-structural); psychological techniques (observation, biographical analysis). Key assessed personality dimensions include aggression expression patterns, cognitive ability levels, emotional/psychological stability, behavioral intentionality, societal norm recognition. The foundational socio-psychological attitude was identified as the most legally relevant criterion for determining deviant propensities. The resultant typology classifies offenders into five types: instinctive egocentric, selective egocentric, group-influenced egocentric, coerced empathetic, despair-driven empathetic.

Keywords: criminal personality, hidden aggression, formation of criminal personality, punishment for crime, exposure of a guilty part, offender personality types, crime victim, empathetic offender type, egocentric offender type, liability for negligent upbringing

For citation: Trofimova, G.A. (2025) Typology of offender personality based on foundational socio-psychological attitudes. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 102–108. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/18

При характеристике личности преступника обычно пользуются понятием «общественная опасность личности», подразумевая под ним направленность лица на разрушение общественных отношений путем совершения преступлений. Однако в криминологическом аспекте важнее другое – лицо, которое расположено к тому, чтобы совершить преступление, т.е. потенциальность преступности. Соответственно, необходимо выбрать такой критерий, который бы указывал на асоциальную (девиантную) направленность личности.

В научной литературе наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой личность преступника – это, в принципе, достаточно определенный тип: с точки зрения собственного контроля – неуравновешенный; с точки зрения регулирования волевой активности – спонтанный, не соизмеряющий свои усилия с необходимыми для разрешения конфликтной ситуации; с точки зрения интеллектуального уровня – необразованный и примитивно действующий; с точки зрения социальной адаптации – плохо приспособляемый к

правилам, не умеющий поддерживать отношения с другими людьми.

Вот, например, какую характеристику дают известные криминологи: «Сравнительное психологическое изучение личности больших групп преступников и законопослушных граждан показало, что первые отличаются от вторых значительно более высоким уровнем импульсивности, т.е. склонностью действовать по первому побуждению, и агрессивностью, что сочетается у них с высокой чувствительностью и ранимостью в межличностных взаимоотношениях. Из-за этого такие лица чаще применяют насилие в различных конфликтах. Они хуже усвоили требования правовых и нравственных норм, больше отчуждены от общества и его ценностей, от малых социальных групп (семьи, трудовых коллективов и т.д.), и у них плохая социальная приспособляемость».

Именно указанные признаки в совокупности с антиобщественными взглядами и ориентациями отличают преступников от неправопослушных, а их сочетание (необязательно, конечно, всех) у конкретного лица выступает в качестве непосредственной причины совершения преступлений» [1. С. 5–6].

Правда, тут же делается уточнение: «Такие черты в наибольшей степени присущи тем, кто совершает грабежи, разбойные нападения, изнасилования, убийства или наносит вред здоровью, в наименьшей – тем, кто был признан виновным в совершении краж, а еще меньше – лицам, совершающим преступления в сфере экономической деятельности» [1. С. 6].

Сразу возникает вопрос: если определенные черты присущи лицам, совершающим насильственные преступления, то тогда как их можно выдавать за общие? Если не исследованы черты тех, кто совершает ненасильственные, интеллектуального характера преступления, то как можно оперировать выборочными данными? Можно возразить, что исследованию подлежали лица, находящиеся в местах лишения свободы, и исследования носят эмпирический характер, что очень ценно. Однако анализ статистических данных относительно того, какие виды преступления обычно раскрываются, указывает на то, «что к уголовной ответственности привлекаются в основном социально незащищенные слои общества, те, кто совершил примитивное и очевидное деяние и не способен квалифицированно защитить себя» [2. С. 633–634].

Если посмотреть на лиц, совершающих преступления, требующие наличие высокого (выше среднего) уровня интеллекта, то их характеристика будет совершенно иной. Например, лица, совершающие экономические преступления, уже описываются следующим образом: «В структуре нравственно-психологической характеристики личности экономического преступника можно отметить тот факт, что лица, совершающие экономические преступления, имеют определенные отличия от законопослушных граждан, однако они не столь существенны и выражаются в том, что экономические преступники наиболее социально адаптированы, стремятся к соблюдению принятых норм, производят впечатление благоразумных, доброжелательных, общительных, имеющих широкий круг интересов людей» [3. С. 8].

Роль лица в совершении преступления чаще всего образует дифференциацию типов личности: «Результаты проведенного исследования позволяют дать следующую обобщенную социально-демографическую характеристику личности коррупционного преступника – это мужчина, гражданин Российской Федерации в возрасте от 30 до 49 лет с высшим профессиональным образованием, имеющий семью, совершивший преступление в месте своего постоянного проживания (в данной местности). Указанные признаки в большей степени соответствуют специальным субъектам преступлений коррупционной направленности – должностным лицам. Личность коррупционного преступника-взяточника имеет некоторые отличия. Так, среди них гораздо больше граждан стран СНГ и иных государств, в основном это лица со средним общим образованием, трудоспособные, но без определенных занятий или рабочие» [4. С. 335–336].

Таким образом, наличие образования может влиять на возможность совершения преступлений, требующих соответствующих познаний (как в указанном примере относительно совершения экономических преступлений), однако сам интеллект может быть развит и на более ранней стадии. Так, при исследовании личных особенностей осужденных к наказаниям без изоляции от общества юношеского возраста (15–17 лет) было выявлено, что у них доминируют осознанность, уверенность и спонтанность, и эти выводы согласуются с выводами других исследователей о социальной сметливости и умении манипулировать людьми [5. С. 74].

Если воспользоваться знаниями социальной психологии, то можно всех лиц, совершивших преступление, разделить на две категории: открытых агрессоров и скрытых агрессоров.

Под скрытыми агрессорами следует понимать лиц с аналогичными намерениями, однако под маской милого и приятного субъекта; они, как правило, совершают преступление, прибегая к средствам психологического воздействия, или, иначе говоря, манипулирования. Даже преступления в форме издевательства над личностью они, в силу более развитого интеллекта и социализации, будут совершать в более тонкой манере. Например, будут пытаться довести лицо до самоубийства путем ежедневного третирования (т.е. психологического подавления), а не физического истязания; либо путем применения физического истязания, но посредством исполнения его другими лицами.

Именно способ проявления агрессии отличает интеллектуально неразвитых личностей от интеллектуально развитых, а каждому из этих двух категорий личностей соответствует и определенный характер преступной деятельности.

Лиц со скрытой агрессией иногда называют лицами с расстройством характера [6. С. 54]. Хотя под словом «характер» обычно понимается любое, не только положительное состояние. Вот пример одного из определений: «Характер – совокупность устойчивых черт личности, которая обуславливает типичные для индивида способы поведения» [7. С. 153].

Так как понятие «личность преступника» указывает на наличие определенных свойств, присущих человеку

и характеризующих его соответствующим образом, то вполне разумно признать в качестве личности преступника набор устойчивых черт личности, которые определяют его направленность на девиантное поведение.

Следует, на наш взгляд, согласиться, что наиболее частой причиной агрессивного поведения в наши дни является недостаточность ограничения личностью своих базовых инстинктов [6. С. 38].

Характер агрессивной личности описывается следующим образом: «В содержательном плане ведущими признаками агрессивного поведения можно считать такие его проявления, как: выраженное стремление к доминированию над людьми и использованию их в своих целях; тенденцию к разрушению; направленность на причинение вреда окружающим людям; склонность к насилию (причинению боли).

Обобщая все перечисленные признаки, можно говорить о том, что агрессивное поведение личности подразумевает любые действия с выраженным мотивом доминирования» [8. С. 138].

Если упростить эту формулу, то можно отметить главное: агрессивная личность не рассматривает прав других лиц на пространство, время, имущество и признание. Уступает лишь в том случае, если другой субъект оказывается сильнее, либо если какое-либо благо совсем не интересует и не мешает ощущать себя центром вселенной.

Кроме того, агрессоры умеют убеждать людей в своей непогрешимости, безупречности родительских, профессиональных и иных качеств; при этом они всегда делают акцент на негативных аспектах поведения жертвы, ее психологической нестабильности и т.п. [9. С. 288]. Такая личность «способна лгать так правдоподобно и убедительно, что третья сторона, будь то посредник, сотрудник органов по охране детства, полицейский или судья, может принять ее или его слова за чистую монету» [9. С. 288–289].

Эмоциональная характеристика личности дает возможность выяснить, насколько личность может контролировать свои эмоции и управлять ими. И выражается в определенном уровне эмоциональной устойчивости.

Основавается эмоциональный критерий на таком факторе, как темперамент. И это уже в большей степени биологическая, а не психологическая характеристика личности (иногда ее называют биологической составляющей психической индивидуальности [10. С. 34]). Можно принять в качестве ориентира следующее определение: «Темперамент – это характеристика индивида со стороны динамических особенностей его психической деятельности, то есть темпа, ритма и интенсивности отдельных психических процессов и состояний» [10. С. 37].

На практике импульсивность одних может приниматься за негативный аспект, в то время как пассивность и спокойствие других – за позитивный аспект. Однако следует учитывать тот факт, что темперамент – это врожденная характеристика, которая совсем немного меняется по мере взросления человека и может указывать на наиболее типичный способ действия личности.

Обычно лица, выполняющие мелкие поручения (пособники), обладают слабым интеллектом, однако в эмоциональном плане могут быть вполне спокойными личностями. Те же лица, кто возглавляет группы, осуществляющие насильственные преступления, чаще всего обладают большим интеллектом, чем подчиненные им члены группы, но в эмоциональном плане это ярко выраженные агрессоры, однако при определенных ситуациях. Те лица, что выполняют наиболее грязную работу (непосредственные исполнители насильственных преступлений), обычно эмоционально взрывные, неуравновешенные и интеллектуально не развитые. Но представители тонко выполненной работы, в том числе при осуществлении физического насилия, уже спокойные, нередко обладают хорошим интеллектом.

Темперамент не может служить объективным фактором при определении степени вины. Самые страшные преступления совершаются чаще лицами, внешне выглядящими очень спокойными и уравновешенными. Это так называемые преступления «накопления», т.е. совершенные после того, как лицо становится переполненным раздражением на какие-то события, действия, причем разного рода.

Поэтому необходимо отметить тот факт, что ярко выраженный темперамент – это не признак личности преступника и плохо выраженный интеллект – тоже не признак личности преступника. Эти факторы могут отражать лишь определенную преступную направленность личности, определенную роль в осуществлении преступления.

Еще один аспект проявления агрессивности заключается в уровне психологической устойчивости субъекта. Базируется он на таком критерии, как «чистота» воли лица, т.е. зависимость от собственных либо чужих желаний. На его основе лиц можно разделить на ведомых и ведущих. Реальные лидеры всегда относятся к последней категории, однако нередко лидер может сочетать черты и ведомого (по отношению к вышестоящему субъекту в признаваемой им иерархии), и ведущего.

Среди лиц с открытой агрессией могут быть ведущие и ведомые, а среди лиц со скрытой агрессией, конечно же, больше всего ведущих и ведущих-ведомых. Но и ведомость/ведущность также не выступает в качестве отличительного признака личности преступника. Она влияет лишь на его роль в преступлении.

В качестве еще одного аспекта проявления агрессивности можно назвать искренность намерения лица. Выясняется на основе действия такого критерия, как «чистота» волеизъявления лица, т.е. соответствия волеизъявления воле лица.

Отсутствие «чистоты» волеизъявления свидетельствует о применении к лицу психического либо физического насилия (причем осознаваемого им – либо до, либо после совершения деяния; однако не благодаря убеждающему эффекту со стороны третьих лиц). Указывает на деформацию поведения лица относительно его собственных внутренних установок и, соответственно, искажает представление о самой личности. Данный фактор необходимо всегда учитывать при определении степени асоциальности (девиантной направленности) личности.

Еще один аспект проявления агрессии – это уровень уважения (признания прав) других лиц. По аналогии – и к животным; иным объектам живой и неживой природы. Именно от отношения к другим лицам определяется общая направленность субъекта: сдерживать свои желания либо поступать, не согласуясь с тем, может ли такое поведение причинить вред окружающим.

Данная характеристика личности базируется на таком критерии, как основополагающая социально-психологическая установка.

Каждый тип асоциальной (девиантной) личности зависит от той или иной степени пренебрежительно-доминантного отношения к другим лицам. На степень опасности личности при этом влияет основание (причины и условия) выбора девиантного поведения (в частности, уровень ведомости, соответствие волеизъявления воле) и скрытности своего намерения (в виде действий открыто, действий тайно, действий с помощью методов психологического манипулирования – т.е. скрытно от жертвы¹).

На основе изучения воззрений современных ученых-психологов и анализа собственной практической деятельности по изучению круга лиц с девиантным поведением (метод наблюдения и биографический метод) было выделено несколько типов личности преступника асоциальности (девиантной направленности). Таким образом, была получена следующая классификация, начиная с самых ярко выраженных типов личности преступника.

I. Эгоцентричный инстинктивный тип личности.

Ключевая установка, полученная при воспитании в детстве: «Делай, что хочешь». При формировании личности закрепляется мировоззрение о том, что имеются только права, а обязанностей не существует. Что все, что есть у других людей, можно забрать. Если не отдадут добровольно, то можно применить силу.

Нередко лица такого типа – это дети из благополучных семей, где мать, отец да и другие родственники ставили интересы ребенка превыше всего. Если же ребенок нарушал права других людей, то его не только не наказывали, но даже гордились его поведением.

Вырастая, такая личность все больше уверяется в том, что есть только её интересы и ничьи более. Для получения желаемого не останавливается ни перед чем. Лицам такого типа не понятны чужие страдания. И в случае надобности они перешагивают и через права своих родителей.

Вот один из вариантов описания такой личности применительно к подросткам: «В случае несформированности системы нравственных ценностей подростка сфера его интересов начинает принимать преимущественно корыстную, насильственную, паразитическую или потребительскую направленность. Эгоцентрическая позиция подростка с демонстрацией пренебрежительного отношения к существующим нормам и правам

другого человека приводит к “отрицательному лидерству”, навязыванию физически более слабым сверстникам системы их “порабощения”, бравате криминальным поведением, оправданию своих действий внешними обстоятельствами, низкой ответственности за свое поведение» [11. С. 34–35].

Лица этого типа осуществляют преступления по своей воле, т.е. подчиняясь собственным желаниям, и чаще всего эти желания основываются на базовых инстинктах: доминировать, ответить на обиду, схватить понравившееся и т.д. Им свойственно представление об обществе как о месте, где существуют только сам человек и его интересы.

Интеллект развит слабо. Эмоциональная устойчивость чаще всего низкая. Личность действует либо открыто, либо тайно, методами манипулирования не владеет либо они примитивны. Уровень психологической устойчивости низок.

Сюда можно отнести, в частности, исполнителей насильственных преступлений, а также краж и хулиганства, т.е. преступлений с ярко выраженной захватнической агрессивной деятельностью.

II. Эгоцентричный выборочный тип личности.

Ключевая установка, полученная при воспитании в детстве: «Делай, что хочешь, но так, чтобы другие не могли тебе навредить».

При воспитании делается акцент выбирать нужных людей, а как только потребность в каком-то человеке отпадает, личность данного типа прекращает относиться к нему с уважением.

В частности, ребенок может делать исключение в отношении родителей или иных лиц, кто удовлетворяет его потребности, служит его интересам. Как только он сможет обходиться без помощи соответствующих лиц, то и к ним будет относиться с позиции эгоцентризма.

В целом, не признавая прав других лиц, такие личности делают исключение по отношению к тем, обидеть кого представляется невыгодным из-за опасения отказа в предоставлении нужных услуг либо мести.

А так как личность заботится о том, чтобы ей не было причинено вреда, то не будет в открытую нарушать нормы права. То есть для осуществления преступления использует преимущественно ум.

Действует, как правило, через других лиц, т.е. отдавая приказы, причем устные, с помощью конклюдентных действий; при этом используя различные рычаги давления – от физической силы (лица, наименее интеллектуально развитые) до психологического принуждения (лица, наиболее интеллектуально развитые). Совершение деяния происходит после тщательного изучения методов действия и жертвы.

Интеллектуальный уровень средний либо высокий. Эмоциональная устойчивость средняя либо высокая.

¹ Так как в уголовном праве принято разделять деяния на открытые и тайные, а в психологии виды агрессии – на открытую и скрытую, то получается почти полное лексическое совпадение. Однако следует иметь в виду, что под открытым действием понимаются действия на виду у свидетелей, под тайным действием – действия без свидетелей, а под скрытым действием – действия с помощью психологического

манипулирования. При этом, конечно же, уголовно-правовое тайное действие следует отнести к открытому виду агрессии, так как понятия «открытая и скрытая агрессия» связывают со способом осуществления деяния – своими действиями либо действиями иного лица, в том числе и самой жертвы, без осознания ими напрямую факта причинения вреда.

Лицо действует тайно либо с применением методов манипулирования. Уровень психологической устойчивости средний либо высокий.

К такому типу личности чаще относятся представители беловоротничковой преступности; руководители различных группировок и преступных организаций.

III. Относительно эгоцентричный (групповой) тип личности. Ключевая установка, полученная в детстве: «Уважай, прежде всего, людей своего круга (т.е. принадлежащих твоей семье, нации и т.д.), с ними тебе жить, ради них можно нарушить любые нормы».

Воспитываться ребенок может в любви либо в не любви, но в глубокой вере в силу определенной общности. И все его действия служат этой установке. При конфликтной ситуации человек не будет разбирать, кто был прав или виноват, а пойдет сразу заступаться за того, кто принадлежит к признаваемому им коллективу.

Возникать приобщение может не только благодаря примеру родителей, но и иных «наставников», с которыми пришлось человеку, особенно в подростковом возрасте, встретиться (преступная группировка, партия, фанатская группа), а также собственному выбору (например, на основе просмотра фильма, прочтения книги) ради реализации чувства общности и появления цели деятельности.

Уровень психологической устойчивости от низкого до среднего. Воля лица согласуется с волей коллектива, уступая воле последнего. Для лица важнее всего не выпасть из коллектива, быть им признанным. Права других признаются только в отношении членов коллектива, к которому принадлежит сама личность (это может быть семья, группа единомышленников, национальная группа и т.д.).

И причина этому хорошо описана при характеристике религиозного фанатизма: «Особую роль играет феномен “избранности”, формирующий, с одной стороны, чувство идентификации с группой единомышленников, “посвященных в тайну”; с другой – укрепляющее чувство превосходства над другими (непосвященными) людьми» [10. С. 120].

Уровень интеллекта может быть как низкий, так и средний. Эмоциональная устойчивость разного уровня. Действовать лица могут разными методами, как самыми примитивными, так и с помощью манипулирования.

IV. Эмпатичный принужденный тип личности. Ключевая установка, полученная в детстве: «Необходимо уважать права разных людей».

Личность данного типа, независимо от материального положения и состава семьи, воспитывается в атмосфере доброжелательного отношения к другим людям. Нередко лицо бескорыстно в своих поступках. В случае невольного (импульсивного) причинения вреда другим лицам чувствует вину и старается исправить сложившееся положение, загладить вред. Из-за присущего чувства стыда может попытаться загладить вред тайно. Помнит о своих оплошностях долго, уважительно относится к чужому труду. Нередко воспринимает других людей как дальних родственников.

Негативно относится к манипулированию людьми, а потому чаще в своих действиях лицо искренно. Если же

будет воспитано как свободолюбивая личность, то будет стараться противостоять обидчикам и открыто выражать свою позицию в отношении них.

То есть возможно существование как пассивно законопослушной личности, так и активно законопослушной личности.

«Чистота» волеизъявления у такого лица нарушена. В силу ряда обстоятельств лицо вынуждено идти на преступление; в ином случае могут быть нарушены его права на основополагающие блага. Например, когда в силу зависимости от начальника или иного лица, неподчинение которым грозит серьезными последствиями, лицо вынуждено нарушать правовые нормы. Нередко причиной преступления становится угроза жизни и здоровья, безопасности своей или близких лиц. Например, в силу отсутствия источника существования и невозможности его приобретения законным способом; в силу невозможности противостоять насильственным действиям, защитить от которых не могут (не вправе) правоохранительные органы. Интеллектуальный уровень может быть низкий, средний либо высокий; то же в отношении эмоциональной устойчивости. Психологическая устойчивость чаще всего (но не всегда) среднего и высокого уровня. Действует личность в соответствии с полученной от принуждающего лица установкой (открыто либо тайно, манипулирование применяет в зависимости от собственного умения).

V. Эмпатичный отчаявшийся тип личности. Ключевая установка, полученная при воспитании в детстве: аналогичная предыдущему типу.

Это лица эмпатичного (т.е. уважающего права других лиц) типа, однако доведенные до состояния самостоятельного воздаяния за разрушительные действия других лиц или, иначе говоря, добродетельной мести.

Подобная ситуация возможна вследствие причинения вреда такого уровня, что жизнь не представляется без компенсации возникшей внутри боли из-за отрицательных действий другого лица, а наказание причинителю вреда со стороны правоохранительных органов отсутствует (не предусмотрено законом либо принято решение об освобождении от ответственности на основании нереабилитирующих лиц обстоятельств) либо недостаточно – слишком мягкое наказание относительно совершенного деяния.

Месть в отношении мерзкого поступка (не всегда признаваемого преступлением с точки зрения законом установленных правил или собранных доказательств) в силу сложившейся общественной установки воспринимается в лучшем случае как обстоятельство, не отягчающее деяние. Однако как с человеческой, так и с психологической точки зрения все не так однозначно.

В частности, по мнению А.А. Реан, «зачастую причинение вреда обидчику не является для “мстителя” самоцелью, истинная цель мщения – возмещение причиненного ущерба, нейтрализация деструктивных последствий акта агрессии. Дело в том, что сфера витальных интересов человека чрезвычайно широка и никоим образом не может быть прямо сведена к интересам биологическим. В большинстве культур такие ценности, как социальное признание, уважение в микросоциуме и любовь близких, имеют первостепенное значение» [12. С. 15].

Кроме того, различается месть как защита и месть как способ не уронить свое достоинство [13. С. 159, 162]. Месть как защита интерпретируется как защитная реакция от возможного причинения вреда [13. С. 159].

На наш взгляд, месть в виде возмещения ущерба, нейтрализации деструктивных последствий акта агрессии, независимо от того, был направлен этот акт против самого мстящего или близких ему людей (в самом широком смысле слова), как раз и может иметь место и рассцениваться как логичная, хотя и не отвечающая нормам официального права реакция лица, притом не указывающая на повышенную его опасность.

Волеизъявление лица не нарушено, уровень интеллекта чаще всего не ниже среднего. Свойственна психологическая устойчивость (не ниже среднего уровня) и достаточная эмоциональная уравновешенность.

Личность здраво осознает свое деяние, целенаправленно идет на его совершение; уважает права общества. Однако требует и уважительного отношения к ее правам и правам окружающих людей, а совершенное преступление здесь выступает лишь как действие, устраняющее этот дисбаланс.

Обобщая приведенные характеристики, можно отметить следующее. Личности эгоцентричного типа (первые три разновидности) могут совершать преступления как с целью удовлетворения нормальных (естественных для каждого человека) потребностей (в пище, одежде, внимании, привязанности, признании и т.д.), так и аномальных или садистских¹ (в желании уничтожить других людей, природу, произведения искусства, иных объектов).

Садистские потребности возникают в силу желания человека возвыситься над окружающими посредством уничтожения всего вокруг. Они возникают на основании убежденности человека в том, что он является единовластным хозяином своей судьбы (а иногда и судеб других людей), а также его положительного отношения к агрессии (как к полезному или нормальному явлению) [8. С. 144].

Кроме того, для эгоцентричного типа личности характерен и такой основополагающий мотив девиантной деятельности, как желание доминировать над кем-то.

В относительно эгоцентричном (групповом) типе личности сталкиваются две тенденции: уважение к людям, но только своей групповой принадлежности, и доминирование над другими либо пренебрежение их интересами.

Эмпатичный тип личности преступника в качестве ключевой характеристики имеет не доминирование над другими лицами, а страх, бессилие, чувство несправедливости и другие мотивы (не лишённые человеколюбия) осуществления девиантной деятельности.

В результате можно сделать вывод, что такой критерий, как основополагающая социально-психологическая установка, наиболее четко отражает суть человеческой личности, помогает уяснить наличие стойкой направленности лица на нарушение прав других лиц либо случайности, вынужденности совершения преступления. Предложенную на этом основании классификацию личностей преступника целесообразно использовать при обнаружении лица, совершившего преступление, выборе мер пресечения, мер наказания, а также при формировании законодательных установок относительно мотивов, целей и средств совершения преступления и защиты от них общества.

Список источников

1. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М. : Норма, 2018. 368 с.
2. Лунев В.В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть. М. : Юрайт, 2011. 1003 с.
3. Марданов А.Б. Личность современного экономического преступника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 27 с.
4. Личность коррупционного преступника / под общ. ред. Р.В. Жубрина. М. : Проспект, 2019. 384 с.
5. Цветкова Н.А., Полякова Я.Н., Лобачева Л.П. Личностные особенности осужденных к наказаниям без изоляции от общества юношеского возраста // Прикладная юридическая психология. 2018. № 2. С. 70–79.
6. Саймон Дж. Манипулятор в овечьей шкуре / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2019. 219 с.
7. Психология и педагогика: теория. Ч. 1 / И.Ю. Низовая, В.Г. Стасенко. Воронеж : Международный институт компьютерных технологий, 2010. 196 с. URL: https://www.koob.ru/stasenko_v/psy_pedagogy_1?ysclid=m9mjgac8dz138486306 (дата обращения: 22.12.2023).
8. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М. : Академия, 2004. 288 с.
9. Далсегг А., Вессе И. На крючке: Как разорвать круг нездоровых отношений : пер. с норв. М. : Альпина Паблишер, 2022. 406 с.
10. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения : учеб. пособие. СПб. : Речь, 2005. 445 с.
11. Родермель Т.А. Девиантное поведение подростков: философский и клинико-психологический аспекты : учеб. пособие. Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2015. 100 с.
12. Реан А.А. Предисловие к русскому изданию // Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. 2-е изд. СПб. : Питер, 2017. С. 12–16.
13. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. 2-е изд. СПб. : Питер, 2017. 416 с.

References

1. Antonyan, Yu.M. & Eminov, V.E. (2018) *Lichnost prestupnika. Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie* [The Personality of the Criminal: A Criminological-Psychological Study]. Moscow: Norma.
2. Luneev, V.V. (2011) *Kurs mirovoy i rossiyskoy kriminologii: uchebnyk: v 2 t.* [Course of World and Russian Criminology: Textbook in 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Yurayt.
3. Mardanov, A.B. (2011) *Lichnost' sovremennogo ekonomicheskogo prestupnika* [The Personality of a Modern Economic Criminal]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.
4. Zhubrin, R.V. (ed.) (2019) *Lichnost' korruptsiionnogo prestupnika* [The Personality of a Corruption Criminal]. Moscow: Prospekt.
5. Tsvetkova, N.A., Polyakova, Ya.N. & Lobacheva, L.P. (2018) *Lichnostnye osobennosti osuzhdennykh k nakazaniyam bez izolyatsii ot obshchestva yunosheskogo vozrasta* [Personal Characteristics of Juvenile Offenders Sentenced to Non-Custodial Punishments]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 2. pp. 70–79.
6. Simon, G. (2019) *Manipulyator v ovechey shkure* [Wolf in Sheep's Clothing]. Trans. from English. Moscow: Alpina Publisher.

¹ В данном случае под садистскими подразумеваются все наклонности без разделения их на желание истязать и желание разрушать.

7. Nizovaya, I.Yu. & Stasenko, V.G. (2010) *Psikhologiya i pedagogika: teoriya* [Psychology and Pedagogy: Theory]. Part 1. Voronezh: Mezhdunarodnyy institut kompyuternykh tekhnologiy. [Online] Available from: https://www.koob.ru/stasenko_v/psy_pedagogy_1 (Accessed: 22.12.2023).
8. Zmanovskaya, E.V. (2004) *Deviantologiya: (Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya)* [Deviantology: (Psychology of Deviant Behavior)]. 2nd ed. Moscow: Akademiya.
9. Dalsegg, A. & Vesse, I. (2022) *Na kryuchke: Kak razorvat krug nezdorovykh otnosheniy* [On the Hook: How to Break the Cycle of Unhealthy Relationships]. Trans. from Norwegian. Moscow: Alpina Publisher.
10. Mendelevich, V.D. (2005) *Psikhologiya deviantnogo povedeniya* [Psychology of Deviant Behavior]. Saint Petersburg: Rech.
11. Rodermel, T.A. (2015) *Deviantnoe povedenie podrostkov: filosofskiy i kliniko-psikhologicheskiy aspekty* [Deviant Behavior of Adolescents: Philosophical and Clinical-Psychological Aspects]. Novosibirsk: Izdatelstvo TsRNS.
12. Rean, A.A. (2017) Predislovie k russkomu izdaniyu [Foreword to the Russian Edition]. In: Baron, R. & Richardson, D. *Agressiya* [Aggression]. Trans. from English. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter. pp. 12–16.
13. Baron, R. & Richardson, D. (2017) *Agressiya* [Aggression]. Trans. from English. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter.

Информация об авторе:

Трофимова Г.А. – кандидат юридических наук, эксперт научно-исследовательского объединения «Правовая инициатива» (Иркутск, Россия). E-mail: Trofimova_Galy@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.A. Trofimova, Cand. Sci. (Law), expert, Research Association "Legal Initiative" (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: Trofimova_Galy@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.03.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 10.03.2025;
approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

КРИМИНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 343.9

doi: 10.17223/23088451/25/19

**МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И НЕКОТОРЫЕ НЕТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Кирилл Константинович Клевцов¹

¹ НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия, klevtsov001@gmail.com

Аннотация. В статье приводятся методы противодействия расследованию, а также некоторый опыт зарубежных государств в их преодолении. Автором сделан акцент на использовании таких нетрадиционных и современных способов преодоления, как опрос с использованием полиграфа, который под определенным углом зрения рассматривается как законный прием. С другой стороны, встречаются и довольно спорные, к которым следует отнести гипноз, или вовсе незаконные, граничащие с пыткой, – применение «сыворотки правды» при производстве вербальных следственных действий (наркоанализ) или «допрос третьей степени». Также рассматриваются альтернативы экстрадиции – чрезвычайная рендиция как способ преодоления противодействия уголовно преследуемых лиц, связанных с пребыванием последних за рубежом. Особо оговаривается техническое противодействие и приводится опыт США относительно возможности получения электронной информации напрямую от поставщиков услуг вне рамок традиционной взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Ключевые слова: зарубежный опыт, полиграф, гипноз, «сыворотка правды», чрезвычайная рендиция, электронная информация

Для цитирования: Клевцов К.К. Методы противодействия расследованию преступлений и некоторые нетрадиционные способы их преодоления: зарубежный опыт // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 109–117. doi: 10.17223/23088451/25/19

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/19

**METHODS OF OBSTRUCTING CRIME INVESTIGATIONS AND SOME NON-TRADITIONAL
APPROACHES TO COUNTERACT THEM: INTERNATIONAL PRACTICES**

Kirill K. Klevtsov¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, klevtsov001@gmail.com

Abstract. Methods of obstructing crime detection and investigation are largely symmetrical across jurisdictions (e.g., crime scene staging, false testimony etc.). However, approaches to counteracting such obstruction vary significantly in substance. This is particularly evident in common law countries (e.g., India, the U.S.), where law enforcement employs legally permissible techniques (e.g., polygraph-assisted interviews); legally contentious methods (e.g., hypnosis); outright unlawful practices bordering on torture and, in some cases, constituting torture itself (e.g., "truth serum" administration during interrogations (narcoanalysis) or "third-degree" interrogation tactics). Concurrently, most nations now face technology-driven obstruction, compelling law enforcement to develop specialized hardware/software solutions, such as digital forensics tools (e.g., Israel's UFED, Sweden's XRY for electronic evidence extraction); blockchain analytics platforms (e.g., U.S.-based Chainalysis for cryptocurrency transaction tracking).

Keywords: international practice, polygraph, hypnosis, "truth serum", extraordinary rendition, digital information

For citation: Klevtsov, K.K. (2025) Methods of obstructing crime investigations and some non-traditional approaches to counteract them: International practices. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 109–117. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/19

I. Общая характеристика противодействия расследованию. В Российской Федерации вопросам противодействия расследованию преступлений уделяется существенное внимание, о чем свидетельствует множество научных работ по криминалистике [1–3]. Противодействие предварительному расследованию представляет собой «умышленное конфликтное поведение,

осуществляемое участниками уголовного судопроизводства и (или) лицами, не имеющими какого-либо процессуального статуса, в отношении деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, целью которого является воспрепятствование достижению правоохранительными органами задач (назначе-

ния) уголовного судопроизводства путем осуществления различных способов сокрытия преступлений и (или) иных действий, не связанных с воздействием на доказательственную информацию о событии преступления» [4. С. 76].

Как отмечается в литературе, «объектом же криминалистического учения являются: преступная деятельность по противодействию расследования и ее механизм (действие субъекта по противодействию расследования преступления, способы и приемы противодействия); деятельность уполномоченных лиц по преодолению такого противодействия (способы распознавания и выявления признаков противодействия, таких как резкое снижение преступной активности, осуществление сопротивления правоохранительной системе, резкое изменение показаний потерпевших и свидетелей, уничтожение материалов уголовного дела или мести, негативные публикации в СМИ и др.) и реализации максимального комплекса мер преодоления противодействия расследованию преступлений» [5. С. 225].

Стоит согласиться, что противодействие не всегда протекает в форме противоправных действий, поскольку многие способы не наказуемы законом. Так, отказ от дачи показаний подозреваемым и обвиняемым усложняет предварительное расследование, однако это право указанных лиц, которое закреплено Конституцией Российской Федерации и УПК РФ [6. С. 61]. В то же время здесь, как представляется, усматривается злоупотребление правом в контексте римской максимы: *male enim nostro iure uti non debemus*.

Вне зависимости от того, в каком государстве расследуется преступление, методы противодействия, как правило, одинаковые. Сюда уместно отнести фальсификацию документов, склонение свидетеля дать заведомо ложные показания, инсценировку преступного события, выезд за пределы территории населенного пункта, где было совершено преступление, или же вовсе за пределы государства, уничтожение следов преступления и доказательств, симуляция психического расстройства, изменение внешности, «физическое устранение» должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, оказание физического, психического или иного воздействия на иных участников уголовного судопроизводства и т.д.

Зачастую таким противодействием занимаются не только подозреваемые или обвиняемые, а также недобросовестные защитники – адвокаты [7].

II. Нетрадиционные способы преодоления противодействий расследованию.

§ 1. Полиграф. Одним из современных методов разоблачения лжи уголовно преследуемого лица или иного участника уголовного процесса является опрос с использованием *полиграфа*. В России по общему правилу результаты исследования с использованием «детектора лжи» не отвечают требованиям, предъявляемым законом к доказательствам, в том числе требованию достоверности, а использование такого рода исследований

применяется на стадии предварительного расследования в целях выработки и проверки следственных версий. Соответственно, результаты психофизиологического исследования с использованием полиграфа не являются доказательством, а используются в основном в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий¹.

Между тем совсем иная ситуация на этот счет складывается в государствах, входящих в англосаксонскую правовую семью (систему общего права). Наиболее показательным будет приведение опыта *Соединенных Штатов Америки*, где использование полиграфа проникает во многие виды деятельности людей, в частности, при осуществлении контрразведывательного изучения и оценки персонала [8. С. 97–152]. Психологические испытания на полиграфе при раскрытии и расследовании различного рода преступлений в Америке производятся давно [9], но не всегда имели и имеют положительный результат.

Так, «может служить примером ошибочное осуждение несовершеннолетнего П. Рейли, у которого жестоким способом была убита мать. Подозрение полиции пало на Рейли. Физически истощенного и голодного Рейли подвергли в полиции сначала “интенсивному допросу” и сразу же после допроса – испытанию на полиграфе, результаты которого оказались для Рейли неблагоприятными. Проводивший испытание оператор сумел убедить Рейли в научной непогрешимости испытания. Тогда Рейли решил, что, по-видимому, совершил убийство матери в состоянии невменяемости, “признался и был осужден”. Лишь через несколько лет была установлена невиновность Рейли» [10. С. 152].

Как представляется, в том числе из-за таких ситуаций в 1970-е гг. Комитет по вопросам уголовного права Чикагской ассоциации юристов высказал мнение, что: «(1) полиграф используется при расследовании в силу того психологического эффекта, который он вызывает у лиц, фактически виновных в преступлении; (2) в зависимости от опыта оператора и влияния других причин возможны от 5 до 30% ошибочных результатов испытаний; (3) неквалифицированные операторы могут явиться причиной несправедливости в отношении невиновных лиц; (4) отказ подвергнуться испытанию на полиграфе не должен оказывать влияние на действие презумпции невиновности; (5) результаты испытания на полиграфе не должны служить заменой компетентного расследования преступлений; (6) вследствие постоянно имеющих место погрешностей результаты испытаний на полиграфе не должны использоваться в качестве доказательств в судебных процессах» [10. С. 154].

Американские суды сформулировали свою позицию насчет законности использования в уголовном процессе результатов тестирования на полиграфе. Так, Верховный Суд Пенсильвании в 1950-х гг. отметил: «...для того чтобы суды США принимали результаты таких исследований в качестве достоверных доказательств, нужно, чтобы с большей определенностью была установлена научная надежность и безошибочность полиграфа и

¹ Подробнее см.: апелляционные определения Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2017 г. № 59-АПУ17-3; от 10 января

2017 г. № 9-АПУ16-16, от 26 июля 2016 г. № 73-АПУ16-10; от 16 ноября 2016 г. № 84-АПУ16-11 и др.

других методов психологического выявления лжи» [11. С. 73]. Причем одним из условий признания подобных результатов в качестве доказательств того периода явилось наличие добровольного согласия лица пройти опрос с использованием «детектора лжи» [12. Р. 22].

Как отмечается в специальной литературе, «в соответствии с решением по делу “Daubert” новые принципы оценки экспертного исследования включали в себя следующее: (1) может ли теория или метод, на которых основано доказательство, быть проверенным; (2) имеет ли метод известный коэффициент ошибок при применении; (3) подвергались ли теория или метод, основанный на ней, полноценному научному обзору и опубликованию; (4) в какой мере теория или метод приняты в соответствующем научном обществе; (5) в каком объеме разработаны стандарты определения допустимости использования данного метода».

При этом отмечалось, что ни один из принципов, предложенных судом, не должен быть строго определенным, и их рассмотрение должно было быть более гибким с учетом наличия конкурирующих потребностей: ограждения суда присяжных от непроверенной псевдонауки и сохранения судов открытыми для появляющихся новых научных разработок» [11. С. 74].

§ 2. Гипноз. В ряде государств некоторым средством преодоления противодействию раскрытия и расследования преступлений является *гипноз* (hypnosis). Например, «в Израиле действует Закон об использовании гипноза 1984 года. Под гипнозом в нем понимается любое действие или процесс, который предназначен или потенциально может с помощью внушения вызывать изменения в состоянии сознания другого лица, ощущениях его тела, в эмоциях, мыслях, памяти или поведении (ст. 1). Среди целей гипноза, кроме медицинских и научных, в данном законе названо освежение памяти при расследовании, проводящемся полицией или службой безопасности (п. 5 ст. 3). Лицо может подвергнуться гипнозу только добровольно с письменного согласия и только после того, как ему будет разъяснена природа процесса гипноза и его возможные последствия (п. 1 ст. 5). Арестованный или задержанный может согласиться на допрос под гипнозом только в присутствии своего или назначенного министерством юстиции адвоката (п. 3 ст. 5). Гипноз может применяться только по постановлению специальной созданной комиссии. Лицо, подозреваемое в преступлении, полиция не может подвергать следственному гипнозу, кроме случаев, когда оно само письменно просит об этом в присутствии адвоката с целью доказать свою невиновность. Однако все сказанное лицом во время следственного гипноза не может использоваться как доказательство его вины (п.п. «а», «б» и «г» ст. 8)» [13].

В США под гипнозом понимают активизацию памяти опрашиваемых — очевидцев преступления, позволяющую целенаправленно управлять процессом репродукции латентной информации, хранящейся в их памяти, вследствие чего такая информация даже признается судами в качестве доказательств [13. С. 52]. Так, «представляет интерес позиция Верховного Суда США, обоснованная им по делу “Рок против Арканзаса”

(1978). В этом деле единственным лицом, которому могли быть известны обстоятельства совершенного убийства, была сама подсудимая, но она не могла дать показаний, поскольку ничего не помнила. С учетом данного обстоятельства было высказано предложение вызвать у подсудимой гипнотический транс, который помог бы восстановить в ее памяти обстоятельства преступления. Гипнотический сеанс был проведен, однако суд исключил из судебного разбирательства показания, которые подсудимая дала в этом состоянии. В дальнейшем Верховный Суд США поддержал доводы стороны защиты о том, что исключение данного доказательства является нарушением конституционного признаваемого права подсудимой на защиту, поскольку лишило на месте присяжных заседателей показаний единственного свидетеля, который был на месте преступления и непосредственно воспринимал все фактические обстоятельства» [14. С. 213].

Кроме того, в Руководстве для прокуроров США подчеркивается, что «гипноз свидетеля не должен использоваться, если нет явной необходимости в дополнительной информации. Свидетель никогда не должен быть загипнотизирован, если он не дает письменного согласия, и он должен быть осведомлен о правовой природе гипноза. Только психологу/психиатру, обученному судебному гипнозу, должно быть разрешено загипнотизировать свидетеля. Во время допроса следует избегать начальных вопросов, чтобы избежать возможности неправильного предложения ответов на вопрос. Допрос, сделанный, когда свидетель подвергается гипнозу, должен быть снят на видео, а в дополнении к любой звукозаписи должна быть подготовлена стенограмма». Между тем стоит иметь в виду, что зафиксированная в памяти информация может быть искажена (модифицирована), вследствие чего предполагается, что информация, сообщенная опрашиваемым в ходе гипноза, должна проверяться другими объективными способами, а не браться за аксиому [15].

В этой связи в США выработаны конкретные правила применения гипноза, подкрепляющие достоверность полученных при этом сведений, соблюдение которых является обязательным условием принятия судами показаний, полученных под гипнозом, в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве, а именно:

- «(1) добровольное согласие опрашиваемых лиц на его проведение;
- (2) проведение сеансов гипноза высококвалифицированными психиатрами или психологами;
- (3) независимость специалиста-гипнолога (отсутствие конфликта интересов);
- (4) информирование специалиста-гипнолога лишь со сведениями, необходимыми ему для проведения сеанса гипноза;
- (5) запись сеанса гипноза на аудио-, видеопленку;
- (6) при записи сеанса гипноза не должны присутствовать представители полиции и обвинения;
- (7) сеансу гипноза должна предшествовать подробная беседа с гипнотизируемым, тщательное изучение его психофизиологического состояния;

(8) рекомендуется составлять специальную инструкцию для присяжных, в которой в ясной и доходчивой форме должно быть разъяснено, что гипноз является лишь средством восстановления памяти, но не гарантией достоверности полученных с его помощью сведений» [16].

Как и результаты с использованием полиграфа, так и добровольный «гипнотизированный опрос» и другие нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений [17] могут быть использованы как средства выдвижения версий или же как способ обнаружения ранее не известных правоохранительным органам доказательств, но говорить об их допустимости с точки зрения доказательственного права сейчас, как представляется, преждевременно [18].

§ 3. «Сыворотка правды». Еще одним крайне спорным с точки зрения соблюдения принципа законности способом преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений видится применение наркотических или психотропных препаратов в ходе допроса (наркоанализ)¹. В быту это стало именоваться как использование «сыворотки правды» (*truth serum*), под которой понимается разговорное название ряда психоактивных препаратов, используемых для получения информации от субъектов, которые не желают предоставлять информацию правоохранительным органам (к ним относятся этанол, скополамин, мидазолам, флунитразепам, натрий тиопентал, амобарбитал и другие вещества) [19. С. 92]. Заметим, что «сыворотка правды» используется правоохранительными органами в различных государствах, хоть и в ряде случаев имплицитно [20, 21].

Например, Центральное бюро расследований Индии использовало внутривенные барбитураты для допроса при расследовании резонансных уголовных дел. Одним из таких случаев был допрос Аджмаля Касаба, террориста, задержанного во время терактов 2008 г. в Мумбаи. Также наркоанализ был применен на Кришну, ключевого свидетеля и подозреваемого в громком деле об убийстве Ааруши-Хемраджа в 2008 г., чтобы получить информацию у него, а также определить его доверие как свидетеля с ключевой информацией, еще не известной следственным органам [22]. Причем это не единственные случаи.

К примеру, 5 мая 2010 г. Верховный Суд Индии в деле «Селви против штата Карнатака» постановил, что «наркоанализ, полиграф и картографические тесты мозга должны быть разрешены после согласия обвиняемого, поскольку ни один человек не может быть вынужден и подвергнут таким методам невольно. В противном случае это равносильно необоснованному вторжению личной свободы».

В США на этот счет сформирована достаточная практика, в том числе и та, которая отрицает возможность использования результатов допросов в качестве доказательств. К примеру, в 1963 г. Верховный Суд

США постановил в деле «Таунсенд против Сейн», что признания, полученные в результате принятия «сыворотки правды», были неконституционно принудительными и, следовательно, неприемлемыми. Жизнеспособность таких доказательств, полученных посредством применения психотропных препаратов, была рассмотрена в судах низшей инстанции – судьи и свидетели-эксперты в целом согласились с тем, что они не надежны для обнаружения лжи. Совсем недавно судья одобрил использование наркоанализа в судебном процессе по делу о стрельбе в Авроре, штат Колорадо, в 2012 г., чтобы установить находился ли подсудимый Джеймс Иган Холмс невменяемым в момент совершения общественно опасного деяния. Судья Уильям Сильвестр постановил, что прокурорам будет разрешено допрашивать Холмса под влиянием медицинского препарата, предназначенного для того, чтобы ослабить его волю и заставить говорить.

В юридической литературе данная процедура была описана следующим образом%

«Для того чтобы снизить у допрашиваемого эмоциональный самоконтроль, ему с помощью шприца медленно вводят наркотик в вену. Если ввести наркотик быстро, человек может уснуть, что исключает возможность проведения допроса. Кроме того, быстрое введение наркотика может вызывать вредную и даже опасную для организма реакцию: спазмы дыхательных путей, горла, тошноту, рвоту и др.

Вводя наркотик, допрашиваемого просят очень медленно вслух считать. Когда веки его глаз начинают трепетать и речь становится неясной, инъекция может быть остановлена и начат допрос. Иногда введенная доза оказывается большей, чем это нужно, и допрашиваемый впадает в состояние почти полной бессознательности. В таком случае лицо, ведущее допрос, следит, когда допрашиваемый начнет постепенно избавляться от действия наркотика, и в этот период, как только он оказывается способным понимать задаваемые вопросы, его допрашивают. Предполагается, что под влиянием наркотика происходит растормаживание сдерживающих центров, у допрашиваемого в это время отсутствует способность правильно рассуждать и что-либо продумать, тогда как память о событиях, имевших место в прошлом, остается у него ненарушенной <> После того как допрашиваемый полностью освобождается от действия наркотика, он обычно не помнит содержания данной им информации и не имеет правильного представления о продолжительности допроса» [10. С. 161–162].

Возникает закономерный вопрос в законности, гуманности таких допросов, в том числе, как это коррелируется с принципом презумпции невинности? Как отмечают американские ученые, несмотря на тот факт, что применение «сыворотки правды» не запрещено Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных

¹ Его основоположником является доктор Роберт Эрнест Хауз, который писал, что «это метод, позволяющий, вопреки желанию субъекта, извлечь из его памяти информацию, “запрятанную” на подсознательном уровне психики, путем инъекции в кровь некоторой дозы скопо-

ламина. Этот препарат вызывает либо глубокий сон, либо бодрствование при “выключенном сознании”. В таком искусственно бессознательном состоянии человек может отвечать на вопросы подобно малому ребенку – честно, непосредственно, не пытаясь уйти от ответа, обмануть или схитрить» [16. С. 224].

или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г., поскольку причинение боли, которое только намеренно вызывает признание, является пыткой, ее использование должно быть повсеместно исключено даже в рамках борьбы с терроризмом [23]. Думается, под воздействием наркотических средств и других психотропных веществ у допрашиваемого отсутствует воля, усматривается повышенная внушаемость, а в ряде случаев показания могут быть основаны на фантазиях и других эмоциональных подоплеках.

§ 4. «Допросы третьей степени». В Америке используются так называемые «расширенные методики допроса» (*«extended interrogation techniques»*), получившие в американской системе правосудия термин «допрос третьей степени» (*«third degree»*), под которым понимается опрос лица, в ходе которого используется физическое, эмоциональное или психологическое давление на допрашиваемого [24]. Несмотря на тот факт, что «методы третьей степени» были идентифицированы в США Комиссией Уикершама в 1931 г. как незаконные полицейские действия, приводящие к ложным признаниям и судебным ошибкам, когда подозреваемые или обвиняемые были в ряде случаев незаконно и необоснованно осуждены [25. Р. 43], они все же продолжают применяться, в особенности по делам о преступлениях террористической направленности [26–29]. К таким способам относятся лишение сна, пытка водой, пытка неудобной позой, сенсорная депривация, гипотермия и др.

§ 4.1. Психологические манипуляции. Выработаны и легальные методы, которые используются для выявления лжи у допрашиваемых. К ним стоит отнести когнитивные подходы к обнаружению обмана, в частности, поощрение собеседника говорить больше, просить предоставить проверяемые данные, задавать неожиданные вопросы, использование обмана относительно прошлых действий и будущих намерений, акцент на лингвистических признаках обмана (анализ достоверности утверждений, мониторинг реальности), обнаружение межкультурного обмана и др. Довольно оригинальным видится применение тактического приема «адвокат дьявола» (*Devil's Advocate*), который демонстрирует некоторые перспективы, как метода оценки того, насколько правдив или нет субъект в отношении своих ценностей и убеждений относительно конкретной темы. Встречается и допрос по «тактике рейда», суть которого заключается в признании обвиняемым вины, получаемом путем девяти шагов: прямая конфронтация, отклонение, превосходство, превращение возражений в подтверждения, проявление эмпатии, проработка различных сценариев, постановка «альтернативных вопросов», повторение, фиксация в письменной форме [30. С. 171].

Как отмечается в специальной литературе, «некоторые зарубежные криминалисты считают, что на основании тех или иных признаков (сигналов) с помощью подобранных бихевиористских (поведенческих) ключей можно судить об определенных чувствах человека – волнении, огорчении, страхе, радости, облегчении и др. Например, в офисе специальной подготовки Института по изучению финансового мошенничества США в

настоящее время существуют методики выявления информации, скрываемой в беседах. По тем или иным ключам могут быть сделаны, в частности, такие оценки и выводы: «ответы не заготовлены», «взвешивание каждого слова», «больше вины, чем страха», «больше стыда, чем вины», «скука», «грусть», «печаль» и т.д. [31. С. 37–38].

§ 5. Чрезвычайная рендиция (*extraordinary rendition*). Американские власти зачастую прибегают к похищению лиц, которые скрылись от правосудия в иностранных юрисдикциях. В основном к таким методам прибегают, когда нет возможности задействовать традиционный межсистемный институт экстрадиции (*extradition*), или так называемой административной высылке – депортации (*deportation*). Такой подход основывается на римской максиме: *male captus, bene detentus* (с лат. «незаконно арестован, но законно содержится под стражей и предстает перед судом») и подтверждается судебными прецедентами, где прежде всего идет речь о доктрине Кер-Фрисби (*Ker-Frisbie Doctrine*), согласно которой «власть правительства преследовать обвиняемого не ослабляется незаконностью метода, с помощью которого оно приобретает над ним контроль» [32. С. 253–254].

Еще одним способом преодоления противодействия со стороны скрывшихся лиц являются «тактические операции по выманиванию, которые зачастую используются правоохранительными органами США. В связи с чем в Руководстве для прокуроров США указано, что если невозможно добиться выдачи уголовно преследуемого лица (такие причины должны быть задокументированы надлежащим образом), представляется целесообразным использовать альтернативу экстрадиции, а точнее необходимо предпринять другие действия, которые могут вернуть такое лицо в Соединенные Штаты Америки или ограничить его способность существовать и путешествовать за рубежом» [33. С. 44].

Поэтому М. Шериф Бассиуни выделил несколько незаконных методов возвращения уголовно преследуемых лиц, а именно:

1) похищение лица зарубежными представителями правоохранительных органов с ведома или с согласия государства пребывания либо без такового;

2) задержание лица правоохранительными органами государства пребывания и его передача должностным лицам иностранного государства вне какой-либо формальной юридической процедуры как в пределах государства пребывания, либо через его границы приграничному государству;

3) сотрудничество между правоохранительными органами иностранных государств вне рамок юридических механизмов с целью похищения уголовно преследуемого лица в одном государстве и передачи его в другое государство, которое затем официально выдает это лицо третьей стране по формальному запросу [34. Р. 274–275].

III. Техническое противодействие и методы преодоления. На сегодняшний день наблюдается тенденция технического противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Как отмечают криминалисты, для сокрытия информации на компьютерах могут быть

установлены специальные защитные программы, которые при определенных условиях автоматически производят полное или частичное стирание информации [35. С. 103–104]. Отнюдь, это всего лишь один из способов такого противодействия.

По меткому наблюдению А.Н. Перишина и М.В. Бондарева, техническое противодействие обладает рядом специфических черт, а именно:

- техническое противодействие должно признаваться таковым, если оно направлено на уничтожение, блокирование или модификацию той части криминалистически значимых следов и предметов, которая относится к компьютерной (электронной) информации и технологиям, которые с ней связаны;

- техническое противодействие осуществляется с использованием аппаратных и/или программных средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей. Иными словами, в качестве технического противодействия расследованию не рассматриваются физическое повреждение или уничтожение носителей компьютерной (электронной) информации и технологий, которые с ней связаны;

- техническое противодействие расследованию более сложно по своему исполнению и требует специальных знаний в области аппаратно-программных средств и информационно-телекоммуникационных сетей;

- техническое противодействие расследованию из-за сложности реализации, в основном, планируется уже на стадии подготовки к преступлению. Выбираются, к примеру, анонимные прокси-серверы (анонимайзеры) и пиринговые (децентрализованные) сети; подготавливаются методом цифровой стеганографии электронные файлы со скрытой в них информацией (вплоть до вирусной программы); разрабатываются специальные технические решения (устройства, программные средства и алгоритмы), способные «зачистить» следы преступления сразу же после его совершения или во время возникновения угрозы обнаружения и изъятия криминалистически значимой информации и пр.;

- учитывая разнообразие способов технического противодействия расследованию, оно осуществляется только в форме активных действий;

- техническое противодействие совершается в информационно-технической среде, поэтому привычные действия по преодолению противодействия расследованию могут быть неприменимы [36. С. 10].

В целях преодоления технического противодействия правоохранительные органы иностранных государств применяют различные специальные средства как аппаратного (компьютерные устройства), так и программного характера. К примеру, как отмечают некоторые специалисты в *Германии*, в связи с перманентным развитием цифровых технологий и проникновением их во все сферы жизнедеятельности человека, выделены три главных направления развития следственных действий, которые как раз способствуют преодолению технического противодействия, а именно:

(1) *«Модернизация классических следственных действий»*, разработанных в докомпьютерную эру и адаптирующихся под новые реалии цифровой эпохи. В рамках

данного направления реформированию подвергаются положения об изъятии (выемке), просмотре документов в ходе обыска, прослушке и наблюдении за обвиняемым.

(2) *Появление следственных методов, заключающихся в автоматизации сбора и анализа доказательств*. Такие методы позволяют с помощью цифровых технологий ускорить и повысить эффективность поиска необходимой следствию информации в огромных массивах данных, полученных в результате производства иных следственных мероприятий. В качестве упомянутых способов можно выделить растровый поиск и автоматическое сравнение имеющихся данных.

(3) *Разработка новых (инновационных) следственных методов, разработанных специально для применения в цифровой среде*. К таким методам можно отнести, например, онлайн-обыск или получение пользовательских данных в сфере телемедиа. К этой же категории можно отнести появившиеся в прошлом веке следственные действия, направленные на получение телекоммуникационных данных, так как в настоящее время сфера их применения (мобильная связь и интернет) полностью перешла на цифровой формат» [37. С. 95–96].

В связи с принятием в 2018 г. в США *«CLOUD Act – Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act»*, в переводе на русский – Закон об уточнении правомерного использования расположенных за рубежом баз данных (далее – Облачный закон), правоохранительные органы Америки, заключая двусторонние соглашения с иностранными властями, могут иметь доступ к электронным данным, которые американские компании хранят на зарубежных серверах, при условии, что они имеют прямой доступ к таким данным [38. Р. 53]. Заметим, что данная процедура позволяет напрямую правоохранительным органам США обращаться к американским поставщикам услуг связи, располагающимся за рубежом, нивелируя традиционный механизм оказания взаимной правовой помощи. Это также вытекает из обязанности поставщиков услуг предоставлять сведения по запросу правоохранительных органов вне зависимости от того, где они хранятся, напоминая также таким юридическим лицам о «юрисдикционной ловушке», такой как присутствие бизнеса на территории этой страны [39].

Заключение

На основании изложенного выше стоит отметить, что способы противодействия раскрытию и расследованию преступления в большинстве своем во всех государствах симметричны (инсценировки, ложные показания и т.д.). Однако некоторые методы относительно преодоления такого противодействия различаются по своему содержанию. Прежде всего это касается государств, входящих в англосаксонскую правовую семью (Индия, США), где распространен опыт использования как законных методов (к примеру, опрос с использованием полиграфа), спорно законных – гипноз, так и вовсе незаконных, граничащих с пыткой, а в ряде случаев и вовсе являющейся ей – применение «сыворотки правды» при

производстве вербальных следственных действий (наркоанализ) или же «допрос третьей степени».

Одновременно в настоящее время в преобладающем большинстве государств противодействие раскрытию и расследованию преступлений стало носить технический характер, что потребовало от правоохранительных органов разработки и использования в целях его преодоле-

ния разного рода программных и/или аппаратных комплексов (например, в целях извлечения информации с электронных носителей используются такие аппаратно-программные комплексы, как UFED (Израиль), XRY (Швеция), а при необходимости отслеживания транзакций в блокчейне прибегают к аналитическому сервису Chainalysis (США)).

Список источников

1. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 388 с.
2. Журавлева С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1992. 171 с.
3. Петрова А.Н. Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 250 с.
4. Даньшин К.Ю. Понятие противодействия предварительному расследованию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. № 4. С. 69–76.
5. Веренич И.В. Учение о преодолении противодействия расследованию преступлений: понятие, содержание и место в криминалистической науке // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 224–227.
6. Абраменкова В.С. Противодействие при расследовании: понятие, формы и способы // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 59–63.
7. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. М. : Экзамен, 2005. 390 с.
8. Комиссарова Я.В., Мяких Н.И., Пеленицын А.Б. Полиграф в России и США: проблемы применения. М. : Юрлитинформ, 2012. 224 с.
9. Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты). М. : Мир безопасности, 2000. 160 с.
10. Николайчик В.М. США: полицейский контроль над обществом. М. : Наука, 1987. 192 с.
11. Николаев А.Ю. Применение полиграфа в доказывании: судебная практика в США. М., 2020. С. 72–79.
12. Fergusson R.J., Miller A.L. Polygraph in Court. Springfield : Thomas Publisher, 1973. 157 p.
13. Кавалиерис А. Использование гипноза при опросе // Вестник криминалистики. 2009. С. 50–54.
14. Смолькова И.В. Проблемы использования гипноза при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (94). С. 210–222.
15. Андроник Н.А., Лещукова К.А. Сравнительный анализ применения гипноза в России и США в ходе раскрытия и расследования преступлений // Правоохранительные органы: теория и практика. 2018. № 1. С. 20–22.
16. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М. : ЮНИТИ-ДАНА, ЗАКОН, 2002. 273 с.
17. Смолькова И.В. Нетрадиционные методы расследования преступлений и доказывание // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1(1). С. 30–34.
18. Стойко Н.Г. Использование гипноза и полиграфа в уголовном процессе США: права человека и достижение истины // Сб. ст. международной научно-практической конференции в рамках Евразийского научного форума, посвященного 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова «Обеспечение и реализация прав человека и гражданина: исторический опыт, современные проблемы и пути оптимизации» (27–28 октября 2011 года). 2012. Т. 2. С. 351–357.
19. Салихов Д.Р., Ишмухаметов Я.М. Этика и практика использования комплексного теста на выявление лжи // Право и государство: теория и практика. 2020. С. 92–93.
20. Reema B., Aqueeda K. «Truth-Serum» in Criminal Investigation and Trial: A Conspectus // Journal of the Asiatic Society. 2023. P. 158–165.
21. Lasson K. Torture, Truth Serum, and Ticking Bombs: Toward a Pragmatic Perspective on Coercive Interrogation // Loyola University Chicago Law Journal. 2008. Vol. 39, Is. 2. P. 335–337.
22. Ashokemar S. Narcoanalysis test: the truth serum test // Indian Journal of Integrated Research in Law. Vol. II, Is. 4. URL: <https://ijirl.com/wp-content/uploads/2022/12/NARCOANALYSIS-TEST-THE-TRUTH-SERUM-TEST.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).
23. Keller L.M. Is Truth Serum Torture? // American International Law Review. 2005. Vol. 20, № 3. P. 522–612.
24. Leo R.A. From coercion to deception: the changing nature of police interrogation in America // Criminal Law Soc Change. 1992. Vol. 18. P. 35–59.
25. Head T. Crime and Punishment in America. New York: Infobase Publ., 2010. 45 p.
26. Arrigo J.M. A utilitarian argument against torture interrogation of terrorists // Science and Engineering Ethics. 2004. № 10. P. 543–572.
27. Greenberg I. From surveillance to torture: The evolution of US interrogation practices during the War on Terror // Security Journal. 2015. Vol. 28. P. 165–183.
28. Waldron J. Torture and positive law: Jurisprudence for the white house/ Columbia // Law Review. 2005. Vol. 105, Is. 6. P. 1681–1750.
29. Birdsall A. But we don't call it 'torture'! Norm contestation during the US 'War on Terror' // International Politics. 2016. Vol. 53. P. 176–197.
30. Андроник Н.А., Пачина Т.С. Допрос по «тактике Рейда» в американском уголовном судопроизводстве: законность, целесообразность, эффективность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. С. 171–176.
31. Гельманов А.Г., Гонтарь С.А. Как установить участие лица в правонарушении? Эффективный и экономичный метод диагностики скрываемой причастности и получения признания виновного в отсутствие доказательств. М. : ОАО «Можайский полиграфический комбинат», 1999. 78 с.
32. Клевцов К.К., Волеводз А.Г. Передача уголовного преследования (уголовного судопроизводства) : учеб. пособие. М. : Прометей, 2022. 762 с.
33. Клевцов К.К. Правовые основы международной передачи и принятия уголовного преследования (судопроизводства) в зарубежных государствах: компаративистский анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. С. 39–57.
34. Bassiouni M.C. International Extradition: United States Law and Practice. 6th Ed. New York : Oxford University Press, 2014.
35. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М. : Право и закон, 2001. 416 с.
36. Першин А.Н., Бондарева М.В. «Техническое противодействие» расследованию преступления: понятие и содержание // Российский следователь. 2022. С. 7–11.
37. Зазулин А.И. Уголовный процесс Германии в контексте национальных и международных тенденций по цифровизации права. М. : Проспект, 2022. 256 с.
38. Schomburg W., Lagodny O. Internationale Rechtshilfe in Strafsachen (International Cooperation in Criminal Matters): Kommentar 6, vollig neu bearbeitete Auflage. Munchen : C.H. Beck, 2020. 145 p.

39. Maxwell W., Wolf C. A Global Reality: Governmental Access to Data in the Cloud. A comparative analysis of ten international jurisdictions // Hogan Lovells White Paper. 2012. P. 1–13.

References

- Karagodin, V.N. (1992) *Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o preodolenii protivodeystviya predvaritelnomu rassledovaniyu* [Fundamentals of Forensic Science on Overcoming Obstruction to Preliminary Investigation]. Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
- Zhuravleva, S.Yu. (1992) *Protivodeystvie deyatelnosti po raskrytiyu i rassledovaniyu prestupleniy i taktika ego preodoleniya* [Obstruction of Crime Detection and Investigation Activities and Tactics to Overcome It]. Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
- Petrova, A.N. (2000) *Protivodeystvie rassledovaniyu, kriminalisticheskie i inye меры ego preodoleniya* [Obstruction of Investigation, Forensic and Other Measures to Overcome It]. Law Cand. Diss. Volgograd.
- Danshin, K.Yu. (2012) Ponyatie protivodeystviya predvaritelnomu rassledovaniyu [The Concept of Obstruction to Preliminary Investigation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 4. pp. 69–76.
- Verenich, I.V. (2019) Uchenie o preodolenii protivodeystviya rassledovaniyu prestupleniy: ponyatie, sodержание i mesto v kriminalisticheskoy nauke [The Doctrine of Overcoming Obstruction to Crime Investigation: Concept, Content and Place in Forensic Science]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 7. pp. 224–227.
- Abramenkova, V.S. (2005) Protivodeystvie pri rassledovanii: ponyatie, formy i sposoby [Obstruction During Investigation: Concept, Forms and Methods]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 3. pp. 59–63.
- Garmaev, Yu.P. (2005) *Nezakonnaya deyatelnost advokатов v ugovolnom sudoproizvodstve* [Illegal Activities of Lawyers in Criminal Proceedings]. Moscow: Ekzamen.
- Komissarova, Ya.V., Myagkikh, N.I. & Pelenitsyn, A.B. (2012) *Poligraf v Rossii i SShA: problemy primeneniya* [Polygraph in Russia and USA: Application Issues]. Moscow: Yurilitinform.
- Kholodny, Yu.I. (2000) *Primenenie poligrafa pri profilaktike, raskrytii i rassledovanii prestupleniy (genesis i pravovye aspekty)* [Use of Polygraph in Crime Prevention, Detection and Investigation (Genesis and Legal Aspects)]. Moscow: Mir bezopasnosti.
- Nikolaychik, V.M. (1987) *SSHA: politseyskiy kontrol nad obshchestvom* [USA: Police Control Over Society]. Moscow: Nauka.
- Nikolaev, A.Yu. (2020) *Primenenie poligrafa v dokazyvanii: sudebnaya praktika v SShA* [Use of Polygraph in Evidence: Judicial Practice in USA]. Moscow. pp. 72–79.
- Fergusson, R.J. & Miller, A.L. (1973) *Polygraph in Court*. Springfield: Thomas Publisher.
- Kavalieris, A. (2009) Ispolzovanie gipnoza pri oprose [Use of Hypnosis in Interrogation]. *Vestnik kriminalistiki*. pp. 50–54.
- Smolkova, I.V. (2020) Problemy ispolzovaniya gipnoza pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy [Problems of Using Hypnosis in Crime Detection and Investigation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 3 (94). pp. 210–222.
- Andronik, N.A. & Leshchukova, K.A. (2018) Sravnitelnyy analiz primeneniya gipnoza v Rossii i SShA v khode raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Comparative Analysis of Hypnosis Application in Russia and USA During Crime Detection and Investigation]. *Pravookhranitelnye organy: teoriya i praktika*. 1. pp. 20–22.
- Obraztsov, V.A. & Bogomolova, S.N. (2002) *Kriminalisticheskaya psikhologiya*. Moscow: YUNITI-DANA, ZAKON.
- Smolkova, I.V. (2017) Netraditsionnye metody rassledovaniya prestupleniy i dokazyvanie [Non-Traditional Methods of Crime Investigation and Evidence]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 1 (1). pp. 30–34.
- Stoyko, N.G. (2012) Ispolzovanie gipnoza i poligrafa v ugovolnom protsesse SShA: prava cheloveka i dostizhenie istiny [Use of Hypnosis and Polygraph in US Criminal Process: Human Rights and Truth Finding]. In: *Sb. st. Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Collection of Articles of International Scientific-Practical Conference]. Vol. 2. pp. 351–357.
- Salikhov, D.R. & Ishmukhametov, Ya.M. (2020) Etika i praktika ispolzovaniya kompleksnogo testa na vyyavlenie lzhi [Ethics and Practice of Using Comprehensive Lie Detection Test]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. pp. 92–93.
- Reema, B. & Aqueeda, K. (2023) "Truth-Serum" in Criminal Investigation and Trial: A Conspectus. *Journal of the Asiatic Society*. pp. 158–165.
- Lasson, K. (2008) Torture, Truth Serum, and Ticking Bombs: Toward a Pragmatic Perspective on Coercive Interrogation. *Loyola University Chicago Law Journal*. 39 (2). pp. 335–337.
- Ashokemar, S. Narcoanalysis test: the truth serum test. *Indian Journal of Integrated Research in Law*. II (4). [Online] Available from: <https://ijirl.com/wp-content/uploads/2022/12/NARCOANALYSIS-TEST-THE-TRUTH-SERUM-TEST.pdf> (Accessed: 01.02.2025).
- Keller, L.M. (2005) Is Truth Serum Torture? *American International Law Review*. 20 (3). pp. 522–612.
- Leo, R.A. (1992) From coercion to deception: the changing nature of police interrogation in America. *Criminal Law Soc Change*. 18. pp. 35–59.
- Head, T. (2010) *Crime and Punishment in America*. New York: Infobase Publ.
- Arrigo, J.M. (2004) A utilitarian argument against torture interrogation of terrorists. *Science and Engineering Ethics*. 10. pp. 543–572.
- Greenberg, I. (2015) From surveillance to torture: The evolution of US interrogation practices during the War on Terror. *Security Journal*. 28. pp. 165–183.
- Waldron, J. (2005) Torture and positive law: Jurisprudence for the white house. *Columbia Law Review*. 105 (6). pp. 1681–1750.
- Birdsall, A. (2016) But we don't call it 'torture'! Norm contestation during the US 'War on Terror'. *International Politics*. 53. pp. 176–197.
- Andronik, N.A. & Pachina, T.S. (2015) Dopros po "taktike Reyda" v amerikanskom ugovolnom sudoproizvodstve: zakonnost, tselesoobraznost, effektivnost [Reid Technique Interrogation in US Criminal Process: Legality, Expediency, Effectiveness]. In: *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice]. pp. 171–176.
- Gelmanov, A.G. & Gontar, S.A. (1999) *Kak ustanovit uchestie litsa v pravonarushenii? Effektivny i ekonomichnyy metod diagnostiki skryvaemoy prichastnosti i polucheniya priznaniya vinovnogo v otsutstvie dokazatelstv* [How to Establish a Person's Involvement in an Offense? Effective and Economical Method for Diagnosing Concealed Involvement and Obtaining Confession in Absence of Evidence]. Moscow: OAO "Mozhayskiy poligraficheskyy kombinat".
- Klevtsov, K.K. & Volevodz, A.G. (2022) *Peredacha ugovolnogo presledovaniya (ugovolnogo sudoproizvodstva)* [Transfer of Criminal Prosecution (Criminal Proceedings)]. Moscow: Prometey.
- Klevtsov, K.K. (2024) Klevtsov, K.K. (2024) Legal framework for international transfer and acceptance of criminal prosecution (proceedings) in foreign states: a comparativist analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 39–57. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/4
- Bassiouni, M.C. (2014) *International Extradition: United States Law and Practice*. 6th ed. New York: Oxford University Press.
- Rossinskaya, E.R. & Usov, A.I. (2001) *Sudebnaya kompyuterno-tehnicheskaya ekspertiza* [Forensic Computer-Technical Examination]. Moscow: Pravo i zakon.
- Pershin, A.N. & Bondareva, M.V. (2022) "Tekhnicheskoe protivodeystvie" rassledovaniyu prestupleniya: ponyatie i sodержание ["Technical Obstruction" to Crime Investigation: Concept and Content]. *Rossiyskiy sledovatel*. pp. 7–11.
- Zazulin, A.I. (2022) *Ugovolnyy protsess Germanii v kontekste natsionalny i mezhdunarodnykh tendentsiy po tsifrovizatsii prava* [German Criminal Process in the Context of National and International Digitalization Trends]. Moscow: Prospekt.
- Schomburg, W. & Lagodny, O. (2020) *Internationale Rechtshilfe in Strafsachen (International Cooperation in Criminal Matters): Kommentar 6, vollig neu bearbeitete Auflage*. München: C.H. Beck.

39. Maxwell, W. & Wolf, C. (2012) A Global Reality: Governmental Access to Data in the Cloud. A comparative analysis of ten international jurisdictions. *Hogan Lovells White Paper*. pp. 1–13.

Информация об авторе:

Клевцов К.К. — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента уголовного права, процесса и криминалистики НИУ Высшая школа экономики (Москва, Россия). E-mail: klevtsov001@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.K. Klevtsov, Cand. Sci. (Law), docent, associate professor at the School of Criminal Law, Legal Process and Criminalistics, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: klevtsov001@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.02.2025;
одобрена после рецензирования 27.03.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 18.02.2025;
approved after reviewing 27.03.2025; accepted for publication 10.06.2025.*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/25/20

НОВЕЛЛЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В НОВОМ ПРОЕКТЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Некруз Абдунабиевич Кудратов¹

¹ *Международный университет туризма и предпринимательства Республики Таджикистан, Душанбе,
Республика Таджикистан, nek-kudratov@mail.ru*

Аннотация. Данная статья рассматривает особенную часть нового проекта Уголовного кодекса Республики Таджикистан, касающуюся преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Обсуждается необходимость принятия такого важного документа, который оправдан для защиты интересов личности, общества и государства от преступных посягательств. Автор анализирует предложенный новый проект УК РТ, опираясь на свой опыт в области уголовного права и исторический контекст борьбы с преступностью в Таджикистане, и выдвигает обоснованные предложения по совершенствованию отдельных положений норм и институтов этого проекта. В ходе анализа выявляется, что несмотря на существенные изменения, внесенные в новом проекте УК РТ в отношении преступлений против основ конституционного строя и государственной безопасности, некоторые нормы все еще остаются спорными и недостаточно разработанными. В статье высказываются личные мнения автора относительно улучшения анализируемых преступлений с точки зрения практического опыта и уголовно-правовой доктрины.

Ключевые слова: уголовный кодекс, новелла, экстремизм, шпионаж, диверсия, проект, реформа, преступления, наказание, редакция, государства, безопасность, закон, причина, конституционный строй, статистика, политика

Для цитирования: Кудратов Н.А. Новеллы и проблемы преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в новом проекте Уголовного кодекса Республики Таджикистан // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 118–124. doi: 10.17223/23088451/25/20

Original article

doi: 10.17223/23088451/25/20

NOVELTIES AND CHALLENGES OF CRIMES AGAINST CONSTITUTIONAL ORDER
AND STATE SECURITY IN THE NEW DRAFT CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Nekruz A. Kudratov¹

¹ *International University of Tourism and Entrepreneurship of the Republic of Tajikistan, Dushanbe,
Republic of Tajikistan, nek-kudratov@mail.ru*

Abstract. Crimes against constitutional order and state security play a decisive role in contemporary contexts marked by rising terrorist and extremist organizations, growth of transnational crime, illicit arms trafficking, cybercrime, and drug-related offenses. An analysis of the new draft Criminal Code of Tajikistan reveals that while it introduces novelties regarding crimes against constitutional order and state security, it also contains significant shortcomings. The draft should have incorporated advancements in criminal law theory and doctrine, current Tajik legislation, and input from a broad range of legal experts. The new criminal law must employ modern legislative techniques to ensure public accessibility and comprehension, reduced potential for misinterpretation or abuse by enforcement agencies, and compatibility with digitalization (including unified terminology and clearer distinctions between offenses). Legislative reforms that disregard established legal doctrine inevitably result in systemic inconsistencies. While the General Part of the Criminal Code typically undergoes fewer revisions than the Special Part, any systemic flaws or contradictions in its provisions create persistent enforcement challenges. In Tajikistan, numerous doctoral and candidate dissertations have been defended between 1991–2023. However, the extent to which their novel findings informed this draft remains unclear. The revised Criminal Code should prioritize decriminalization, social tension reduction, and equitable conflict resolution – rather than exacerbating punitive measures.

Keywords: criminal code, novelty, extremism, espionage, sabotage, project, reform, crimes, punishment, edition, states, security, law, reason, constitutional order, statistics, politics

For citation: Kudratov, N.A. (2025) Novelties and challenges of crimes against constitutional order and state security in the new draft Criminal Code of the Republic of Tajikistan. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 118–124. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/20

С приобретением независимости в Республике Таджикистан встал вопрос о подготовке и принятии нового кодифицированного уголовного закона, соответствующего реалиям того времени. Криминогенная ситуация, возникшая в стране в 1991–1997 гг., поставила под угрозу не только национальную, но и региональную безопасность. В независимом Таджикистане 21 мая 1998 г. впервые был принят Уголовный кодекс (далее – УК), а с момента принятия этого документа в 2023 г. прошло 25 лет. За 25 лет действия УК РТ ее основные положения были дестабилизированы путем внесения различных несистематических и зачастую необоснованных изменений и дополнений. С 10 августа 1999 г. по 19 августа 2022 г. внесено 2 076 изменений и дополнений в УК РТ с 54 законами РТ о внесении изменений в УК РТ, из них 373 изменения внесено к Общей части УК РТ и 1703 к Особенной части УК РТ. В большинство положений Кодекса вносились изменения неоднократно, в некоторые статьи даже 17–19 раз (например, ст. 179 УК – терроризм 17 раз или ст. 244 УК – кража – 19 раз).

Постановлением Правительства РТ от 2 ноября 2013 г. № 492 была принята Концепция уголовно-правовой политики РТ, и она реализовывалась в два этапа, первый этап охватывал 2014–2017 гг., а второй этап охватил 2018–2020 гг. Однако данная Концепция не содержит каких-либо положений, касающихся вопроса принятия в новой редакции УК РТ, что считается одним из основных недостатков данного документа.

Развитие и совершенствование правовой системы и законодательства всегда является причиной необходимости разрешения основного противоречия между развитием новых объективных процессов общества и государства и устаревшей правовой формой их отражения. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, которые до 1998 г. были известны как «государственные преступления», имеют длительную историю, формировались и периодически развивались с момента возникновения первых таджикских государств до сегодняшнего дня. Словосочетание «государственные преступления» в основном означает, что эта группа преступлений направлена против государства, его структуры, его высших должностных лиц, его экономической безопасности. Сегодня эта группа преступлений называется «преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». В основном преступления не являются государственными, в общем все преступления направлены против государства. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства употреблялись в истории и в теории уголовного права под названиями «государственные преступления», «преступления против государства», «контрреволюционные преступления», «политические преступления».

Защита основ конституционного строя и безопасности государства считается одной из основных задач уголовного права и уголовного закона. УК РТ (1998 г.) в гл. 29 предусматривает уголовную ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. После принятия УК РТ в 1998 г. 53 раза вносились серьезные изменения и дополнения в состав преступлений, включенных в гл. 29 УК РТ. За этот период, т.е. с 1998 по 2023 г., отечественными исследователями подготовлены и защищены 2 докторские [1, 2] и 4 кандидатские [3–7] диссертации, связанные с различными аспектами данной группы преступлений, что для развития юридической науки имеет принципиальное значение.

Для Таджикистана совершенствование УК РТ в сфере преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства имеет особое значение, так как с 2010 по 2022 г. в республике было зарегистрировано более 4 842 подобных преступлений, а в 2020 г. примерно 1 091 эпизод, включая преступления террористического характера. Например, насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 306) – 37 эпизодов; публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РТ (ст. 307) – 231 эпизод; шпионаж (ст. 308) – 13 эпизодов; вооруженный мятеж (ст. 313) – 16 эпизодов. Преступления, связанные с экстремизмом среди преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, составляют большую часть. За последние 10 лет динамика совершения преступлений экстремистского характера (ст. 307¹, 307², 307³, 307⁴ УК РТ) и по количественным, и по качественным свойствам имеет высокий рост. Например, если в 2010 г. по ст. 307¹, 307², 307³, 307⁴ УК РТ было зарегистрировано 10 преступлений, то в 2011 г. – уже 28. В последующие годы число этих преступлений резко выросло. Например, в 2012 г. их было совершено 18; в 2013 г. – 38; в 2014 г. – 116, в 2015 г. – 345, в 2016 г. – 617, в 2017 г. – 506 [7. С. 197–223], 2018 г. – 360 [8. С. 6], 2019 г. – 634, 2020 г. – 1 091 (включая террористические преступления) упомянутое преступление. По другим данным, за 2015 г. – 437, 2016 г. – 876, 2017 г. – 793 эпизода этих преступлений было зарегистрировано [6. С. 3]. Безусловно, данные статистики значительно ниже реальных цифр, поскольку многие преступления экстремистского характера являются высоколатентными.

В новой редакции УК РТ гл. XIII называет преступления против государственной власти и включает в себя 4 главы, причем первая глава под номером 30 посвящена преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, что является предметом непосредственного исследования данной статьи. В данной статье основное внимание уделено новеллам и проблемной группе преступлений, предусмотренных УК РТ

в новой редакции. Установление новелл и проблем осуществляется на основе методов и принципов исследования уголовного права, таких как сравнительное правоведение, историчность, объективность, диалектика, логика и т.п. Эти новеллы и проблемы заключаются в следующем:

I. УК РТ в новой редакции назвал данную группу преступлений «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», что является спорным и не очень корректным с точки зрения законодательства РТ и доктрины уголовного права. Ставить на один уровень категории «основы конституционного строя» и «безопасность государства» логически неправильно, поскольку понятие безопасности государства является широким и включает в себя понятия конституционного строя, независимости и территориальной целостности государства. Исходя из указанных обстоятельств, предлагается переименовать гл. 30 проекта УК РТ «Преступления против государственной безопасности».

II. Одна из новелл проекта УК РТ в новой редакции выражается в том, что количество указанных преступлений сокращено с 13 до 9 составов, т.е. сокращено 4 состава. Наряду с новыми деяниями, криминализируемыми в проекте (сепаратизм – ст. 344, координация экстремистских групп и организаций – ст. 346 и др.), основной причиной снижения количества преступлений выступает и объединение преступлений в этой главе. На наш взгляд, наоборот, в структуре данной главы количество преступлений с учетом новых рисков и угроз (распределение мира, быстрое вооружение, незаконное стремление к власти со стороны экстремистских групп, столкновение экономических и коммерческих интересов и рост киберпреступлений) национальной безопасности (государственной, экономической, информационной и др.) вынуждает находить новые методы противодействия им, особенно осуществлять их уголовно-правовую защиту и увеличивать количество этих преступлений. Учитывая это, круг преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства должен быть расширен, а не ограничен.

В настоящей главе преступление посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля Республики Таджикистан по неизвестным причинам перемещено в ч. 4 ст. 172 проекта, т.е. уголовной ответственности за террористические акты. Хотя посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля Республики Таджикистан является разновидностью терроризма, в зависимости от цели совершения преступления ставить его в состав террористического акта нецелесообразно. Наоборот, авторам проекта следовало бы попытаться поместить преступление терроризма в раздел «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Поэтому в настоящей главе предлагается криминализовать или поместить следующие преступления: посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля Республики Таджикистан, террористические акты, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля иностранного государства (в зависимости от цели преступления), незаконные

изменения Конституции Республики Таджикистан, сепаратизм (сепаратистская деятельность), неосторожное разглашение государственной тайны, надругательство над государственными символами, содействие диверсионной деятельности, прохождение подготовки к проведению диверсионной деятельности, формирование диверсионной группы (сообщества) или участие в нем, содействие в выполнении решений международных организаций или иностранных государственных органов, в которых Республика Таджикистан не участвует, финансирование преступлений против государственной безопасности и т.п. Здесь хорошо было бы изучить опыт разных периодов методом сравнительного правоведения.

III. В ст. 342 проекта УК РТ установлена уголовная ответственность за государственную измену. Измена государству – это классическое преступление против государства, и это преступление является сподвижником государства. Сравнительный анализ ст. 342 проекта УК РТ и УК РТ 1998 г. свидетельствует о том, что в проекте можно увидеть некоторые новеллы и проблемы в составе государственной измены. Например:

1) в проекте УК криминализирован переход на сторону врага во время вооруженного конфликта. Такое нововведение в составе преступления государственной измены является своевременным и необходимым;

2) ст. 342 проекта УК РТ свидетельствует о том, что в нем расширен непосредственный объект преступления, т.е. это преступление теперь направлено против национальных интересов и объектов безопасности Республики Таджикистан. В ст. 305 УК РТ 1998 г. государственная измена направлена на ущерб независимости, территориальной целостности, обороноспособности или внешней безопасности Республики Таджикистан. Понятие национальных интересов и объектов безопасности Республики Таджикистан определено в Законе Республики Таджикистан «О безопасности» следующим образом: 1) национальные интересы – совокупность политических, экономических, социальных и иных нужд Республики Таджикистан, от реализации которой зависит способность государства обеспечить защиту конституционных прав человека и гражданина, связаны ценности общества и основные государственные институты; 2) объекты безопасности – человек и гражданин, их права и свободы, общество и его материальные и духовные ценности, государство, конституционный строй, независимость и территориальная целостность. Как показывает текст Закона РТ «О безопасности» в ст. 342 проекта УК РТ, круг объектов или общественных отношений, охраняемых данной статьей, чрезвычайно широк. В то же время в примечании к ст. 342 проекта УК РТ общественные отношения, которые могут быть объектом преступного посягательства, также шире категорий «национальные интересы» и «объекты безопасности Республики Таджикистан», т.е. отмечается, что «если лицо наносит ущерб интересам Республики Таджикистан»... и при отсутствии в его действиях иных признаков преступления, оно освобождается от уголовной ответственности». Примечание к ст. 342 проекта УК РТ противоречит диспозиции этой статьи.

Таким образом, общим объектом всех преступлений, предусмотренных УК РТ, могут быть национальные интересы, объекты безопасности Республики Таджикистан и интересы Республики Таджикистан. В диспозиции ст. 342 проекта УК РТ следовало бы указать следующее: «против национальных интересов и объектов безопасности Республики Таджикистан, связанных с государственной безопасностью»;

3) в ст. 342 проекта УК РТ перечень адресатов или в пользу субъекта, где совершается государственная измена, был расширен, в него добавлена международная организация. Такое нововведение необходимо в составе измены государства;

4) в проекте УК РТ смягчено наказание за государственную измену (с учетом принципа гуманизма), т.е. в ч. 1 – наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двенадцати лет, ч. 2 – лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет и ч. 3 – наказание лишением свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет или пожизненным лишением свободы. В ч. 2 ст. 342 проекта срок назначенного наказания соответствует двум категориям преступлений, т.е. тяжким и особо тяжким категориям. Было бы хорошо, если бы в санкции статей Особой части нового проекта УК РТ наказания были приведены в соответствие в рамках одной категории преступлений, потому что такие наказания или нормы носят коррупционный характер;

5) словосочетание «оказание иной помощи» в составе государственной измены имеет оценочную характеристику. Лучше бы таких оценочных признаков в проекте УК РК не было, так как на практике эти случаи приводят к злоупотреблению должностными полномочиями со стороны сотрудников правоохранительных органов, нарушению прав и интересов граждан, а также имеют коррупционные факторы. Все действия должны быть конкретными, а не измеримыми;

6) в зависимости от квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в ст. 342 проекта УК РТ новеллы не замечается, напротив, совершение данного преступления в случае опасного или особо опасного рецидива, что было включено в УК РК 1998 г. как квалифицирующий признак, не учитывалось при разработке нового проекта.

IV. Статья 344 проекта УК РТ устанавливает уголовную ответственность за пропаганду или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Таджикистан или сепаратистскую деятельность. Происхождение данной статьи связано с частичным слиянием ст. 306 и 307 УК РТ 1998 г.

Статья 344 проекта УК РТ включает 3 части, в ч. 1 и 3 предусмотрена уголовная ответственность за отдельные действия, а в ч. 2 предусмотрены квалификационные признаки за совершение ч. 1 этой статьи. Эта статья также имеет свои преимущества и проблемы, такие как:

1) в ч. 1 наряду с насильственным изменением конституционного строя Республики Таджикистан предусмотрена уголовная ответственность за нарушение единства и территориальной целостности Республики

Таджикистан, неприкосновенности и неделимости ее территории, что является спорным. Следует сказать, что единство и территориальная целостность Республики Таджикистан, неприкосновенность и неделимость ее территории являются неотъемлемыми частями основ конституционного строя, и их нарушение можно рассматривать как незаконное изменение конституционного строя;

2) в ч. 1 и 3 ст. 344 установлена уголовная ответственность за сепаратистскую деятельность, т.е. сепаратизм. В Таджикистане существовало основание для криминализации сепаратизма с 2002 г., но по неизвестным причинам оно не криминализировано отдельной статьей в УК РТ 1998 г. 30 января 2002 г. Парламент Республики Таджикистан ратифицировал (признал) Шанхайскую конвенцию против терроризма, сепаратизма и экстремизма, и на основании этой Конвенции сепаратизм признан преступлением наравне с терроризмом и экстремизмом. Поэтому уголовная ответственность за сепаратизм (сепаратистскую деятельность) должна быть установлена в отдельной статье, а не в составе другой статьи. Потому что сепаратизм отличается от других преступлений своими признаками, объектом, объективной и субъективной стороной. Для формирования состава преступления сепаратизма следует использовать понятие сепаратизма, которое предусмотрено Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;

3) одна из новелл ст. 343 проекта УК РТ выражается в том, что в его диспозиции (в ч. 3) прямо указана цель совершения преступления, то есть это преступление (ст. 3 ст. 343) с целью нарушения унитарности и целостности РТ, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории либо дезинтеграции государства. В таком случае может возникнуть вопрос, а если данное преступление совершается с иными целями? Например, с целью свержения правительства и т.д. То есть насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции РТ либо насильственное изменение конституционного строя РТ в иных целях не является преступлением? Для решения этой проблемы предлагается, чтобы цель преступления ч. 3 ст. 343 проекта УК РТ была удалена.

V. Статья 345 проекта УК РТ устанавливает уголовную ответственность за вооруженный мятеж. В отличие от УК РТ 1998 г. данная статья является более полной. Предлагается, что в ст. 345 проекта УК РТ добавятся следующие квалификационные признаки: а) неоднократность; б) военнослужащим; в) с использованием служебного положения; г) в состоянии войны или военного времени; д) в случае опасного или особо опасного рецидива.

VI. Преступления, связанные с экстремизмом, были объединены в двух статьях (вопросу экстремизма в УК РТ 1998 г. было посвящено 4 отдельные статьи [9. С. 85]), т.е. ст. 346–347 проекта УК РТ, и уголовная ответственность за создание или руководство экстремистской группой, организацией или сообществом, или координацию либо участие в их деятельности (ст. 346) и публичные призывы к экстремизму или оправдание экстремизма либо организацию учебы религиозно-экстремистского характера (ст. 347). Новеллы и проблемы этих статей заключаются в следующем:

1) в ст. 346 проекта УК РТ криминализованы новые действия, такие как координация деятельности экстремистских групп, организаций или сообществ, а в ст. 347 проекта УК РТ криминализованы предоставление разрешения на публикацию экстремистских материалов в печать или распространение ее в СМИ, что является логически правильным и новаторским;

2) статья 346 проекта УК РТ обязывает законодательный орган разработать и включить в Закон РТ «О противодействии экстремизму» понятия экстремистской группы и экстремистского сообщества. Так как без закрепления на законодательном уровне понятий «экстремистская группа» и «экстремистское сообщество» возможно возникновение проблем при привлечении лиц к уголовной ответственности;

3) санкция 3 ст. 346 проекта УК РТ подпадает под две категории преступлений, которые, на наш взгляд, носят коррупционный характер и представляют собой злоупотребление должностными полномочиями со стороны сотрудников органов правосудия;

4) ч. 1 ст. 347 проекта УК РТ входит в группу составов с административной преюдицией, чего не было в УК РК 1998 г., и это действие ведет к дерадикализации экстремистов и снижению уровня совершения данного преступления в обществе;

5) в ч. 2 ст. 347 проекта УК РТ установлена уголовная ответственность за организацию учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера, а также руководство или участие в таком обучении независимо от места обучения. Предлагается исключить из состава данного преступления слово «религия». Поскольку экстремизм не всегда связан с религией, он может быть политическим, т.е. нерелигиозным;

6) в проекте УК РТ не предусмотрена уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности, которая имеет место в практике Таджикистана. В связи с этим вопрос неоднократно обсуждался в науке отечественного уголовного права [2]. Уместно предусмотреть такой вид преступления в проекте УК РТ; Закон РТ «О противодействии экстремизму» привести в соответствие с проектом УК РТ, т.е. одновременно с внесением этого проекта в законодательный орган согласовать текст других законов и кодексов с проектом УК РТ или наоборот.

VII. Статья 348 проекта УК РТ устанавливает уголовную ответственность за диверсию. Эта статья берет свою фундаментальную основу из ст. 309 УК РТ 1998 г. Только в диспозиции ст. 348 проекта УК РТ криминализовано новое деяние, т.е. совершение массового отравления либо распространение эпидемии или эпизоотии. Относительно криминализации указанных деяний следует сказать, что законодательный опыт Таджикистана 1961–1998 гг. знал этот вид диверсионного состава. В то же время в ст. 348 проекта УК РТ не рассматривают распространение эпифитотии [10, 11], представляющей общественную опасность наряду с распространением эпидемии или эпизоотии.

Статья 348 проекта УК РТ нуждается в поправке. Предлагается 1) криминализовать содействие диверсионной деятельности, обучение ведению диверсион-

ной деятельности, создание диверсионной группы (союза) или участие в ней; 2) в ч. 2 ст. 348 УК РТ установить следующие квалифицирующие признаки: а) повторно; б) группой лиц по предварительному сговору; в) с использованием служебного положения; г) при опасном рецидиве; д) военнослужащим; 3) в ч. 3 ст. 348 проекта УК РТ включить следующие квалифицирующие признаки: а) организованной группой или преступным сообществом; б) при особо опасном рецидиве; в) состоянии войны или военного времени.

VIII. И, наконец, в ст. 349 и 350 проекта УК РТ, которые посвящены вопросу защиты государственной тайны, установлена уголовная ответственность за незаконное соби́рание или распространение либо разглашение государственных секретов и утрату носителей сведений, составляющих государственные секреты. В упомянутых статьях есть существенные нововведения, а также некоторые проблемы. Например:

1) в ч. 1 ст. 349 проекта УК РТ криминализованы незаконный сбор сведений, составляющих государственную тайну, незаконным путем, а также распространение неправомочно полученных сведений, составляющих государственные секреты, при отсутствии признаков государственной измены или шпионажа;

2) ч. 2 ст. 349 проекта УК РТ соответствует по содержанию ст. 311 УК РТ 1998 г., и в диспозиции данной статьи нет новизны;

3) ч. 1 ст. 350 проекта УК РТ РК также по содержанию совпадает со ст. 312 УК РТ 1998 г., только термин «документ» (в ст. 312 УК РК 1998 г.) заменен термином «носитель». Носителями информации, содержащей государственную тайну, являются материальные объекты, в том числе физические поля, в которых информация, содержащая государственную тайну, находит отражение в виде символов, узоров, знаков, открытий и технических процессов. В зависимости от диспозиции ч. 1 ст. 350 проекта УК РТ один случай остается невыясненным. Следует сказать, что не все сведения, содержащие государственную тайну, хранятся на носителе, и в случае утраты государственной тайны, не содержащейся на носителе, должна применяться уголовная ответственность, согласно какой статье проекта УК РТ? На этот вопрос не может ответить проект УК РТ. Поэтому предлагается формализовать наименование преступления «утрата сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей», а его диспозицию привести в соответствие с наименованием преступления;

4) при подготовке этих статей не были учтены положения Закона Республики Таджикистан «О государственной тайне». Например, в зависимости от важности и степени конфиденциальности государственной тайны на основании указанного закона все государственные тайны подразделяются на три группы: «особой важности», «совершенно секретно» и «секретно». Как показывает диспозиция ст. 349 и 350 проекта УК РТ за незаконное соби́рание или распространение либо разглашение государственных секретов или утрату носителей сведений, составляющих государственные секреты, независимо от степени секретности предусмотрено равное

(одинаковое) наказание для преступника, что не совпадает с Законом РТ «О государственных секретах». Так как общественная опасность незаконного собирания или распространения либо разглашения государственных секретов или утраты носителей сведений, составляющих государственные секреты, от степени секретности является неодинаковой. Закон РТ «О государственных секретах» устанавливает, что «степень секретности сведений, составляющих государственные секреты, должна соответствовать степени тяжести ущерба, который нанесен или может быть нанесен национальной безопасности Республики Таджикистан и гражданам или интересам государственных органов и организаций вследствие распространения указанных сведений». Предлагается указанные статьи разделить на три части и установить уголовную ответственность в зависимости от степени секретности государственных секретов.

IX. В целом текст проекта УК РТ в новой редакции (на русском языке) на основе компьютерной программы «Антиплагиат» имеет оригинальность на 3,11%, а на 96,89% аналогичен или отсылает к УК Республики Казахстан, что вызывает беспокойство [12. С. 248]. Новая редакция УК РТ должна быть сначала составлена на таджикском языке, затем переведена на русский язык и, прежде всего, должна защищать национальные ценности, права и свободы, охраняемые законом интересы субъектов правоотношений и государственное устройство и безопасность. Однако здесь все наоборот, потому что при переводе некоторые понятия и термины утратили свое основное значение. В Республике Таджикистан с 1991 по 2023 г. было защищено более 60 докторских и кандидатских диссертаций по уголовному праву, принято несколько сотен нормативных правовых актов, и мы должны использовать этот большой научный и нормативный потенциал для подготовки собственной национальной модели УК РТ. Также рекомендуется при подготовке новой редакции проекта УК РТ взять за основу модель УК РФ, Германии, Франции и других развитых стран.

Заключение и рекомендации

1. Резюмируя, таким образом, статью, следует отметить, что преступления против основ конституционного

строения и безопасности государства в современных условиях, когда происходит активизация террористических и экстремистских организаций, рост транснациональной преступности, незаконного оборота оружия, киберпреступления и наркотики, в целях обеспечения мира, национального единства, государственной безопасности играют решающую роль. Анализ нового проекта УК РТ показывает, что сфера преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства наряду с новеллами имеет серьезные недостатки.

2. Новый проект УК РТ должен быть подготовлен с учетом развития уголовно-правовой науки, ее доктрины, действующего законодательства РТ и широкого круга специалистов.

3. Новый уголовный закон должен разрабатываться с использованием современных достижений законодательной техники, чтобы обеспечить его широкую доступность для восприятия и понимания населением, а также значительно уменьшить возможность смешения (ошибки) и злоупотреблений со стороны правоприменительных органов. Он должен быть разработан с использованием цифровых технологий и с учетом его дальнейшего применения в условиях цифровизации, в том числе может способствовать унификации терминов, разграничивать составы преступлений или иных подобных нарушений и т.д.

4. Любая законодательная реформа без учета установленных положений правовой доктрины неизбежно приведет к ее несистемности. По сравнению с Особенной частью УК нормы Общей части УК в меньшей степени подлежат изменениям и дополнениям. Однако любые недостатки, противоречия и неточности в Общей части УК, которые приобрели системный характер, вызывают множество проблем в правоприменительной практике. В Таджикистане, как мы отмечали выше, с 1991 по 2023 г. защищено много докторских и кандидатских диссертаций, но в какой степени новизна этих научных диссертаций была использована в новой редакции проекта РТ, точных сведений нет.

Новый проект УК РТ должен быть направлен на декриминализацию и снижение уровня социальной напряженности в обществе на основе надлежащего и справедливого урегулирования конфликта, вызванного преступностью, а не наоборот.

Список источников

1. Абдухамитов В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: уголовно-правовые, криминологические проблемы : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Бишкек, 2016. 39 с.
2. Кудратов Н.А. Уголовно-правовая охрана основ конституционного строя и безопасности государства: проблемы доктрины, правоприменения и совершенствования законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2021. 539 с.
3. Абдуллаев Н.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности (на материалах Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2021. 175 с.
4. Акилова М.М. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь общественного деятеля и общественного деятеля Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2022. 207 с. (на тадж. яз.)
5. Курбонзода Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2018. 212 с.
6. Хайдарзода М.П. Проблемы совершенствования законодательства и квалификации преступления экстремистского характера в Республике Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2020. 220 с.
7. Шарипов А.К. Предупреждение преступлений, обусловленных исламским радикализмом (по материалам Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 228 с.
8. Кудратов Н.А. Уголовно-правовая охрана основ конституционного строя и безопасности государства: проблемы доктрины, правоприменения и совершенствования законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2021. 127 с.
9. Бабаджонзода И.Х. Уголовная ответственность за экстремистские и террористические преступления: в теории и практике // Законодательство. 2018. № 3 (31). С. 80–87. (на тадж. яз.)

10. Курбанова А.А. Уголовно-правовой анализ объекта диверсии // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. 2021. № 4/1 (38). С. 288–293.
11. Курбанова А.А. История становления и развития уголовной ответственности за диверсии на территории Таджикистана // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. 2021. № 3 (37). С. 285–291.
12. Бабаджонзода И.Х., Кудратов Н.А., Гайратов Т.М. Некоторые вопросы совершенствования Общей части нового проекта Уголовного кодекса Республики Таджикистан // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. 2023. № 2/2 (47). С. 239–249. (на тадж. яз.)

References

1. Abdukhamitov, V.A. (2016) *Bor'ba s religioznym ekstremizmom: ugodovno-pravovye, kriminologicheskie problemy* [Combating Religious Extremism: Criminal-Legal and Criminological Problems]. Abstract of Law Dr. Diss. Bishkek.
2. Kudratov, N.A. (2021) *Ugodovno-pravovaya okhrana osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva: problemy doktriny, pravoprimeneniya i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva* [Criminal-Legal Protection of the Foundations of the Constitutional Order and State Security: Problems of Doctrine, Law Enforcement and Legislative Improvement]. Law Dr. Diss. Dushanbe.
3. Abdullaev, N.S. (2021) *Ugodovnaya otvetstvennost' za prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti (na materialakh Respubliki Tadjikistan)* [Criminal Liability for Extremist Crimes (Based on Materials from the Republic of Tajikistan)]. Law Cand. Diss Dushanbe.
4. Akilova, M.M. (2022) *Criminal Liability for Attacks on the Life of Public Figures in the Republic of Tajikistan*. Law Cand. Diss Dushanbe. (In Tajik).
5. Kurbonzoda, B.Sh. (2018) *Ugodovnaya otvetstvennost' za organizatsiyu ekstremistskogo soobshchestva v Respublike Tadjikistan* [Criminal Liability for Organizing an Extremist Community in the Republic of Tajikistan]. Law Cand. Diss Dushanbe.
6. Khaydarzoda, M.P. (2020) *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva i kvalifikatsii prestupleniya ekstremistskogo kharaktera v Respublike Tadjikistan* [Problems of Improving Legislation and Qualifying Extremist Crimes in the Republic of Tajikistan]. Law Cand. Diss Dushanbe.
7. Sharipov, A.K. (2017) *Preduprezhdenie prestupleniy, obuslovlennykh islamskim radikalizmom (po materialam Respubliki Tadjikistan)* [Prevention of Crimes Related to Islamic Radicalism (Based on Materials from the Republic of Tajikistan)]. Law Cand. Diss Moscow.
8. Kudratov, N.A. (2021) *Ugodovno-pravovaya okhrana osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva: problemy doktriny, pravoprimeneniya i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva* [Criminal-Legal Protection of the Foundations of the Constitutional Order and State Security: Problems of Doctrine, Law Enforcement and Legislative Improvement]. Abstract of Law Dr. Diss. Dushanbe.
9. Babadjonzoda, I.Kh. (2018) Criminal Liability for Extremist and Terrorist Crimes: In Theory and Practice. *Zakonodatel'stvo*. 3 (31). pp. 80–87. (In Tajik).
10. Kurbanova, A.A. (2021) Ugodovno-pravovoy analiz ob'ekta diversii [Criminal-Legal Analysis of the Object of Sabotage]. *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta kommersii*. 4/1 (38). pp. 288–293.
11. Kurbanova, A.A. (2021) Istoriya stanovleniya i razvitiya ugodovnoy otvetstvennosti za diversii na territorii Tadjikistana [History of Formation and Development of Criminal Liability for Sabotage in Tajikistan]. *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta kommersii*. 3 (37). pp. 285–291.
12. Babadjonzoda, I.Kh., Kudratov, N.A. & Gayratov, T.M. (2023) Some Issues of Improving the General Part of the New Draft Criminal Code of the Republic of Tajikistan. *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta kommersii*. 2/2 (47). pp. 239–249. (In Tajik).

Информация об авторе:

Кудратов Н.А. – профессор, доктор юридических наук, профессор Международного университета туризма и предпринимательства Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан). E-mail: nek-kudratov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Kudratov, full professor, Dr. Sci. (Law), professor, International University of Tourism and Entrepreneurship of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan). E-mail: nek-kudratov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.03.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 06.03.2025;
approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/25/21

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Юрий Владимирович Деришев¹

¹ Сибирский юридический университет, Омск, Россия, derishev.omsk@mail.ru

Аннотация. На заседании диссертационного совета 03.2.008.02, созданного на базе федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» прошла защита диссертации Чабукиани Оксаны Алексеевны «Теория следственной деятельности: понятие функции, пути совершенствования», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки). Диссертационный совет констатировал, что диссертация Чабукиани Оксаны Алексеевны «Теория следственной деятельности: понятие функции, пути совершенствования» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в сфере уголовного судопроизводства. Диссертационное исследование соответствует требованиям пунктов 9–11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 11.09.2021, 26.09.2022 и 26.01.2023 гг.), а его автор – Чабукиани Оксана Алексеевна заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки). Статья представляет собой отзыв официального оппонента, в котором подвергнуты анализу основные положения диссертации О.А. Чабукиани.

Ключевые слова: концепция досудебного производства, теория следственной деятельности, теоретические основы предварительного расследования, доктрина предварительного следствия

Для цитирования: Деришев Ю.В. Актуальные проблемы теории современной следственной деятельности // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 125–131. doi: 10.17223/23088451/25/21

Review
doi: 10.17223/23088451/25/21

CURRENT THEORETICAL ISSUES IN MODERN INVESTIGATIVE PRACTICES

Yuriy V. Derishev¹

¹ Siberian Law University, Omsk, Russian Federation, derishev.omsk@mail.ru

Abstract. Criminal justice has long been one of the most contentious spheres of human relations, with its evolution – particularly within the continental legal model and especially in its Russian iteration – primarily reflecting the transformation of its pretrial phase. This stage has undergone frequent modifications, continually generating new theoretical and practical challenges. Notably, Russia's institution of preliminary criminal investigation has followed an exceptionally complex and contradictory developmental path. These changes have prompted criminal procedure scholars to seek optimal procedural and functional-legal frameworks for pretrial proceedings. Recent reforms, however, have yielded less than optimistic outcomes, including the absence of a scientifically grounded, forward-looking model for pretrial system improvement; systemic imbalances in Russia's judicial reforms that have left pretrial procedures lagging behind other criminal justice institutions; a predominance of quantitative over qualitative enhancements in pretrial agencies' work; and disproportionate emphasis on judicial independence while maintaining the investigative bodies' strict departmental subordination – creating avenues for external influence on judicial decisions through vulnerable investigators. Further complications include the historical depersonalization of investigators as professional prestige declines; inadequate organizational-legal support for implementing new legislation despite high enforcement costs; persistent legal nihilism among officials who prioritize socially expedient outcomes over proper legal procedures; and the lack of constructive dialogue between academia and policymakers, resulting in legislators' insufficient engagement with recent theoretical advances for improving criminal justice.

Keywords: concept of pretrial proceedings, theory of investigative practices, theoretical foundations of preliminary investigation, doctrine of preliminary investigation

For citation: Derishev, Yu.V. (2025) Current theoretical issues in modern investigative practices. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 125–131. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/21

Человеческая цивилизация со всей очевидностью столкнулась с новыми вызовами и противоречиями достаточно глобального масштаба. В принципиальной схватке сошлись силы добра и зла, традиционных человеческих и правовых ценностей и «миропорядка, основанного на правилах». Во многом меняются оценки культурного и религиозного наследий, каноны нравственности и справедливости, образования и воспитания, основ человеческих отношений. Разрушаются привычные зеркала, в которых человечество видело свое прошлое, настоящее и будущее... Отдельно и очень остро стоит вопрос о взаимной ответственности личности и государства, о роли права в современных условиях мироздания.

Более того, современные угрозы колоссальным бременем накладываются на застарелые нерешенные проблемы, в том числе правового порядка. Вместе с тем почти двадцать лет назад на аналогичном диссертационном уровне был защищен ряд концептуальных положений, которые также констатировали сохранение «деструктивных процессов, происходящих в мировой цивилизации, где Россия, с ее перманентными государственно-правовыми экспериментами и вековыми противоречиями, столкнулась с проблемой определения оптимальных путей дальнейшего развития».

Таким образом, кризис не только затянулся, он вышел на новый, более радикальный виток, поставивший под угрозу все достижения человеческой цивилизации. Одной из самых горячих сфер человеческих отношений, как известно, всегда считалось уголовное судопроизводство, эволюция которого (конечно, применительно к континентальной модели, особенно отечественной его организации) – это главным образом история его досудебной фазы: именно она чаще всего претерпевала изменения, ставя при этом все новые и новые теоретические и практические проблемы. При этом необходимо особо отметить, что именно в России институт предварительного расследования преступлений прошел довольно сложный и противоречивый путь становления и развития. Соответственно реагировала на эти изменения и уголовно-процессуальная наука, ведя поиск оптимального процедурного и функционально-правового построения уголовного досудебного производства.

Отмечая двадцатилетие действия УПК РФ и шестидесятилетие функционирования следственного аппарата органов внутренних дел, научная и правоприменительная общественность в большей части дала объективную и принципиальную оценку эффективности современного отечественного уголовно-процессуального законодательства, в том числе по регулированию досудебного производства по уголовным делам.

Высказанные суждения особо подчеркнули не столь оптимистические результаты реформ последних лет, среди которых следует отметить: отсутствие у государства достаточно обоснованной перспективной модели построения и совершенствования уголовного досудеб-

ного производства; дисгармонию разворачивания судебно-правовой реформы в России, в результате которой досудебное производство в своем правовом развитии отстает от других институтов уголовного судопроизводства; преобладание экстенсивного пути совершенствования деятельности органов досудебного производства; одностороннее укрепление независимости суда при одновременном игнорировании «полной ведомственной подчиненности» органов предварительного следствия, сохраняющей открытым канал воздействия на судебные решения через доступного для постороннего вмешательства и влияния следователя; историческое обезличивание процессуальной фигуры следователя при нарастании тенденции дальнейшего падения авторитета и престижности следственной профессии; отставание организационно-правового обеспечения реализации нового законодательства при высокой затратности правоприменения; устойчивое сохранение правового нигилизма должностных лиц уголовного судопроизводства в виде установки на достижение социально значимых результатов при предельно минимальном использовании юридических средств и возможностей в правоприменительной деятельности; отсутствие взвешенного компромисса между научным сообществом и государством и, как следствие, недостаточная востребованность законодателем появляющихся в последние годы теоретических наработок по направлениям совершенствования уголовного судопроизводства.

Действительно, *расследовательский аппарат страны* продолжает откровенно лихорадить. Сохраняется высокая степень размытости профессионального ядра, обострились проблемы внешних и внутренних взаимоотношений сферы уголовного досудебного производства, остается крайне противоречивым принципиальный вопрос о соотношении процессуального контроля и надзора за законностью и обоснованностью следственной деятельности и др. На фоне иных негативных процессов, происходящих в стране и мире, угроза окончательной утраты профессионального предварительного расследования стала вполне очевидной.

Как представляется, наступил своеобразный «момент истины», когда процессуальной науке уготована особая роль: освободившись от узковедомственных и сиюминутных амбиций, найти и предложить государству единственно верные шаги по оптимизации уголовного досудебного производства. При этом не менее очевидно, что теоретической платформой для рассматриваемых проблем всегда выступало наличие единой парадигмы, не только принимаемой и разделяемой научным сообществом, но и объединяющей большинство его членов. Иными словами, внутри научного сообщества также нужен компромисс, более или менее единое видение собственной теоретической концепции, в частности, процедурного и функционально-правового построения уголовного досудебного производства.

В связи с этим смелое стремление Оксаны Алексеевны Чабукиани представить научному сообществу разработанную *теорию следственной деятельности* в качестве частной теории уголовно-процессуального права принципиально означает **актуальность темы исследования, сам выбор которой объективно определяет получение серьезного научного продукта.**

В свою очередь, это также детерминирует **научную новизну, оригинальность представленного исследования и достигнутых теоретических результатов.** При этом необходимо отметить, что **самобытность данной работы проявляется также рядом оригинальных авторских теоретических шагов О.А. Чабукиани,** в результате которых сформулированы понятия следственной деятельности [1. С. 92–138, 376] и теории следственной деятельности, определены ее предмет, метод правового регулирования и структура [1. С. 19–20, 116, 92–137, 373, 552]; дано авторское определение следственной деятельности в различных моделях уголовного судопроизводства [1. С. 25, 138–165]; определены особенности процессуального статуса *субъекта юридической обязанности доказывания*, объем и содержание процессуальных полномочий такого субъекта в различных моделях уголовного процесса [1. С. 26, 138–165]; указаны методы правового регулирования следственной деятельности в зависимости от модели, типа и вида построения такой деятельности [1. С. 92–137].

Достаточно высокой степенью научной новизны и оригинальности обладает аргументация О.А. Чабукиани, лежащая в обосновании вывода о наличии четвертой модели уголовного судопроизводства (наравне с розыскной, состязательной и смешанной), а именно протекционной, в которой основной объем прав и полномочия по принятию процессуальных решений по уголовному делу возлагаются на сторону защиты [1. С. 24, 135, 162–164, 369, 381–382].

Представляют несомненный научный интерес предложения соискателя, касающиеся предпосылок реформирования процессуального статуса следователя как субъекта юридической обязанности доказывания для достижения состязательного типа уголовного судопроизводства [1. С. 138–165].

Так, по утверждению О.А. Чабукиани, «субъектом юридической обязанности доказывания в рамках предварительной следственной деятельности является следователь, в рамках судебной следственной деятельности – суд» [1. С. 138]. При этом автор, констатируя, что выбранная модель уголовного судопроизводства влияет на объем процессуальной самостоятельности следователя, приходит к выводу об отличии содержания следственной деятельности в разных моделях уголовного судопроизводства. Так, «в состязательной модели для определения истины следователь обязан установить все обстоятельства деяния (как уличающие, так и оправдывающие), а также принять все необходимые меры, направленные на восстановление нарушенного права либо возмещение причиненного ущерба потерпевшему» [1. С. 165]. Отсюда принципиальный вывод соискателя о том, что «эти полномочия исключают сле-

дователя из функции обвинения, а равно и из разрешения дела» [1. С. 165]. Это важное методологическое резюме позволяет О.А. Чабукиани предложить пусть и не бесспорную, но теоретически значимую концепцию: «помимо общепризнанных трех основных функций выделяем четвертую – функцию формирования доказательств (доказывания), которая в состязательной модели позволяет обеспечить равенство сторон в предоставлении сведений, в последующем преобразуемых субъектом юридической обязанности доказывания в доказательств» [1. С. 24–25, 165–166, 382].

Также **отличаются оригинальностью и в силу предложенной аргументации являются убедительными суждения и оценки О.А. Чабукиани,** касающиеся тенденций и направлений развития теории следственной деятельности как частной теории уголовного процесса, а также предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в исследуемой области [1. С. 314–369].

Обогатили арсеналы уголовно-процессуальной теории новые научные результаты, полученные О.А. Чабукиани при исследовании метода правового регулирования следственной деятельности, который, по мнению автора, «характеризуется системным построением, обусловленным особенностями регулируемых уголовно-процессуальных отношений, и в каждой их относительно самостоятельной группе может проявляться в различном сочетании способов и приемов правового воздействия: обязывания, запрета, принуждения, дозволения, рекомендаций, поощрения, согласования» [1. С. 21].

При этом автор выделяет **семь групп правоотношений,** возникающих в процессе следственной деятельности: между следователем и участниками со стороны защиты; между следователем и участниками со стороны обвинения, не наделенными властными полномочиями; между следователем и участниками стороны обвинения, наделенными властными полномочиями; между следователем и судьей; между следователем и иными участниками уголовного процесса; между участниками стороны обвинения и защиты при контроле их поведения следователем, имеющим властные полномочия; между участниками, выполняющими функции обвинения и защиты, и иными участниками уголовного процесса при установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, при контроле их поведения следователем, имеющим властные полномочия [1. С. 21–23, 102–111, 135–136, 378–379].

Такой оригинальный подход О.А. Чабукиани позволил дать новую интерпретацию объекта и предмета следственной деятельности, рассмотреть ее через теорию правоотношений, во взаимосвязи и взаимозависимости как единый концептуальный блок вопросов.

Сказанное в полной мере указывает на **высокую теоретическую и практическую значимость представленного исследования.**

Как представляется, **теоретическое значение работы заключается в решении крупной научной про-**

блемы – разработке актуальной и востребованной теории следственной деятельности в рамках исторических моделей эволюционного развития отечественного уголовного процесса. Наряду с тем, что автором **достаточно обстоятельно доказана необходимость выделения частной теории уголовного судопроизводства – теории следственной деятельности**, в результате комплексного исследования выделены ее системообразующие элементы, доказана система построения, наличие предмета и метода правового регулирования; выявлены закономерности выбора типа уголовного судопроизводства и объема процессуальных полномочий следователя и судьи как субъектов юридической обязанности доказывания; обозначены перспективные направления развития российского досудебного производства с учетом эволюции и особенностей национального законодательства, определены пути совершенствования структуры следственной деятельности.

Безусловно, **полученные научные результаты оказывают серьезное позитивное влияние на развитие уголовно-процессуальной науки, теории доказывания**, расширяя опыт представлений о функционально-правовом построении уголовного досудебного производства, его принципах и моделях, формах и функциях, субъектном составе и процедурном режиме. Представленное исследование позволит решить многие теоретические проблемы, в частности, в какой-то мере восполнить отсутствие у государства стройной теоретической конструкции организации и процедур следственной деятельности.

В связи с этим **достаточно заметна практическая значимость исследования**, которое позволяет использовать полученные теоретические наработки для оптимизации прикладной деятельности органов предварительного расследования, субъектов, осуществляющих судебный контроль и прокурорский надзор, а также оперативно-розыскную деятельность. Полученные теоретические результаты, бесспорно, востребованы в методике преподавания в юридических вузах страны дисциплин, тесно связанных с уголовным судопроизводством в общем, и организацией следственной деятельности в частности.

Достоверность, обоснованность и убедительная аргументация научных положений, выводов, оценок и рекомендаций, частных и общих результатов исследования, проведенного О.А. Чабукиани, не вызывает сомнений и полностью подтверждается анализом использованных автором методик, внушительным теоретическим и нормативным материалом и сформированной автором эмпирической базой.

Работа над докторской диссертацией опиралась на диалектическую методологию, познание правовых явлений уголовного судопроизводства осуществлялось с позиции системного и междисциплинарного подхода (например, при изучении моделей и типов уголовного судопроизводства, определении сущности правосудия через критические взгляды и выявляемые противоречия). Широко применялись также общенаучные методы познания, например, системно-структурный метод, функциональный подход и общелогические приемы познания: анализ и синтез (например, для определения

предлагаемых научных тезисов, а равно формулировок возможных изменений и дополнений действующего законодательства); социологический (при сборе эмпирической базы исследования); абстрагирование (например, для определения понятий, используемых в ходе исследования, и выработки доказательственной базы для определения новой модели уголовного процесса), а также обобщение; индукция и дедукция; аналогия и моделирование; методы чувственного (эмпирического) и рационального уровней познания. Так, использование системно-структурного метода дало автору возможность раскрыть сложную организацию следственной деятельности, выделив ее предмет и структуру, а также метод правового регулирования.

Необходимо отметить, что наиболее плодотворные результаты исследования получены благодаря применению метода сравнительно-исторического анализа (в совокупности со сравнительно-правовым методом), что позволило в полной мере выявить закономерности и типологии эволюции как самой следственной деятельности, так и ее теории. Именно обращение к истории дало возможность автору исследовать процессы создания и реформирования отечественного следственного аппарата неразрывно с этапами развития государства и права России.

При подготовке диссертационного исследования широко использовались нормативно-правовые акты международного характера, действовавшие на различных исторических этапах становления российского государства до настоящего времени, а также научная литература по различным отраслям знаний.

Эмпирическая основа исследования представлена результатами анализа следственной и судебной практики; изучением 490 уголовных дел, находящихся в производстве следователей различных подразделений Санкт-Петербурга и Ленинградской области; анкетированием 250 следователей Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Следственного комитета Российской Федерации; исследованием обзоров и статистических данных состояния преступности правоохранительной системы Российской Федерации, сведений, полученных в результате изучения судебно-прокурорско-следственной практики, а также личным опытом работы старшим следователем следственного отдела при УВД на Петербургском метрополитене.

Приведенная информация в полной мере свидетельствует о достоверности достигнутых научных результатов и их репрезентативности.

Так, опубликованные О.А. Чабукиани по теме диссертации научные работы отличаются актуальностью, проблемностью и посвящены важным в теоретическом и прикладном плане аспектам. Основные положения работы получили апробацию в 4 монографиях, 57 публикациях в рецензируемых научных изданиях, в том числе 19 статьях, изданных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований, 23 выступлениях

автора на конференциях, круглых столах, из них 11 международных, 10 всероссийских, 2 региональных.

Впечатляет и объём использованных научных источников: 1205! В их числе не только нормативные акты, но и судебная практика, литература на иностранном языке, диссертации и авторефераты по основным вопросам в рамках избранной темы.

Основные положения и результаты исследования О.А. Чабукиани широко используются в организации предварительного расследования правоохранительных органов Российской Федерации, а также в образовательном процессе юридических вузов страны.

Докторская диссертация О.А. Чабукиани содержит совокупность новых научных результатов, имеющих внутреннее единство, вкупе свидетельствующих о завершенности работы, ее самостоятельности и личном крупном вкладе автора в уголовно-процессуальную науку. Работа написана хорошим литературным и научным языком, выдержана стилистически, ее оформление и внутреннее содержание полностью отвечают требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Автореферат диссертации адекватно отражает главные цели и содержание исследования, идеи и выводы автора.

Вместе с тем как любой фундаментальный научный труд, охватывающий обширный круг злободневных проблем теории и практики уголовного судопроизводства, представленная О.А. Чабукиани докторская диссертация не осталась свободной от отдельных дискуссионных положений, требующих дополнительной аргументации авторских выводов, некоторых дополнений и уточнений, которые в том числе носят *методологическое, доктринальное или концептуальное значение*.

1. Научное значение полученных О.А. Чабукиани результатов, как уже отмечалось, определяется разработкой и убедительным обоснованием авторской концепции теории следственной деятельности, ее эволюционного развития и путей оптимизации отечественного уголовного судопроизводства в рамках уголовного досудебного производства, что вполне объяснимо потребовало от автора комплексного фундаментального исследования данных проблем. Как представляется, возможно, именно этот подход побудил автора к достаточно широкому использованию в исследовании *метода прогнозов и альтернатив, что привело в итоге к некоторым пробелам при формировании выводов исследования*. Все приведенные ниже соображения в той или иной степени связаны именно с проблемой *авторской недосказанности* по решению ряда концептуальных вопросов.

2. Приводя периодизацию эволюции системы и организации предварительного расследования, автор утверждает, что новый этап развития, который обозначен как *федеральный (конституционный) с отказом от европеизации норм международного права*, начался именно 24 февраля 2022 г. Действительно, отдельные исследователи восприняли начало специальной военной операции как реализацию сценария «бунта против сложившейся модели миропорядка» (В.В. Лопалева, В.М. Межуев), с чем скорее всего следует согласиться. Вместе с

тем представляется, что отказ от европеизации (в принципиальной борьбе с его сторонниками) *начался несколько раньше с пониманием его ущербности*, хотя эти процессы не были последовательны, в том числе при реформировании уголовно-процессуального права («недообъединение» следственного аппарата, непреодоление тенденции на слияние предварительного следствия и дознания, «кутерьма» с определением места прокурора в досудебном производстве и т.п.).

Вместе с тем проведенный сравнительно-исторический анализ должен был позволить автору ответить на принципиальный вопрос: *в какой модели сейчас существует отечественное предварительное расследование* (сохранилось ли *предварительное следствие* или только его название, можно ли говорить о *прокурорском или полицейском расследовании*, каково назначение *дознания* и т.п.).

3. «Концептуальнообразующим» выводом диссертанта и постоянной «красной строкой» исследования проходит идея о выделении помимо общепризнанных трех основных функций уголовного судопроизводства (обвинения, защиты и разрешения дела) *четвертой функции* – «функции формирования доказательств (доказывания), которая в состязательной модели позволяет обеспечить равенство сторон в предоставлении сведений, в последующем преобразуемых *субъектом юридической обязанности доказывания* в доказательства» [1. С. 23, 145–146, 165–166 и др.].

Более того, автор напрямую ставит условие *признания наличия четвертой основной функции процесса* – доказывания с обеспечением демократизации, гуманизации и публичности досудебного производства, а также высказывает опасение (вновь предлагая *альтернативу*), что в противном случае (непризнание этой функции) реформирование уголовного досудебного производства в плане освобождения его от розыскных начал пойдет по иному пути [1. С. 166, 346].

В связи с этим возникает ряд суждений. Во-первых, аксиома, высказанная Иеремией Бентамом еще на рубеже XVII–XVIII в., о том, что искусство судопроизводства – это искусство пользоваться доказательствами, остается предельно актуальной, как и позиция профессора Леонида Евстафьевича Владимирова, который считал, что главное содержание любого УПК – это доказывание. Иными словами, судопроизводство, в том числе и его досудебная фаза, – и есть *доказывание*! А это и обвинение как движущая сила состязательного процесса, и защита от выдвинутого обвинения, и, безусловно, разрешение уголовного иска судом! Как эти функции могут существовать вне процесса доказывания? Что тогда входит в содержание предлагаемой параллельной четвертой функции? Во-вторых, *как, на каком уровне должна быть признана данная четвертая функция*, к чему неоднократно призывает О.А. Чабукиани?

4. Более того, увлеченность соискателя идеями признания *функции доказывания* в качестве автономной функции, как представляется, привело автора к *вынужденному решению* о делении следственной деятельности на *предварительную и судебную следственную деятельность* [1. С. 20]. Следуя данной логике, можно прийти к выводу, что там, где присутствует доказывание, там и есть следственная деятельность, в том числе и судебная.

Иными словами, доказывание, следственная деятельность и уголовное судопроизводство – равнозначные величины.

В связи с этим нельзя признать удачным приведение в качестве аргументации данных выводов характеристики *общих условий судебной следственной деятельности* [1. С. 298–313], где автор фактически рассматривает лишь систему и содержание *общих условий судебного разбирательства*. Это еще больше подтверждает аксиому, что любая деятельность в уголовном судопроизводстве и есть доказывание, которое автономно можно рассматривать в качестве функции только теоретически.

5. Одним из ярких научных выводов О.А. Чабукиани следует признать предложение *вывести следователя из тени исполнительной и судебной власти*. Как указывает автор, «для обеспечения объективного расследования следователь должен быть независим от органов исполнительной власти и суда, так как принадлежность к первым сохраняет элементы розыскного типа, второму – нарушает принцип публичности и превращает следователя в арбитра, осуществляющего сбор доказательств исключительно по инициативе сторон, а также ведет к совмещению функции формирования доказательств и юстиции» [1. С. 359].

В тексте диссертации находим: «Наилучшим решением вопроса об организационных формах раскрытия и расследования преступлений является сосредоточение всего следственного аппарата в СК РФ (последняя тенденция реформирования следствия сегодня), но с отдельными направлениями по расследованию преступлений каждого из ведомств... Но на данный момент такое реформирование в силу политической, экономической и социальной ситуации невозможно» [1. С. 86].

Вместе с тем в положениях, вынесенных на защиту, автор предлагает «обеспечить независимость и беспристрастность следователя, исключив его ведомственную принадлежность и видоизменив структуру Следственного комитета Российской Федерации, объединив в него имеющиеся следственные аппараты» [1. С. 27], а в заключении делает несколько противоречивый вывод: «учитывая специфику и сложность расследования отдельных категорий преступлений, принимая во внимание исторический национальный опыт построения следственного аппарата, в целях достижения состязательных элементов на предварительном расследовании и выделяя четвертую основную функцию по формированию доказательств, предлагаем сформировать *единый независимый следственный аппарат*, видоизменив структуру имеющегося Следственного комитета РФ. А

именно, выделив соответствующие подразделения при прокуратуре, при Федеральной службе безопасности и при Министерстве внутренних дел Российской Федерации» [1. С. 359].

При этом очевидны два вопроса. Во-первых, какой ветви государственной власти будет принадлежать перестроенный следственный аппарат? Во-вторых, его организация возвращается к построению советского периода: следователи органов прокуратуры, следователи органов государственной безопасности и следователи органов внутренних дел? А какова роль Следственного комитета Российской Федерации?

6. Соискатель предлагает «реформировать стадию возбуждения уголовного дела, предусмотрев *полицейское расследование в форме дознания* и изменив поводы для начала производства предварительного расследования [1. С. 27, 341–344, 384]. Вместе с тем параграф 1 главы 3 диссертации, называющийся «Реализация процессуальной самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела», фактически посвящен глубокому анализу средств доследственного производства, хотя начинается с характеристики *тактики предварительной проверки, осуществляемой следователем* [1. С. 217–269]. Возникает закономерный вопрос: входит ли доследственное производство в содержание следственной деятельности?

7. И последнее. По мнению автора, «теория следственной деятельности будет развиваться при каждой необходимости проведения реформ досудебного производства и судебного разбирательства, необходимости достижения конкретной модели уголовного судопроизводства» [1. С. 322, 339], с чем можно согласиться, но с оговоркой: *пусть необходимость проведения реформ досудебного производства опирается на теорию (концепцию или доктрину) следственной деятельности!*

Вместе с тем высказанные замечания в своей основе касаются исключительно дискуссионных вопросов, где особо ценна именно оригинальная авторская позиция, хотя и требующая в отдельных моментах дополнительной аргументации. Представляется, что ответы соискателя на поставленные в отзыве вопросы только украсят научную полемику и повысят уровень актуальности, новизны и оригинальности результатов представленного исследования.

Безусловно, высказанные соображения не влияют на положительную оценку подготовленной диссертации, которая является завершенным, цельным монографическим исследованием сложной и важной в теоретическом и практическом отношении концептуальной проблемы.

Список источников

1. Чабукиани О.А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2022. 553 с. (на правах рукописи).

References

1. Chabukiani, O.A. (2022) *Teoriya sledstvennoy deyatel'nosti: ponyatie, funktsiy, puti sovershenstvovaniya* [Theory of Investigative Activity: Concept, Functions, Ways of Improvement]. Law Dr. Diss. Saint Petersburg. (Manuscript).

Информация об авторе:

Деришев Ю.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (Омск, Россия). E-mail: derishev.omsk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.V. Derishev, Dr. Sci. (Law), full professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Procedure, Siberian Law University (Omsk, Russian Federation). E-mail: derishev.omsk@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.03.2025;
одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 11.03.2025;
approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.*